

ВОЛШЕБСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Алан Гарнер

КАМЕНЬ ИЗ ОЖЕРЕЛЬЯ БРИСИНГОВ

Алан Гарнер

Луна в канун Гомрата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158285

Камень из ожерелья Брисингов: Росмэн-Пресс; 2003

ISBN 5-353-01191-0

Оригинал: Alan Garner, "The Weirdstone of Brisingamen"

Перевод:

Марина Яковлевна Бородинская

Аннотация

В книгу знаменитого прозаика Алана Гарнера вошли две повести – «Камень из ожерелья Брисингов» и «Луна в канун Гомрата». Эти повести занимают почетное место рядом с «Маугли» и «Хоббитом». Недаром же Гарнер – продолжатель традиций великого Киплинга, младший друг, а в чем-то и соперник несравненного Толкина.

Содержание

Эльфы из Синадона[1]	4
Колодец	7
Атлендор	15
Броллачан	21
«А также женщине, которая была в отчаянии»	34
Старое зло	47
Старое волшебство	57
Сияющая вершина	68
Всадники из Донна	86
Властитель Херлатинга	96
Долина Гойта	107
То самое озеро	119
Бодак	126
Дикая охота	136
Эррвуд	150
Вой Оссара	159
Ведьино клеймо	165
Дуновение печали	173
Дети Дану	182
Последняя скачка	190

Алан Гарнер

Луна в канун Гомрата

Эльфы из Синадона¹

На Моттрамской дороге, идущей вдоль лесистого холма Эдж, было сумрачно. На вершине холма шумели деревья, раскачиваемые порывами буйного ветра. Если у кого-нибудь и оказывалась причина не находиться в эту ночь под крышей, то он шел, пряча голову в воротник, и двигался вслепую, отворачивая лицо от дувшего с Пеннин ветра. И это было как раз то, что нужно, потому что за деревьями происходило нечто, не предназначавшееся человеческому глазу.

Из-за уступа Эджа голубой луч прорезал темноту. Он исходил из узкой расщелины в высокой скале, очертаниями напоминающей зуб.

В расщелине виднелись двустворчатые железные ворота, распахнутые настежь, а за ними открывался проход в туннель. На деревьях шевелились тени по мере того, как странная процессия проходила в ворота и направлялась по тунне-

¹ В своей повести автор часто пользуется старинными, названиями, обозначая места обитания гномов и эльфов. Синадон сейчас звучит как Сноудония, Талеболион – Англесей, Прайден – местность в Северной Шотландии, Минит Банног – старинное название одного из предместий Глазго.

лю в глубь холма.

Это был народец небольшого росточка, с узкими талиями и длинными изящными конечностями. На них были короткие, перепоясанные безрукавные туники, на босых ногах – никакой обуви. На некоторых, правда, красовались плащи из белых орлиных перьев, но это, скорее, служило обозначением их ранга, чем одеждой. У каждого в руках был сильно изогнутый лук, а к поясу прикреплен колчан, полный стрел с белым оперением. С другой стороны – виднелся острый отточенный меч.

Каждый ехал верхом на маленькой белой лошадке. Кое-кто сидел в седле горделиво и прямо, кто-то поник, склонившись на луку седла. А иные и вовсе лежали недвижимо поперек спины своей лошади в то время, как кто-нибудь из товарищей вел ее под уздцы. Числом их было приблизительно пятьсот.

Возле железных ворот стоял старик: высокий ростом и тонкий, как молодая береза. Его белые одежды, длинные волосы и борода развевались по ветру. В руке он сжимал белый жезл.

Медленно, стройной шеренгой, всадники продефилировали через ворота и направились в сторону мерцающего туннеля. Когда они все до одного вошли внутрь, старик повернулся и двинулся следом за ними. Железные ворота захлопнулись. Снаружи осталась только голая скала, обдуваемая порывами буйного пеннинского ветра.

Таким образом эльфы из Синадона незамеченными укрылись в Фундиндельве, последнем оплоте Высокого Волшебства. Каделлин Сребролобый, великий чародей и хранитель тайных мест холма Эдж, встречал их у входа в убежище.

Колодец

– Ух ты! – воскликнул Гаутер. – Что бы это значило?

– Что – что бы это значило? – спросил Колин.

– Да вот здесь, в «Эдвертайзере».

Колин и Сьюзен наклонились, чтобы поглядеть туда, где Гаутер показывал пальцем на заголовок примерно на середине газетного листа:

ПРОНИКНОВЕНИЕ В ГЛУБИНУ

«Много разговоров вызвало открытие, по-видимому, тридцатифутового колодца во время работы экскаватора перед гостиницей „Трэффорд Армз“ в Олдерли Эдж.

Возле гостиницы „Трэффорд Армз“ рабочие, прокапывающие дренажную канаву, сдвинули каменную плиту и обнаружили под ней углубление. Опущенная туда веревка с отвесом показала, что глубина доходит до тридцати футов, на пятнадцать футов углубление заполнено водой. Колодец не соединен с дренажной системой. И хотя каменная плита не была полностью удалена, было вычислено, что площадь колодца – шесть квадратных футов, и что стены его также выложены каменными плитами.

Предполагается, что в прошедшие времена в этом месте был установлен насос, и что экскаваторщики обнаружили колодец, откуда раньше качали воду для гостиницы.

Другое предположение гласит, что это был воздухоотвод, соединенный в древние времена с шахтами, расположенными под землей и простиравшимися на значительное расстояние в сторону деревни»

– Самое забавное, – сказал Гаутер, когда ребята закончили чтение, – что всегда говорилось, будто бы от медных рудников есть туннель, который ведет к погребам Трэффорда. А теперь еще это сообщение. Интересно, что все это означает?

– Да не все ли равно? – сказала Бесс. – Подумаешь, – яма с водой и только. Как ты на это ни посмотри. По мне, пусть она себе будет, нам-то что!

Гаутер засмеялся.

– Эй, барышня, где же твоя любознательность?

– Если человеку столько лет, сколько мне, да еще он все толстеет, как хрюшка, то у него полна голова других забот. Что мне до всяких там канав с водой, – отрезала Бесс.

– Ну, ладно. Давай-ка займемся делами. Я еще не закончил с покупками, да и ты тоже.

– А можно нам сначала посмотреть на этот колодец? – спросила Сьюзен.

– Ага. Я как раз думал вам это предложить. Тут недалеко – прямо за углом, – сказал Гаутер. – Займет всего пару минут.

– Ладно, давайте, – сказала Бесс. – А я пошла. Желаю интересно провести время. Только не пропадайте на целый день, хорошо?

Они вышли на деревенскую улицу из дешевой лавчонки,

куда перед тем заглянули. Среди всех припаркованных автомобилей, как и тридцать лет назад, стояла зеленая тележка Моссоков и в оглоблях – их белая лошадка Принц. Ничего не изменилось. И сами Моссоки не менялись. Бесс была по-прежнему в своем долгополом пальто и в широкополой шляпе, пришпиленной шляпной булавкой, а Гаутер – в неизменном жилете и бриджах. Они не видели резона в том, чтобы менять образ жизни, который их устраивал. Как всегда раз в неделю они покидали свою ферму Хаймост Рэдмэнхей, расположенную на южном склоне холма Эдж, и развозили по клиентам яйца, битую птицу и овощи.

Когда Колин и Сьюзен впервые оказались в Хаймост Рэдмэнхей, все показалось им попервоначально довольно странным, но они быстро вписались в тамошний образ жизни.

Гаутер и ребята прошли, ведя Принца за уздечку, небольшое расстояние вдоль по улице к «Трэффорд Армз», гостинице и пивной, построенной во вкусе викторианской эпохи, наполовину каменной, наполовину деревянной.

Траншея глубиной в три фута была прорыта вдоль фасада здания, близко от его стены. Гаутер взобрался на кучу земли и глины и заглянул в траншею.

– Ага, это здесь.

Колин и Сьюзен присоединились к нему.

Край каменной плиты торчал из стены траншеи на некотором расстоянии от ее дна. Кусок плиты откололся, открыв отверстие шириной примерно в три дюйма. Только и всего.

Сьюзен подобрала камешек и кинула его в дыру. Через секунду послышалось «плюм», когда камень коснулся воды.

– Ни о чем особенно не говорит, а? – сказал Гаутер. – Ты чего-нибудь видишь?

Сьюзен прыгнула в траншею и, скосив глаза, попыталась заглянуть внутрь.

– Здесь... круглая шахта. В ней торчит что-то вроде трубы. Больше ничего не видно.

– Должно быть, это, и правда, просто колодец, – сказал Гаутер. – Жалко, мне нравилось думать, что в старой легенде о потайном туннеле что-то есть.

Они вернулись к своей тележке, и когда Бесс справилась с покупками, продолжили объезд клиентов. День уже клонился к вечеру, когда они закончили все дела.

– Вы, должно быть, опять захотите пройтись по лесу? – поинтересовался Гаутер.

– Да, если можно, – ответил Колин.

– Если б меня спросили, я бы посоветовал плюнуть на это, – заметил Гаутер. – Но если уж вы решили обязательно идти – идите, хотя я не понимаю, чего вы там забыли. Но только шпарьте прямо домой. Имейте в виду, через час стемнеет, а в лесу, в темноте, знаете как. Глазом не успеете моргнуть, – свалитесь в шахту.

Колин и Сьюзен шли вдоль подножья Эджа. Каждую неделю Бесс и Гаутер возвращались домой в тележке. И каж-

дую неделю дети совершали такую прогулку пешком. И вообще, когда у них выдавалась свободная минутка, они бродили здесь, искали...

Через четверть мили кончились сады, и начались поля. Вскоре деревня скрылась из виду. Справа возвышался вертикальный северный склон Эджа, уходивший вверх прямо от дороги, по которой они шли. Осанистые буки простирали ветви над дорогой, а над их вершинами виднелись поросшие сосной угрюмые скалы.

Колин и Сюзен свернули с дороги, и некоторое время молча поднимались в гору среди букового леса. Потом Сюзен сказала:

– Но что, что случилось, объясни ты мне! Почему мы теперь никогда не можем увидеть Каделлина?

– Ох, не начинай! – сказал Колин. – Мы ведь никогда не знали, как открыть главные ворота или вход у Холиуэлл – святого колодца, поэтому вряд ли мы когда-нибудь его найдем.

– Да, но почему он не хочет нас видеть? Ну, раньше еще можно понять: когда приходиться сюда было опасно. А теперь? Чего бояться теперь, когда Морриган уже больше нет.

– В том-то и дело, – сказал Колин. – Неизвестно еще, так ли это на самом деле.

– Но это должно быть так, – возразила Сюзен. – Вон Гаутер говорит, что ее дом стоит пустой, и все в деревне об этом судачат.

– Жива она или нет, сейчас она вряд ли вернулась бы домой, – сказал Колин. – Я уже думал об этом. Прошлые разы, когда Каделлин не хотел с нами видиться, – помнишь? – каждый раз он считал, что Морриган близко. Или, может быть, мы ему надоели? Или что-то случилось? Почему же еще мы никогда, никогда его не встретили?

Они дошли до Холиуэлла. Колодец находился у подножья скалы в одной из многочисленных долин Эджа. Он представлял собой продолговатое каменное корыто, в которое со скалы каплями падала вода. Рядом было углубление в камне поменьше, наподобие полукруглого тазика. Над ним в скале виднелась трещина, откуда и сочились прозрачные капли воды. Как было известно ребятам, это был второй вход в Фундиндельв. Но и на этот раз, как и все последнее время, никто не откликнулся на их призывы.

Так случилось, что однажды Колин и Сьюзен проникли в зачарованный мир волшебства. Сейчас не будем вспоминать об этом подробно. Они всей душой поверили в дружбу Каделлина Сребролобого и теперь были глубоко обижены, что он отверг их, не предупредив о своем исчезновении и ничего не объясняя. Они почти что жалели, что однажды побывали в мире чар. Им было, можно сказать, невыносимо, что лес для них теперь всего лишь лес, что валун, скрывающий железные ворота, всего лишь валун, что скала над Святым колодцем – всего лишь скала.

– Пошли, – сказал Колин. – Сколь ни гляди на скалу, она

от этого не откроется. И если мы не поторопимся, то не придем домой засветло. Знаешь ведь, как Бесс любит разводить панику...

Из долины они поднялись на вершину Эджа. Вечерело. Ветки буков контуром выделялись на фоне неба, сумерки сгущались в траве, собирались в ущельях, темнели в распахнутых глазах старых шахт, которые избороздили лес, изрешетив и песок и камень. Доносился шум ветра, хотя деревья были неподвижны.

– Но Каделлин мог хотя бы сказать, что он не...

– Подожди минутку! – прервал сестру Колин. – Что это там внизу? Видишь?

В этот момент они шли по краю карьера. Карьер уже много лет не разрабатывался. На дне он успел зарастить травой, так что по виду только его голые стены отличали его от других долин Эджа. В каждой долине была не только своя печаль, но и свой покой, а здесь было как-то неуютно, и ночь опускалась как-то уж очень быстро.

– Где? – спросила Сьюзен.

– На той стороне карьера, чуть левее вон того дерева.

– Не вижу...

– Вот опять, Сью! Что это?

Там, в глубине карьера царила тьма, и в этой тьме двигалось какое-то черное пятно, темнее всего, чем то, что его окружало. Оно двигалось по траве, бесформенное, плоское, уменьшающееся в размерах. Затем, изменив маршрут, это

нечто направилось вверх по скале. Где-то посередине, хотя трудно понять, где у него середина, горели две точки света. Оно скользнуло по верхнему краю карьера и скрылось в зарослях папоротника.

– Видела? – шепотом спросил Колин.

– Да. Только едва различимо. Может, это так – ответ?

– Ты думаешь – ответ?

– Нет.

Атлендор

Теперь они просто бежали. Что-то изменилось – то ли в них самих, то ли в лесу, и они это ясно чувствовали. Эдж внезапно стал если не враждебным, то каким-то чужим, небезопасным. Ребята стремились выбраться из-под деревьев: там, в кронах, что-то происходило, а может, это была игра света или нервная дрожь... Им все казалось, будто что-то белое мелькает на верхушках деревьев: что-то неясное, что-то неуловимое...

– Ты думаешь, там кто-то был, в карьере? – спросила Сюзен.

– Не знаю. И кто бы это мог быть? Я думаю, может, просто игра света, а?

Но прежде, чем Сюзен успела ответить, в воздухе раздался свист, и ребята отскочили в сторону. Рядом с ними фонтаном взвихрился песок. Они увидели, как маленькая, с белым оперением стрела воткнулась в землю. Пока они ее разглядывали, из сумерек над их головами раздался ровный, спокойный голос:

– Не шевельните ни одним мускулом, не дрогните ни одной жилкой, не шелохните ни одним волоском. Иначе я обрушу на вас столько тоненьких дубовых стрел, что их хватит, чтобы пришпилить вас к земле!

Инстинктивно Колин и Сюзен взглянули вверх. Перед

ними старая серебристая береза аркой изгибалась над дорогой, и среди ее ветвей находилась маленькая фигурка человеческих пропорций, но не выше четырех футов, облаченная в белую тунику. Кожа его была смуглая, точно обветренная. Пряди волос, похожие на языки серебряного пламени, обрамляли лицо. А глаза человечка напоминали глаза козы. В них полыхал свет, который ни от чего в лесу не мог отразиться. В руках он держал сильно изогнутый лук.

Вначале Колин и Сюзен не были в силах вымолвить ни слова. Потом Колин взорвался, напряжение последних минут стало слишком велико.

– Ты соображаешь, что ты делаешь? – закричал он. – Ты чуть не попал в нас этой штуковиной!

– О, Донас! О, святой Мотан! Послушайте только, как он разговаривает с эльфом!

Колин и Сюзен вздрогнули от этого глубокого голоса, раскатившегося смехом. Они обернулись и увидели еще одну маленькую фигурку, только более коренастую и плотную, стоявшую позади них на дороге. Рыжие волосы, поблескивающие в последних закатных лучах. Редко доводилось им встречать такие уродливые лица. Толстогубое, редкозубое, нос картошкой, бородавчатое, с косматой бородой и точно дубленой кожей. Левый глаз незнакомца закрывала черная повязка. Зато правый был полон жизни – за оба глаза сразу. Это был, несомненно, гном.

Он похлопал Колина по плечу, и Колин закачался от этого

дружеского хлопка.

– И я, Утекар Хорнски², люблю тебя за это! Ну что? Спустится ли его величество с этого дерева, чтобы поговорить с друзьями?

Белая фигура на дереве не шелохнулась. Казалось, человек не услышал сказанного.

– Я думаю, – продолжал гном, – сегодня эльфам понадобится стрелять из лука в других местах леса. Я вижу, Альбанак приближается, и настроение у него беспокойное.

Гном посмотрел поверх Колина и Сьюзен на дорогу. Они не могли ничего разглядеть в темноте, но слышали слабый цокот копыт. Звук становился все ближе и слышнее, из ночной темноты появился всадник на черном взмыленном коне. Вздывая песок на дороге, ездок резко осадил коня.

Он был довольно высокого роста и одет во все черное. Подняв голову, он прокричал:

– Господин мой Атлендор! Мы нашли его, но он покинул лес и направляется к югу. Он движется слишком быстро для меня. Эрмид, сын Эрбина, Рионан, сын Морена и Анвас Легкокрылый со своими дружинами не выпускают его из виду. Но их недостаточно. Поспеши!

Его прямые черные волосы спадали на плечи, золотая серьга поблескивала в ухе, лицо скрывала широкополая шляпа. На плечи всадника был накинут сколотый пряжкой черный плащ.

² Хорн – рог, скин – кожа, шкура.

– Я иду. Альбанак сообщит мое желание этим людям.

Эльф легко пробежал по березовым веткам и скрылся в кроне дерева. Что-то белое замелькало на соседних деревьях и, точно порыв ветра, прошелся по кронам.

Какое-то время все молчали. Казалось, что гном получает от всего истинное удовольствие и ждет, что остальные присоединятся к нему. Тот, кого называли Альбанак, взглянул на ребят. Колин и Сьюзен мало-помалу приходили в себя от неожиданности. Они уже догадывались, что опять попали в мир волшебства и, похоже, по чистой случайности. В их памяти вновь оживал этот мир – мир глубоких теней и странных чар.

Колин и Сьюзен находились уже в нем с того момента, как только дошли до карьера. Если бы они уже тогда уловили его атмосферу, то встреча с эльфом, гномом и черным всадником не поразила бы их так сильно.

– Я думаю, – сказал Альбанак, – что дело выскользнуло из рук Каделлина.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Колин. – И что вообще все это значит?

– Что я хочу сказать, займет некоторое время, чтобы объяснить, и что это все значит – займет то же самое время. И место, где все это совершится, называется Фундиндельв. Так что направимся туда все вместе.

– Нет более срочных дел в лесу этой ночью? – спросил Утекар.

– Ни одного из тех, что мы могли бы совершить. Единственная надежда на быстроту и острое зрение эльфов, – сказал Альбанак, – хотя я боюсь, и этого недостаточно.

Он сошел с коня и пошел с ребятами и гномом по тропе. Через некоторое время Сьюзен заметила, что они идут не в сторону Холиуэлла.

– Туда ведь ближе, – сказала она, махнув рукой налево.

– Ближе, – отозвался Альбанак. – Но эта дорога шире, что весьма полезно в сегодняшнюю ночь.

Вскоре они увидели небольшую площадку, где был навален песок и разбросаны камни. Это была Грозовая Вершина – место, откуда при дневном свете открывался прекрасный вид. Сейчас оно выглядело недружелюбным. Затем путники двинулись к Сэдделбоул, который был отрогом выступавшей над долиной скалы. Там, на полпути к долине лежал огромный валун.

– Отвори ворота, Сьюзен, – сказал Альбанак.

– Но я не могу, – отозвалась Сьюзен. – Я уже пробовала не раз.

– Колин, – сказал Альбанак, – положи правую руку на камень и произнеси слово «Эмалагра».

– Вот так?

– Да.

– Эмалагра?

– Еще раз.

– Эмалагра! Эмалагра!

Ничего не произошло. Колин отошел от камня с довольно глупым видом.

– Теперь Сьюзен, – сказал Альбанак. Сьюзен подошла, положила руку на камень.

– Эмалагра! Видишь? Все без толку. Я не раз пыталась... Но внезапно по скале пробежала трещина. С каждой секундой она становилась все шире и шире, обнаружив в глубине двустворчатые железные ворота. За ними виднелся освещенный голубым светом туннель.

Броллачан

– А теперь, пожалуйста, открой ворота, – сказал Альбанак.

Сьюзен протянула руку и дотронулась до ворот. Они распахнулись.

– А сейчас – быстро! – сказал Утекар. – В эту ночь полезнее быть внутри, чем снаружи.

Он подтолкнул ребят ко входу, и в ту самую минуту, как они вошли внутрь, скала сдвинулась за их спиной.

– Почему они открылись? И почему не открывались прежде? – спросила Сьюзен.

– Во первых, потому что произнесла слово. Но есть еще и другая причина. О ней мы поговорим позже.

Альбанак повел их переходами Фундиндельва. Туннели приводили в пещеры, пещеры вели в туннели... Все пещеры и туннели были и похожи, и непохожи друг на друга. Казалось, им не будет конца.

Чем больше они углублялись, тем светлее становилось голубое сияние. По этому признаку ребята заключили, что они приближаются к Пещере Спящих, где самым могучим волшебством на свете была зачарована древняя шахта гномов Фундиндельв. Хранителем ее чар в веках и являлся Каделлин Сереболобий. Здесь в ожидании часа, когда его разбудят для последней битвы, спал король в окружении своих рыца-

рей. А возле каждого рыцаря – спала молочно-белая лошадь.

Ребята озирались на языки холодного пламени, совсем белые здесь, в самом центре волшебства. Огненные блики отражались на серебряных доспехах. Ребята восхищенно глядели на рыцарей и на лошадей, вслушивались в их сонное приглушенное дыхание, прислушивались и, казалось, ощущали биение сердца самого Фундиндельва.

После Пещеры Спящих они направились вверх через другие туннели, через крепкие арки мостов, перекинутые над неведомыми глубинами, и достигли небольшой пещеры неподалеку от Святого Колодца Холлиуэлл, где обитал сам чародей. Тут было несколько стульев, длинный стол и постель из звериных шкур.

– А где Каделлин? – спросила Сьюзен.

– Он сейчас с лайос-альфарами, с эльфами, – сказал Альбанак. – Многие из них больны от загрязненного воздуха. Отдохните здесь, пока он придет. Вам, конечно, о многом хотелось бы спросить.

– Разумеется! – сказал Колин. – Кто тот, что пускал в нас стрелы?

– Король эльфов, Атлендор, сын Нафа. Он нуждается в вашей помощи.

– Что? – воскликнул Колин. – Довольно странным образом он за ней обратился!

– Я никогда не думала, что эльфы так дурно воспитаны, – заметила Сьюзен.

– О, не спешите с выводами! – воскликнул Альбанак. – Вы слишком торопливо судите! Поймите, он сейчас угнетен страхом. Он устал, над ним нависла опасность. И он – король. К тому же, знайте, что эльфы не любят людей. Это люди последние пару сотен лет поклоняются грязи и уродству, загрязняют воздух. Это из-за них лайос-альфары вынуждены были покинуть родные места и переселиться туда, где нет дорог и земля пустынна. Вы бы видели, как болеют от дыма и копоти эльфы Талеболиона и Синадона. Вы бы слышали, как тяжело они дышат. И все это наделали люди!

– Но чем же мы можем помочь?

– Я расскажу вам. Каделлин, правда, все время возражал против этого, и у него на то есть веские основания. Но раз уж вы здесь, я думаю, мы должны рассказать вам. Если коротко, то так. Выяснилось, что в пустошах северной стороны, в далеком Прайдейне, где в последнее время расположилось королевство лайос-альфаров, что-то таится. Уже на протяжении довольно долгого времени число альфаров все уменьшается и уменьшается. А по какой причине, мы никак не можем понять. Эльфы исчезают. Первоначально исчезали по одному-по два. Но недавно целая дружина, дружина Гранноса, исчезла, и кони, и оружие – и все без следа. Какое-то большое зло действует в Прайдейне. И вот, чтобы его обнаружить и обезвредить, Атлендор и созывает всех эльфов с запада и с востока. Он намеревается собрать воедино все волшебство, какое только сможет. Сюзен, ты позволишь ему взять Зна-

ки Фохлы?³

– А что это такое? – спросила Сьюзен.

– Это тот браслет, что Ангарад Златорукая подарила тебе.

– Этот? – сказала Сьюзен. – Я даже не догадывалась, что у него есть имя! Какая польза от него Атлендору?

– Я не знаю, – ответил Альбанак. – Но любое волшебство может помочь.

Сьюзен поглядела на браслет из старинного серебра на своей руке. Это все, что она вынесла из своего последнего столкновения с миром магии и волшебства. В ночь, полную опасности и чар, браслет был подарен ей Ангарад Златорукой, Хозяйкой зачарованного острова. Сьюзен не знала смысла, который таился в письменах, начертанных на браслете. Но она твердо помнила, что это отнюдь не обычный браслет, и вовсе не считала его простым украшением.

– Почему он так называется?

– Разное говорят, – сказал Альбанак, – и я кое-что об этом слышал, но точно знаю лишь то, что Знаки Фохлы происходят из древнейшей магии на земле. Я вижу браслет впервые и не знаю всех его возможностей. Так ты дашь его Атлендору?

– Я не могу, – ответила Сьюзен.

– Но эльфы могут погибнуть оттого, что у них не будет Знаков! – сказал Альбанак. – Неужели ты предашь их, когда они так нуждаются в помощи?

³ Фохла – имя жены мифического короля Мак-Цехта в шотландском фольклоре.

– Нет, конечно, я приду на помощь, – горячо произнесла Сьюзен. – Просто Анград сказала, чтобы я никогда не расставалась с браслетом. Правда, она не объяснила, почему. Если Атлендору нужно, я пойду с ним. На эти слова Утекар засмеялся, а Альбанак опечалился.

– Атлендор не согласится. Ты не имеешь права с ним пойти. Послушай, Сьюзен, может быть, браслет и не поможет Атлендору. Но дай мне его на короткое время, чтобы Атлендор мог испытать его силу. Если браслет не откликнется на беду эльфов, я верну его тебе немедленно.

– А почему бы ему, – начал Утекар, – не скрыться в Банноге быстрее, чем лиса в лесу, и не унести с собой Знаки Фохлы? А?

– Значит, ты не знаешь лайос-альфаров, Хорнскин, – заметил Альбанак. – Я даю тебе слово, что обмана не может быть.

– Тогда слово должно быть сказано Каделлину, – возразил Утекар. – Чтобы Атлендор не думал, что черная опасность заслуживает черных поступков. И вообще ни один из лайос-альфаров не покинет Фундиндельв, если Каделлин попросит их остаться.

– Я верю тебе, Альбанак, – сказала Сьюзен. – И, пожалуй, верю Атлендору. Вот возьми, и пусть он выяснит, как можно применить мой браслет. Только пожалуйста, верни мне его тут же, когда минет нужда.

– Спасибо, – поблагодарил Альбанак. – Ты не пожалеешь.

– Будем надеяться, – пробормотал Утекар. Он выглядел сильно опечаленным.

– Из того, что я слышал о недавних событиях, можно заключить, что ты зря остаешься безоружной. Морриган ничего не забывает и ничего не прощает, – сказал Утекар.

– Морриган? – изумился Колин. – Где она? Она, что, опять за нами охотится?

Когда дети впервые столкнулись с Морриган в человеческом облике, они вскоре узнали, что это не просто грубая и невоспитанная тетка. Морриган была главной ведьмой среди других колдунов и ведьм, называемых мортбрудами. А в довершение: она одна умела разбудить зло в камнях и даже извлекать его из воздуха. При этом колдунья она была необычайно сильная. Благодаря Колину и Сьюзен, Каделлину Сребролобому удалось сокрушить ее темную силу. Но они не были уверены, что сама Морриган избежала гибели, постигшей ее соратников – мортбрудов.

– Мортбруды все разгромлены, – сказал Альбанак. – Но ее видели. Ты бы лучше спросила у того, кто принес о ней весть.

Он кивнул на Утекара.

– Спроси у этого гнома с милейшим характером из Минит Баннога в северной стороне.

– Да ну? Ты видел ее? – воскликнул Колин.

– Видел ли я ее! – оживился гном. – Вы хотите это знать? Ладно, слушайте. Как-то на пути к южным лесам я оказал-

ся у подножья холма Блэк Фернбрейк в Прайдейне. Вот-вот должна была разразиться гроза. Я стал искать местечко среди камней и вереска, где можно было бы укрыться на ночь. Я увидел круглый коричневый камень, несколько откатившийся от других камней. Я схватился за него, чтобы его приподнять, и – о, король солнца и луны и ясных благоухающих звезд! – камень охватил меня за шею и начал душить насмерть!

Можете спросить меня, хотя я и сам не знаю, как мне удалось вырваться из цепких рук. Это был не камень, это была Морриган! Я кинулся на нее с мечом. И хотя она выколола мне глаз, я снес ей голову. И весь холм Блэк Фернбрейк задрожал от ее крика.

Но голова подпрыгнула вверх и вновь уселась на свое место. И Морриган двинулась на меня в страшной злобе, и я сильно струхнул. Три раза мы схватывались с ней, три раза я отрубал ей голову, и три раза Морриган оказывалась невредима, а я чуть ли не умирал от боли и слабости.

Собрав последние силы, я снес ей голову с плеч. Но когда голова летела обратно, чтобы водрузиться на прежнее место, я приложил к шее Морриган меч.

Голова подпрыгнула на клинке меча, как на пинг-понговой ракетке, и взвилась к небесам. Теперь, когда она снова летела вниз, я заметил, что она целится прямо в меня. Я успел отступить в сторону, и голова ведьмы зарылась на шесть футов в землю! С такой силой она летела! Тут я услы-

шал скрежет камней. Казалось, будто кто-то что-то жует и грызет, и гложет. Я подумал, что пора уносить ноги, и помчался сквозь ночную темноту и ветер, и снежную пургу.

Теперь уже скоро Каделлин должен был прийти. Все это время Утекар старался, чтобы беседа не замирала.

Гном вспомнил, как однажды, повстречав Альбанака, он услышал от него, что нечто злое вырвалось из-под земли неподалеку от Фундиндельва, и что Каделлин Сребропобый преследует его и находится в большой тревоге. А надо сказать, что Утекар довольно продолжительное время провел в праздности, и тут сразу же решил, что настал час действовать. Он немедленно направился на юг из Минит Баннога. Утекар подумал, что Каделлин будет рад получить от него помощь. Добравшись до Фундиндельва, он понял, что поступил правильно. Дело обстояло еще серьезнее, чем он предполагал.

Давным-давно одно из больших зол и несчастий держало долины Эджа в страхе. Но оно было поймано, пленено добрыми силами, закрыто в глубокой яме у подножья Эджа. Столетия спустя из-за человеческой глупости оно вырвалось на свободу. Его вновь изловили и заперли, но на этот раз очень дорогой ценой. До Альбанака дошел слух, что недавно люди выпустили это зло вторично.

И теперь неизвестно, где и как снова доведется поймать Броллачана. Броллачан – это и есть его имя.

– Броллачан! – продолжал Утекар. – У него есть глаза и рот, но речью он не наделен. И, к сожалению, он не имеет никакой формы.

Ребятам все это было непросто понять, но пока гном говорил, в памяти у Сьюзен все вставала та зловещая тень, что они видели накануне. От этого воспоминания пещера казалась ей теснее и темнее.

Вскоре прибыл Каделлин. Плечи его были опущены, он тяжело опирался на свой жезл. Увидев ребят, чародей нахмурился.

– Колин? Сьюзен? Рад вас видеть. Но зачем вы здесь? Альбанак, почему ты сделал это за моей спиной?

– Это не совсем так, Каделлин, – сказал Альбанак. – Но сперва скажи, как лайос-эльфары?

– Эльфам Динесела и Талеболиона нелегко помочь. Те, что пришли из Минандона, поздоровее. Но они болеют из-за воздуха, полного гари и дыма, и я боюсь, что вылечить некоторых из них не в моих силах. А теперь, – обратился он к ребятам, – расскажите, что привело вас сюда.

– Нас... нас остановил Атлендор... эльф... а потом подошли Альбанак и Утекар, – ответила Сьюзен. – Мы от них слышали, что с эльфами беда.

– Не сердитесь на Атлендора, Каделлин, – сказал Альбанак. – Ему очень тяжело сейчас. Но Сьюзен подала нам надежду. Знаки Фохлы у меня.

Каделлин взглянул на Сьюзен.

– Я... рад. Это благородно, Сьюзен. Но вот, разумно ли? Конечно, гибель, грозящая эльфам, наполняет мое сердце болью и заботой. Но Морриган...

– Мы говорили о ней, – перебил его Альбанак. – Я беру браслет ненадолго. Надеюсь, что эта главная ведьма не появится здесь еще некоторое время. Ей надо набраться сил, прежде чем решиться передвигаться открыто. Если Хорнскин сказал правду, то становится ясно, что она мечется там, среди камней, возле Минит Баннога именно потому, что пока еще боится преследования.

– Скорее всего, так, – сказал Каделлин. – Знаю, я слишком осторожен. Но мне не хотелось бы видеть этих детей хотя бы даже на пороге опасности. Нет, Сьюзен, не сердись. Не возраст ваш вовсе, а то, что вы – люди, беспокоит меня больше всего. Вы находитесь здесь вопреки моему желанию.

– Но почему? – воскликнула Сьюзен.

– Как ты думаешь, почему люди знают о нас только через легенды? – спросил Каделлин. – Мы должны избегать вас, людей, вовсе не ради своей, а ради вашей безопасности. Это не всегда было так. Когда-то мы были близки, но незадолго до того, как эльфов изгнали из этих мест, с людьми произошла перемена. Вы решили, что овладеть миром лучше всего с помощью рук. Предмет и мысль были теперь для вас не одно и то же. Вы назвали это Веком Разума. У нас все иначе. Поэтому, когда вы попадаете в наш мир, вы становитесь слабыми, и вам угрожает не только зло. Опасность

может появиться и от других причин. Это вовсе и не обязательно злые, но дикие, необузданные силы, которые невольно могут погубить того, кто незнаком со здешними обычаями.

Вот поэтому-то мы и отошли от людей и стали просто их памятью, суеверием, привидениями, пугающими в темную зимнюю ночь. А потом и просто сделались предметом неверия и насмешек. Вот почему я кажусь вам таким суровым. Вы поняли меня?

– Да, – сказала Сьюзен неуверенно. – В общем.

– Но раз вы так давно отошли от людей, – заметил Колин, – как это получается, что вы разговариваете совсем так, как мы?

– Да нет, – сказал чародей. – Мы употребляем Общий Язык только потому, что вы здесь. У нас много языков. И разве вы не заметили, что среди нас есть такие, кто не очень-то хорошо владеет вашей речью. Эльфы почти полностью избегают людей. Они говорят на вашем языке так, как он им запомнился с давних времен, когда они покинули эти места. Поэтому они сейчас говорят плохо. Остальные – я, гномы, кое-кто еще – мы слышали язык все эти годы и поэтому говорим лучше, чем эльфы. Хотя и мы не можем овладеть скоростью и краткостью вашей современной речи. Альбанак больше всех видит людей, и то он иногда теряется, но поскольку люди держат его за сумасшедшего, то это не играет никакой роли.

Колин и Сьюзен недолго оставались в пещере. Атмосфера была тревожной, чувствовалось, что у Каделлина на душе больше беспокойства, чем он обнаруживает. Вскоре, после семи часов, они прошли по короткому туннелю, который вел к выходу возле Холлиуэлла. Чародей коснулся скалы жезлом. Скала отворилась.

Утекар проводил ребят до самой фермы, повернув назад только у самых ворот. По пути он все время оглядывался, озирался, вертел головой.

– Что случилось? – спросила Сьюзен. – Что ты все время выглядываешь?

– То, что я надеюсь не увидеть, – сказал Утекар. – Вы разве не заметили, что сегодня вечером лес вовсе не был необитаем? Мы прошли совсем недалеко от Броллачана. Надеюсь, что сейчас он находится на значительном расстоянии от нас.

– А как ты сумел его разглядеть?

– Вы, наверное, знаете, глаза гномов созданы, чтобы видеть в темноте, – сказал Утекар. – Но и вы разглядите его. Если ночь будет темна, как волчья глотка, Броллачан все равно будет чернее ее.

На этом разговор оборвался и дальше они шли молча. Когда они дошли до Хаймост Рэдмэнхей, Сьюзен спросила:

– Утекар, а что это с эльфами? Ты не обижайся, но они раньше казались мне «лучшими» из всех.

– Ха! – сказал Утекар. – Они-то с тобой, конечно, согласи-

лись бы. И мало кто стал бы с этим спорить. Однако, ты суди сама. Что можно сказать о лайос-альфах? Они беспощадны и недоброжелательны, и многое в них для меня необъяснимо.

«А также женщине, которая была в отчаянии»

На расстоянии около полумили от Хаймост Рэдмэнхей, сразу за холмом Клинтон Хилл находится старый, заполненный водой карьер. Некоторые из его склонов представляют собой скальную породу, а остальные покрыты спускающимся к воде лесом. Там поскрипывает сломанная ветряная водокачка, заброшенная тропа ведет в никуда, теряется где-то в зарослях ежевики. При солнечном свете это просто забытое, заброшенное место. Но после того, как погаснет закат, оно становится мрачным: мрачная темная вода плещется под нахмурившимися скалами, деревья толпой идут на водопой, водокачка презрительно скрипит – темная, никому не нужная, позеленевшая от времени.

– Но тут, по крайней мере, спокойно, – подумала Сьюзен, – а это уже кое-что.

Покоя не было на ферме с тех пор, как они вернулись, посетив Фундиндельв. Колин два дня все рассказывал и рассказывал, не в силах остановиться, а Моссоки, снедаемые тревогой за ребят, хранили тягостное молчание. Они не могли забыть, как дети совсем недавно странным образом были вовлечены в мир волшебства и чародейства, и это взаимо-

проникновение двух разных миров тревожило их не меньше, чем Каделлина.

И погода не радовала. Было очень тихо, очень сыро и как-то уж слишком тепло для начала зимы.

Однажды Сьюзен захотелось немножко побыть одной, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть душой от домашнего напряжения. После обеда она одна, без Колина отправилась к карьере. Она долго стояла на краю нависшей над водой скалы, глубоко погруженная в разглядывание резвящихся в воде рыбешек. Понемножечку напряжение последних дней начинало проходить. Вдруг какой-то шорох заставил ее поднять глаза. На другой стороне карьера, у самой воды стоял маленький черный пони.

– Эй, кто ты такой? Что ты там делаешь? Пони тряхнул головой и всхрапнул.

– Ну, иди сюда!

Пони пристально поглядел на Сьюзен бархатными глазами, махнул хвостом, повернулся и скрылся за деревьями.

– Ну, как хочешь... Интересно, который теперь час? Сьюзен поднялась вверх по холму и приблизилась к распаханному полю. Она посвистела, подманивая пони, но никого не было видно.

– Ну, не хочешь – не надо... Ой!

Пони оказался у нее за спиной.

– Ну, как ты меня напугал. Куда ты бегал? Сьюзен ласково потрепала уши лошадке. Это, кажется, понравилось по-

ни. Он поднял голову, положил ее Сьюзен на плечо и закрыл глаза.

– Тихо! Ты меня свалишь!

Она погладила пони, потом нехотя оттолкнула.

– Все. Мне пора идти. Я завтра снова приду. Пони потопал следом.

– Отстань. Тебе нельзя со мной.

Но пони все равно шел за ней, легонько поддевая ее головой и ласково покусывая ухо. Когда она подошла к заборчику и хотела перелезть через него на соседнее поле, пони вдруг встал между нею и забором и оттолкнул ее в сторону.

– Чего тебе? Толчок.

– Мне нечего тебе дать. Толчок.

– Ну что? Что? Снова толчок.

– Ты хочешь, чтобы я села верхом? Да? Ну, стой смирно. Хороший, хороший. Ну и длиннющая же у тебя спина. Стой! Стой!

В тот самый момент, как Сьюзен оказалась верхом, пони резко повернулся и в полный галоп поскакал назад, к карьеру. Сьюзен вцепилась в гриву обеими руками.

– Эй! Тпр-ру!

Они неслись прямо к колючей проволоке, которая огораживала скалу, нависшую над самым глубоким местом карьера.

– Нет! Не хочу! Стой!

Пони повернул голову и поглядел на Сьюзен. Его покры-

тые пеной губы скривились в ухмылке, глаза перестали быть бархатными, в середине черного зрачка мерцало красное пламя.

– Нет! – взвизгнула Сьюзен.

Но они неслись все быстрее и быстрее. Край скалы процертил жесткую линию на небе. Сьюзен попыталась спрыгнуть на ходу, но пальцы ее запутались в гриве, а ноги свело судорогой и прижало к ребрам животного.

– Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!

Пони медленно взвился над проволокой и, перелетев через скалу, ринулся в воду. Всплеск эхом отразился от скалистых стен карьера, по воде пошли пузыри. И все звуки замерли под тяжелым вечерним небом.

– Я не собираюсь больше ждать, – сказала Бесс. – Пусть Сьюзен сама себе подогревает чай.

– Давайте, – рассудил Гаутер. – Кое-что еще надо успеть до дождя. Скоро полет, туча вон, она – близко.

– И хорошо, – заметила Бесс. – А то целый день дышать нечем. Сьюзен не сказала, она надолго?

– Нет, – сказал Колин, – но ты ее знаешь. И тем более, у нее нет с собой часов.

Они сели к столу и ели молча. Единственное, что было слышно, это дыхание Бесс и Гаутера, тиканье будильника и идиотское жужжание забравшихся в дом осенних мух, которые все кружили и кружили под потолочными балками. Небо

темнело, воздух давил на людей в доме, как будто они были яблоки в соковыжималке.

– Точно. Сейчас разразится, – сказал Гаутер. – Сьюзен лучше бы идти домой, если она не хочет промокнуть до костей. Пора бы уж и прийти. Куда она собиралась, Колин? Эй, что такое?

Скэмп, лэрчер семейства Моссок, вдруг поднял дикий лай где-то недалеко от дома. Гаутер высунулся в окно.

– Замолчи! Хватит! Так о чем это я? А-а, Сьюзен. Ты не знаешь, куда она пошла?

– Она сказала, что пойдет к карьеру, потому что там покой и тишина. Она еще сказала, что я действую ей на нервы.

– Что? К Хэйманскому Карьеру? Что ж ты не сказал раньше, Колин! Там опасно... О, шут дери эту собаку! Скэмп! Замолчи! Слышишь?

– О-ой! – всплеснула руками Бесс. – Что с тобой стряслось? Где ты была?

На пороге стояла Сьюзен, бледная, с ошалелым лицом. Волосы ее были выпачканы илом, возле ног натекла лужа.

– Этот проклятый карьер! – завопил Гаутер. – Она же туда свалилась! Что ты себе думала, Сьюзен? Как можно туда ходить одной!

– Ванну и – в постель, – сказала Бесс. – Потом разберемся, что к чему.

Она схватила Сьюзен за руку и потащила вон из комнаты.

– Господь знает, что с ней приключилось, – пробормотала

она, через полчаса спустившись в столовую. – В волосах – полно песку и водорослей. Но я из нее ни слова не смогла вытянуть. Она точно свихнулась. Может, поспит и обойдется. Я положила ей в постель пару грелок. Кажется она засыпает.

Буря грохотала над домом, ветер гулял по комнатам, и парафиновые лампы гудели. Гроза разразилась вскоре после заката и разрядила воздух. Дом теперь стал опять убежищем, а не тюрьмой.

Когда тревога по поводу Сьюзен немного поутихла, Колин решил провести вечер над своей любимой книгой.

Это был старый заплесневелый гроссбух, куда сто лет назад один из пасторов в Олдерли переписывал старинные документы, касающиеся его прихода. Книга эта хранилась в семье Гаутера с незапамятных времен. И хотя у него никогда не хватало терпения расшифровать ее каракули, он очень ею дорожил, потому что она как бы связывала его с теми временами, которые давно миновали.

В ней всегда можно было вычитать что-нибудь чудное: надо было только обладать чувством юмора, каким был одарен Колин.

Его зачаровывали разные байки, анекдоты, семейные истории равно, как и перечень дарственных актов и субсидий, назначаемых лэндлордом.

В тот вечер книга была развернута на странице со следующим текстом:

Извлечения. Отчет церковного старосты. 1617 год.

Полный и согласный с правдой отчет обо всех деньгах, полученных и издержанных мною, Джоном Хеншо из Баттса, церковным старостой прихода Недер Олдерли, за 1617 год, а настоящее время 28-ое Мая 1618 Анно Домини.⁴

Попервоначалу заплачено за эль, который получили Рингеры и аз, многогрешный,

а также оплачен счет Джона Уитча за безрогую корову,

а также дано денег человеку, которому турки отрезали язык,

а также Филиппу Ли оплачена половина счета за загородку,

а также джентльмену, который назвался ирландцем,

а также затраты на плетение сетей,

а также женщине, которая была в отчаянии,

а также издержки, когда я пошел в город, чтобы напомнить тем, кто не был в церкви на прошлой неделе, чтоб прийти не запамятовали...

Но следующая запись согнала всякую улыбку у Колина с лица. Он перечитал ее дважды.

– Гаутер!

– А?

– Послушай, это часть отчета церковного старосты за 1617 год: «а также потраченное на Стрит Лейн Эндз, когда ми-

⁴ От Рождества Христова.

стер Холлинshed и мистер Райт пришли удостовериться, что это точно дьявол был обнаружен возле пивной, где занимались устройством колодца с насосом, дабы качать им воду, и где насос этот поломался и его уронили в яму».

– Ты не думаешь, что это та самая яма у Трэффорда? Гаутер нахмурился.

– Должно быть, так. Потому что и яма, и насос... И эту часть Олдерли раньше точно называли Стрит Лейн Эндз. И я слышал, что там находилась пивнушка перед тем, как Трэффорд построили. Шестьсот семнадцатый, говоришь? Тогда эта яма никак не может быть частью рудника, потому что Западную шахту выкопали только лет через двести. Значит, это все-таки колодец у старой пивной, так, что ли?

– Этого никак не может быть, потому что яма там уже была, а колодец они только строили! И насос как раз в яму и упустили. Они не знали, что там была яма! Ведь так?

– Ты меня лучше не спрашивай, я не знаю. А кто эти самые Холлишенд и Райт?

– Они часто тут упоминаются, – сказал Колин. – Я думаю, это священники в Олдерли и Уилмслоу. Но мне бы хотелось поподробнее узнать про «дьявола».

– Я не очень-то полагаюсь на эти записи, – сказал Гаутер. – Тогда была такая суеверная публика. Я имею в виду те времена. Да, кстати, я вчера повстречал Джэка Рикгли. Ну, того как раз, который и проткнул эту плиту, закрывающую колодец. И знаешь, что он сказал? Когда он нагнулся, чтобы

поглядеть, что же это такое он задел в траншее, то услышал странное бульканье, и лицо его точно обдало ветром из ямы. Но он думает, что это как-нибудь связано с давлением воздуха. Может, священники как раз это и приняли за Старого Ника?

– Мне все это не нравится, – сказала Бесс от двери. Она только что спустилась вниз. – Сьюзен не говорит ни слова, и она вся холодная, как лягушка. И я совершенно не могу понять, откуда столько песку. У нее в волосах его все еще полно. И она вся мокрая. Правда, неудивительно, с двумя грелками горячими в постели. Но что-то все-таки не так. Она лежит и смотрит перед собой вроде бы в никуда. А глаза у нее какие-то не такие.

– Как ты думаешь, пойти мне, что ли, за доктором?

– Что? В этакую-то бурю! Уже почти десять. Нет парень, с ней не так уж плохо. Ну, если к утру не пройдет, надо ехать за доктором, как пить дать.

– А что, если у нее сотрясение или еще что-нибудь такое?

– Нет, больше похоже на испуг. На голове были бы шишки или где-нибудь напухло. Нет, лучше всего пусть лежит. Небось, доктор тебе спасибо не скажет, если ты поволочешь его к нам в такую погоду. Пусть девчонка отдохнет, там – посмотрим.

Бесс, как и многие другие деревенские женщины, не могла отделаться от ничем не оправданного страха перед врачами.

Колин так и не понял, что его разбудило. Он лежал на спине и глядел на лунные квадраты на полу. Он проснулся внезапно, и сна у него не осталось ни в одном глазу. Его ощущения были ясны и остры, как кончик иглы, он отдавал себе отчет о каждой мелочи, находящейся в комнате.

Колин поднялся с постели и подошел к окну. Ночь выдалась ясная. После грозы воздух был чистый и сладкий. Во дворе лежали четкие тени. Скэмп улегся возле дверей амбара, положив голову на передние лапы. И тут Колин заметил какое-то движение. Он увидел его только краем глаза. Какая-то тень мелькнула и исчезла. Но он ни секунды не сомневался в увиденном, потому что тень двигалась по освещенному луной месту, между углом дома и воротами, которые вели на Риддингс, на покатое поле за фермой.

– Эй, Скэмп! – прошептал Колин. Собака не шелохнулась.

– Эй, проснись!

Скэмп жалобно взвизгнул и стал тихонечко скулить.

– Давай! Взять его! Взять!

Скэмп снова заскулил и, едва отодрав брюхо от земли, уполз в амбар.

– Что в самом-то деле! Скэмп!

Но Скэмп не показывался.

Колин натянул рубашку и брюки прямо поверх пижамы и засунул ноги в туфли. Нужно было спешно разбудить Гаутера. Но проходя мимо комнаты Сьюзен, Колин остановился и, сам не зная почему, отворил дверь. Кровать была пуста!

Окно растворено.

Колин спустился вниз, нащупывая в темноте дорогу ко входной двери. Дверь была на запоре. Что же, Сьюзен прыгнула со второго этажа прямо на булыжники?!

Колин отодвинул засовы и оказался во дворе. Он увидел тоненький силуэт, который двигался по вершине холма Риддинг как раз на линии горизонта.

Изо всех сил мальчик помчался вверх по холму, но прошло какое-то время прежде, чем его взгляд вновь поймал движущуюся фигурку. Теперь она перемещалась по холму Клинтон, примерно в четверти мили от него, а он находился на полпути от Сьюзен. Это была, несомненно, Сьюзен – в пижаме и, казалось, она не шла, а скользила. Создавалось странное впечатление: точно она бежала, но движения ее были как при ходьбе. Прямо перед ней высились вершины деревьев, растущих по склонам карьера.

– Сью! Нет, стоп. Звать ее опасно. Она идет как лунатик и опять направляется к карьере!

Колин бежал так быстро, как ни разу в жизни. Когда он миновал вершину, Сьюзен скрылась из виду. Мысленно прослеживая ее путь, он направился к загородке на самом высоком месте скалы. Тут можно было перевести дух и оглядеться.

Луна освещала склон холма и большую часть карьера. Зброшенная водокачка поблескивала, ее крылья медленно вращались. Но Сьюзен нигде не было видно. Она должна бы

уже быть тут. Колин медленно обвел взглядом края карьера и заглянул в черное гладкое зеркало воды. Ему стало жутко.

Вдруг что-то скользнуло по его туфле и ухватило за лодыжку. Колин поглядел и вздрогнул. Он закричал от страха – это была рука. Небольшая земляная насыпь шла по другую сторону забора. Глинистая почва крошилась, осыпалась на скалу, которая была чуть ниже, а оттуда летела в воду. Рука теперь цеплялась за насыпь.

– Сью!

Он перегнулся через колючую проволоку. Сюзен повисла как раз под ним, между насыпью и скалой. Ее бледное лицо было повернуто к нему.

– Держись! Держись!

Колин распластался на земле, обхватил столб одной рукой, а другую протянул под колючей проволокой и ухватил сестру за руку. Ужас! – то, что выглядело рукой Сюзен, на ощупь оказалось копытом!

Колин вскрикнул и отдернул руку, разодрав рукав о проволоку. Лицо Сюзен поднялось над насыпью, и странный огонь вспыхнул в ее глазах. Колин потерял всякое соображение. Он помчался назад, падал, оступался, бежал, бежал, бежал. Он оглянулся всего лишь раз, и ему показалось, что к небесам из карьера поднимается огромная бесформенная тень. Она закрыла собою звезды, но вместо них загорелись две немигающие красные звезды, расположенные одна возле другой.

Колин неся, через заборы, перелетая над живыми изгородями, пока не добежал до дома. Пока он возился с дверью, луна скрылась, темнота напозла на белые стены дома. Колин обернулся.

– Эсенарот! Эсенарот! – выкрикнул он. Слова сами сорвались у него с губ, точно это кричал не он, а кто-то другой. Они горели у него в мозгу серебристым огнем, они охраняли его в той черноте, которая сразу залила весь мир.

Старое зло

– Думается, надо звать доктора, – сказала Бесс. – Она опять мокрая как мышь. Это от нездоровья. И этот песок, ужас! Опять все волосы в песке.

– Давай, – сказал Гаутер. – Пойду запрягу Принца. А потом схожу позвоню.

Колин механически жевал свой завтрак. До него не доходило, о чем говорили Бесс и Гаутер. Надо было что-то предпринять, но что – он не знал.

Утром его разбудил теплый шершавый язык Скэмпа, который вылизывал ему лицо. Было шесть часов утра. Колин лежал на пороге, свернувшись калачиком. Он промерз до костей. Он слышал, как, тяжело ступая по лестнице, Гаутер спустился в кухню. Колин думал: может, стоит рассказать Гаутеру о том, что случилось ночью, но у него самого было неясно в голове. Нужно время, чтобы собраться с мыслями. Он заткнул свою изорванную пижаму подальше с глаз и пошел зажигать лампы в коровнике. Гаутер должен был вот-вот прийти доить.

Однако, и после завтрака решение не приходило. Колин поднялся к себе, чтобы переодеться. Дверь в комнату Сюзен была распахнута. Он заставил себя войти. Сюзен лежала в постели, полуприкрыв глаза. Увидев Колина, она улыбнулась.

Колин вернулся в кухню. Там никого не оказалось. Бесс кормила кур, Гаутер на конюшне возился с Принцем. Колин находился в доме один с... с чем? Ему нужна была помощь, и единственная надежда – это Фундиндельв. Колин вышел во двор. Страх и отчаяние овладели им. Немыслимо страдая, он поднял к небу свой взгляд и – чуть не заплакал от радости: с холма Риддингс спускался Альбанак.

Солнце играло на серебряных пряжках и лезвии меча, плащ его развевался на ветру.

Колин ринулся навстречу к подножью холма.

– Альбанак! Альбанак!

– Что? Колин что случилось? С тобой все в порядке?

– Сью!

– Что?

Альбанак взял Колина крепко за плечи и поглядел ему в глаза.

– Где она?

– Я не знаю... Вообще-то она в постели... то есть... Ты должен меня выслушать!

– Я слушаю, но я не понимаю, что ты говоришь. Объясни мне, в чем дело?

– Да, прости, пожалуйста, – сказал Колин. Он помолчал немного, затем начал свой рассказ. Пока он говорил, лицо Альбанака вытягивалось, глаза блестели, как два голубых бриллианта. Когда Колин стал говорить о том, как он побегал за Сьюзен, Альбанак перебил его.

– Она может нас увидеть из окна?

– Ну, не знаю... Почти что. Ее окно крайнее на фасаде.

Можно и увидеть.

Они зашли за торец дома, где не было окон вообще.

– Теперь продолжай.

Когда Колин закончил свой рассказ, Альбанак горестно рассмеялся.

– Ха! Вот оно! И, оказывается, так близко! Ну пошли, надо действовать, пока еще есть шанс.

– Как? Что?

– Слушай. Мы можем войти в дом так, чтобы из окон нас не было видно?

– Да-а.

– Хорошо. Боюсь, что у меня не хватит сил сделать то, что должно. Но сначала давай подумаем о Сьюзен. Слушай, что я скажу. Мы должны молчать, когда приблизимся к дому. Веди меня в комнату. Я пройду беззвучно, а ты шагай так, как ни в чем не бывало. Зайди в комнату и распахни окно. Тогда посмотрим.

Колин на мгновение задержал руку на ручке двери и оглянулся через плечо. Альбанак стоял на верхней площадке лестницы. Он кивнул. Колин открыл дверь.

Сьюзен лежала, глядя в пустоту. Колин быстро прошел к окну и растворил его. Услышав это, Альбанак ступил через порог.

Знаки Фохлы лежали на его открытой ладони. Сьюзен из-

дала странный хрипящий звук, глаза ее широко раскрылись, она отшвырнула одеяла, но Альбанак рванулся через всю комнату, ударил Сюзен плечом под подбородок, навалился ей на руку и застегнул браслет у ее запястья. Затем быстро отскочил назад к двери и выхватил меч.

– Колин! Скорей отсюда!

– А что ты сделал? – закричал Колин. – Что произошло?

Рука Альбанака впилась в плечо мальчика и вышвырнула его вон из комнаты. Альбанак выскочил следом и захлопнул дверь.

– Альб...

– Смирно! – сказал Альбанак, и в голосе его звучал металл. – Когда она освободится от злого духа, тогда опасаться придется нам. Будем надеяться, что боль, которую причинит ему браслет, заставит его предпочесть бегство мщению.

Они стояли неподвижно и напряженно ждали. Единственным звуком, который до них доносился, был скрип кровати, на которой лежала Сюзен. Но и он вскоре смолк. Воцарилась полная тишина.

– Альбанак! Смотри!

Свернутое спиралью черное облако дыма выплывало из-под двери. Оно катилось по полу, постепенно выстраиваясь в пирамиду, которая все увеличивалась и увеличивалась.

– Если хочешь жить – стой возле меня, – шепнул Альбанак.

Пирамида теперь была высотой примерно в три фута. Воз-

ле ее вершины мерцали два красных глаза, а внизу виднелось нечто, что можно было бы считать намеком на рот или клюв. Затем эта пирамида начала разрастаться. Она увеличивалась во всех направлениях как воздушный шар, причем, увеличивалась она как-то пульсируя, с перерывами.

Альбанак взмахнул мечом и проговорил ясным и твердым голосом:

– Сила ветра служит мне против тебя,
Сила гнева служит мне против тебя,
Сила огня служит мне против тебя,
Сила грома служит мне против тебя,
Сила молнии служит мне против тебя.

К этому времени пирамида заполнила весь дом. Это уже больше не было пирамидой. Это было – все. Какая-то универсальная темнота, в которой виднелось только два кроваво-красных диска и ленточка голубого огня – меч Альбанака.

– Сила бури служит мне против тебя,
Сила месяца служит мне против тебя,
Сила солнца служит мне против тебя,
Сила звезд служит мне против тебя.

Пустые глаза подплыли ближе. Они теперь были величиной с тарелку. И темнота начала пульсировать. Колин, как утопающий, вцепился в плащ Альбанака. Его пугало то, что

этот пульс казался биением его собственного сердца, и он уже не понимал, где кончается он и начинается темнота.

– Сила небес служит мне против тебя. Сила... Сила... О, я не могу удержать его!

Альбанак обеими руками поднял меч над головой и вонзил его в темноту между горящих глаз.

– Эсон! Эсон! Эмарис!

Полыхнуло пламя, раздался страшный треск.

Дом задрожал, дверь вдавилась внутрь, порыв ветра просвистел по комнате. И – все стихло.

Альбанак и Колин медленно оторвали головы от пола и поднялись на ноги, опираясь на дверной косяк.

Комната была вся перевернута, мебель разбросана, оконная рама выдрана и разбита в щепки. Меч Альбанака разлетелся вдребезги.

Только Сюзен лежала, как лежала, – тихо, спокойно, дышала ровно, крепко спала. Колин шагнул к кровати и взглянул на сестру.

– Сью. Это... Сью? Альбанак кивнул.

На дворе раздались голоса, послышались тяжелые шаги на лестнице. В дверях стоял Гаутер.

– Что... Что происходит? Бесс появилась вслед за ним.

– Боже ты мой, Боже, ой-ой-ой!

– Помолчи, барышня! – сказал Гаутер. Он посмотрел на Альбанака. – Ну, майстер, что все это значит?

– Это был Броллачан, фермер Моссок.

– Что? Что?

– А теперь кое-что сделать надо, и быстро. Боюсь только, мы не сможем разглядеть его следы. Я должен поспешить в Фундиндельв, но я скоро вернусь. Пусть Сьюзен спит. Не трогайте браслет, и тогда с ней будет все в порядке.

– Но я собирался за доктором, – сказал Гаутер.

– Нет! – Альбанак посмотрел на Гаутера. – Не делай этого. Пусть сначала на нее взглянет Каделлин.

– Но...

– Поверь мне! Ты можешь ей навредить. Тут дело не человеческого ума.

– Да? Может быть, ты и прав. А если – нет? Она выглядит лучше. Ладно, немного повременим. Но только ты торопись, приятель.

– Благодарю тебя, фермер Моссок.

Альбанак выбежал из дома и скрылся за вершиной Риддингса. Никто не проронил ни слова.

Слова были сказаны после. Бесс и Гаутер выслушали Колина и поверили ему. А что им еще оставалось? Искореженная спальня свидетельствовала о многом.

Они потратили несколько часов, чтобы починить и залатать то, что можно было спасти. За все последующие часы Сьюзен ни разу не проснулась. Это почти успокоило Бесс. Девочка спала спокойным сном, уже не напоминавшим глубокий обморок, который тревожил Бесс гораздо больше, чем она самой себе в этом признавалась. Хотя Сьюзен все еще

оставалась бледна, но это уже была не та смертельная бледность, что раньше заливала ее лицо.

Стук в дверь был такой легонький, что его можно было и не расслышать, если бы не полное молчание за столом.

– Кто-то постучал? – спросил Гаутер.

– Кажется, да, – отозвалась Бесс. – А может, и нет.

– Привет, – сказал Гаутер. – Кто там?

– Альбанак.

– О! – Гаутер подошел к двери. – А... ну, входи. Альбанак вошел в кухню в сопровождении Утекара и Каделлина. Каделлин стоял прямо, голова его почти касалась потолочных балок.

– М-м-м... может, ты сядешь? – смущенно предложил Гаутер.

– Спасибо. Как Сьюзен?

– Спит. Мы не будили ее. Альбанак приказал не тревожить ее. Она выглядит лучше, иначе я бы поехал за доктором. Так-то вот.

– Все еще спит?!

– Вы не трогали браслет? – спросил Альбанак сурово.

– Нет.

– Надо на нее посмотреть.

– Что-нибудь не так? – с тревогой спросил Колин. – Почему у вас такой мрачный вид?

– Надеюсь, что все в порядке, – сказал чародей. – Альбанак успел вовремя, хорошо, что он направлялся сюда. Брол-

лачан обычно не оставляет человеческое тело, пока не разрушит его окончательно. Надеюсь, он не причинил вреда Сьюзен. Но надо посмотреть.

– Послушай, – вступила Бесс, которая все это время просидела с разинутым ртом, – я и не пытаюсь притвориться, что я что-то в этом во всем понимаю. Но если Сьюзен больна, то ею должен заняться доктор. Я уже давно это талдычу.

– Ты можешь войти и взглянуть на нее, – сказал Гаутер. – Но и только. После всего, что она, должно быть, пережила, чем меньше тут вокруг нее всяких штук, тем лучше. Завтра мы пригласим доктора, пусть ее осмотрит, а там поглядим.

– Гм, – произнес Каделлин.

Все поднялись наверх. Сьюзен все еще спала. Каделлин посмотрел на нее.

– Можно ее разбудить, фермер Моссок, – сказал он. – Тело ее в порядке. И она уже отдохнула.

Бесс наклонилась над кроватью и тихонечко потрясла Сьюзен.

– Сьюзен, проснись, голубушка. Пора вставать. Сьюзен не шевелилась.

– Давай, детка, просыпайся.

Но как Бесс ни старалась ее разбудить, Сьюзен не просыпалась.

– Мистрисс Моссок, – сказал Каделлин мягко. – Позвольте попробую я.

Бесс отступила в сторону, Каделлин взял руку Сьюзен, нащупал пульс, затем поднял веко.

– Гм.

Он положил левую руку на лоб девочке и закрыл глаза. В комнате стояла тишина. Прошла минута, потом другая.

– С ней все в порядке? – спросил Колин. Чародей не ответил. Казалось, что он не дышит.

– Каделлин!

– Что это в самом деле происходит? – сказал Гаутер и захотел отбросить руку Каделлина. Альбанак преградил ему путь.

– Нет, фермер Моссок. Не мешай. Каделлин открыл глаза.

– Ее здесь нет. Мы ее потеряли.

– Что? – закричал Колин. – Что ты хочешь сказать? Она же не умерла. Посмотри! Она дышит!

– Тело ее спит, – сказал Каделлин. – Оставим ее пока. А вам кое-что предстоит узнать.

Старое волшебство

– У Броллачана нет своей собственной формы, – начал Альбанак, – нет своего обличья. Поэтому он вселяется в других. Но ни один смертный не может этого долго выдержать: Броллачан слишком жестокий жилец. Вскоре тело принимает странные, не свойственные ему очертания, потом постепенно начинает истощаться, погибать, от него остается только оболочка, и Броллачан сбрасывает его, как змея – кожу, и намечает новую жертву. Мы успели вовремя со Сюзен. Стоило оказаться возле нее чуть позже, и она увяла бы, как белая лилия на черном морозе. Сейчас она вне опасности, если только мы найдем ее.

– Но ты уверен, что это Сью спит там, наверху? Когда я вчера дотронулся до ее руки, это была вовсе не рука!

– Не беспокойся, – сказал Каделлин, – это, по-видимому, воспоминание о предыдущем теле, в которое он вселялся. Такое может случиться – сознание Броллачана довольно медленно перестраивается. Знаешь, как некоторые люди, у которых ампутировали руку или ногу, чувствуют боль в конечности, которой давно уже нет?

– Хорошо. Вы рассказали нам эти потусторонние вещи, – заметил Гаутер. – Но что это меняет? Сюзен лежит там, в спальне, и разбудить ее невозможно. Что-то ведь надо делать!!!

Чародей вздохнул.

– Ответ мне неизвестен, фермер Моссок. Броллачан утащил Сьюзен из ее тела, и где она сейчас, мне никак не удается увидеть. Она вне действия моих чар. Нам придется призвать на помощь другие силы, чтобы отыскать ее. И пока она не найдена, тело девочки будет лежать здесь, и браслет Ангарад Златорукой не должен покидать ее запястья ни на одну минуту.

– Хоть бы он никогда не покидал ее! – сказал Альбанак. – Как только Атлендор отдал его мне обратно, я тут же схватил браслет и побежал к ней. Но, к сожалению, было уже поздно...

– А теперь скажите мне, – перебил Альбанака Гаутер, – сколько времени весь этот цирк будет продолжаться?

– Это не быстрое дело, – ответил чародей. – Недели, месяцы; будем надеяться, что не годы. Она далеко!

– Тогда, значит, надо, чтобы появился доктор, здесь и сейчас! – сказал Гаутер. – Хватит мне валандаться с вами!

– Фермер Моссок, ты только подольешь масла в огонь! – воскликнул чародей. – Неужели тебе еще не ясно? Это дело не для смертных, как бы они искусны ни были. Что случится? Ее отнимут у нас, и задача наша усложнится пятикратно.

– Но она должна оказаться в больнице, если это будет так продолжаться! Ей же, например, потребуется специальное питание!

– Нет. Мы берем это на себя. С нами она будет вне опасно-

сти. Фермер Моссок, самое худшее, что ты можешь сделать – это осуществить все свои планы. Опасность и для Сьюзен, и для нас возрастет непомерно, если ты не будешь следовать нашим советам.

Гаутер изучающе посмотрел на чародея.

– Ладно. Мне, конечно, все это не нравится, но я уже достаточно тебя навидался, чтобы понимать, что ты лучше меня разбираешься во всей этой белиберде. Ладно, я согласен. Сила солому ломит. Так и быть. Обещаю: если только Сьюзен не станет хуже, я ничего не предприму в следующие три дня.

– Три дня! – воскликнул Каделлин. – Очень мало что можно успеть за три дня!

– Это уж как угодно, – отрезал Гаутер. – Но будет так, как я сказал.

– Что ж, придется с этим согласиться. Надеюсь, что, подумав хорошенько, мы что-нибудь сможем сделать.

Чародей встал со стула.

– Колин, ты сможешь завтра в полдень быть у Золотого Камня? Тебе кое-что передадут для Сьюзен.

Колин свернул с дороги и пошел по тропе, вьющейся вдоль опушки. Слева от него росли дубы и сосны, справа раскинулись поляны и холмы. Вскоре он подошел к большому валуну из песчаника, лежавшему неподалеку от тропы. Этот валун и был Золотой Камень. Грубая обработка камня

не позволяла заметить, что на нем еще сохранились следы древних орудий. Он не принадлежал к валунам Эджа, а явно был принесен сюда в какие-то давние времена для совершенно теперь уже забытых целей. Утекар и Альбанак сидели, прислонившись к нему спинами.

– Присаживайся, Колин, – сказал Альбанак. – Тут сухо. Как Сьюзен?

– Так же. Вы нашли, что может ей помочь?

– Не нашли, – ответил Утекар. – Хотя с тех пор, как мы расстались, покой бродил далеко от наших голов, а сон – дремал в стороне от наших глаз.

Он протянул Колину кожаную бутылку.

– Это вино со стола Ангарад Златорукой, обладающее множеством достоинств. Оно поддержит Сьюзен.

– Спасибо, – сказал Колин, – Но ведь вы собираетесь отыскать Сью, не правда ли? И в каком месте она может находиться? И как она может быть где-то еще, раз она спит в своей постели?

– Не буду обманывать тебя, – произнес Альбанак. – Сьюзен, которая сейчас спит в постели, – это Длина, и Ширина, и Высота. Но это еще не настоящая Сьюзен. Их двоих ты всегда знал за одну. Но Броллачан разрубил их, как остро отточенный топор разрубает чурку для растопки.

– Я считаю, – сказал Утекар, – да, я считаю, что Каделлину не найти ее.

– Нет, он должен найти и он найдет! – возразил Альба-

нак. – Я не предполагал, что тебя так легко запугать.

– Ах, ты меня не так понял! Я просто думаю, что Высокое Волшебство слишком высокое, чтобы решить такую задачу.

– Я не понимаю.

– Потому что чересчур стараешься. Немножко притормози свой быстрый ум, – сказал Утекар. – Подумай. Говорят, что меч Спящего в Фундиндельве может расщепить волосок, плывущий по воде, может пустить кровь из ветра. Но разве стал бы ты пользоваться замечательными качествами этого меча, чтобы, скажем, срубить этот дуб? Тут то же самое. Броллачан – вырвавшееся на свободу Старое Зло. Против Старого Зла лучше всего сработает Старое Волшебство. Против тысячной армии дайте мне меч короля, но чтобы справиться с этим дубом, мне нужен топор дровосека.

– Я как-то в этом направлении не думал, – признался Альбанак. – Может, ты и прав. И, конечно, нам надо решительно все испробовать. Но, скажи мне, что собой представляет Старое Волшебство в наше время? По-моему, оно спит и будить его запрещено.

– Увы, я не очень-то в этом сведущ, – сказал Утекар. – Я спрашивал лайос-альфаров, но они до таких вещей не допускаются.

– Так что же нам делать? – спросил Альбанак. – Скажи, и мы будем действовать!

Казалось, слова Утекара вселили в него надежду. Даже Колин, хоть и пребывал в отчаянии, загорелся этой новой

мыслью.

– Ну, давайте подумаем, не сильно вдаваясь во всякую там ученость, – сказал Утекар. – Что заключало в себе мощные чары во всякие тяжелые времена? Я бы сказал – Мотан. Но где он может расти в этих южных пределах, я бы не сумел определить.

– Мотан! – подхватил Альбанак. – Я слышал о нем! Но это волшебный цветок, и его нелегко отыскать, а у нас всего три дня в запасе!

– Расскажите мне о нем, – сказал Колин. – Я найду его.

Утекар взглянул на него.

– Вот именно. Дело как раз и потребует такой решимости. И я вижу ее в тебе. Так вот. Это очень переменчивый и капризный цветок. Он вырастает только на подъемах старых прямых дорог и расцветает только в полнолуние.

– Но завтрашной ночью как раз полнолуние! – воскликнул Колин. – Где находится эта дорога?

Колин и Альбанак вскочили на ноги, а Утекар продолжал сидеть, как сидел.

– Много есть старых дорог. Но все они потеряны. Я знаю одну около Минит Баннога, но даже эльф не добрался бы туда за такой короткий срок. Могут они оказаться и здесь. Если ты случайно попадешь на старую дорогу, когда полная луна встанет прямо над ней, тогда ты эту дорогу разглядишь. Во все остальное время она прячется.

– А есть они тут, эти дороги? – Колин резко повернулся

к Альбану.

– Мне это неведомо. Правда, я слышал о них. Но они были построены до гномов и до чародеев. И эти дороги – часть Старого Волшебства, хотя мы не знаем, чему оно служит.

– Послушай, я обязан найти эту дорогу! Как-то ее да можно отыскать! Иначе зачем ты мне рассказал про нее, если считаешь, что все бесполезно?!

– Я просто думал, может, кто-нибудь о ней здесь знает, – сказал Утекар. – Увы, никто ничего не знает. Но ты мужайся. Старое Волшебство – оно простое, понятное, теплое. Вера и решительность могут тронуть его сердце. Если суждено найти Мотан, ты его найдешь, хотя я и не знаю, где он может оказаться.

– Но с чего же мне начинать поиски? – допытывался Колин.

– Прежде всего твердо верь, что помощь придет. Думай о Сьюзен. Ни на минуту не отчаивайся. Будь завтра здесь в это же время. Может, у нас к этому часу появятся новости получше.

Колин возвращался назад, в Хаймост Рэдмэнхей, не замечая ничего вокруг. Старая прямая дорога. Старая прямая дорога. Все это звучало очень неопределенно. Старая прямая дорога... И все же ему казалось, что где-то он про нее слышал, еще до того, как Утекар заговорил о ней. Хотя все это было, конечно, смешно: как он мог знать о чем-то волшеб-

ном, если для тех, кто жил посреди волшебства, старая дорога была известна всего лишь по каким-то неясным слухам.

Но чем дольше Колин думал, тем больше включалась в работу память, и теперь ему уже казалось, что он вспомнит, откуда слышал о старой дороге. Надо только как следует сосредоточиться.

Вернувшись на ферму, Колин сел за ужин. От сильного огорчения есть не хотелось. На время он перестал думать о старой прямой дороге, и весь погрузился в мысли о Сьюзен. Моссоки ели молча, у обоих лица осунулись от тоски и тревоги.

И вдруг, как это часто бывает, когда перестаешь думать о том, о чем пристально думал, картина, которая все ускользала от Колина, ясно нарисовалась перед его глазами.

– Нашел!

Он выскочил из-за стола, помчался вверх по лестнице в свою комнату, одним прыжком перескочил через кровать и схватил с полки Гаутерову переплетенную в старую замшу книгу.

Где-то здесь, на одной из четырехсот пятидесяти страниц упоминалась старая прямая дорога. Теперь он помнил, что это находилось на страничке напротив геральдических знаков. Там был рисунок: треугольник и вокруг него три кабаньих головы. Но хоть Колин и ни секунды не сомневался в своем открытии, он был в таком ажиотаже, что ему пришлось пролистать книгу дважды, прежде чем нашлась нуж-

ная страница. Он начал читать, но сухие фразы священника казались такими далекими от волшебства, что Колин начал было сомневаться.

«Сегодня я шел по старой прямой дороге, которую проложили наши далекие предки, я вынужден думать, еще до нашествия древних римлян на эти берега.

Я шел по этой дороге от Моберли до Эджа. Она была спланирована, если можно так выразиться, в такую отдаленную эпоху, что о ней нигде не сохранилось упоминания. Однако кое-где остались еще насыпь и замшелые камни, помечавшие дорогу. Самое примечательное на дороге – холм Бикон и Золотой камень. Возле этого последнего, где я и закончил свою экскурсию, мне показалось, что дорога сориентирована на скалистую вершину горы, называемую Сияющей Вершиной. Она находится на расстоянии девяти миль в сторону Бакстона. Нельзя достаточно удивиться на точность расчета этих древних архитекторов, которые, лишенные научных расчетов...»

Колин захлопнул книгу. Его приподнятое настроение испарилось. Но на что еще другое мог он положиться, как не на это свидетельство? Надо во всяком случае сделать попытку.

– Ты в порядке, парнишка? Что-то у тебя такой вид, точно ты потерял целый шиллинг, а нашел всего лишь пенс? – сказала Бесс, когда он спустился вниз.

– Нет, все нормально, – ответил Колин. – Извините меня. Но я вспомнил кое о чем в старой книге. Ты знаешь, где на

Эдже находится Бикон?

– Ясное дело, – отозвался Гаутер. – Это самая высокая часть Эджа. Представляешь, как идти по верхней тропе от Касл Рока к Грозовой Вершине? Как раз перед тем, как свернуть влево, он окажется над тобой справа. Ты не путаешь. Там когда-то был каменный домишко, а фундамент виднеется и сейчас.

– Можно, я схожу, посмотрю?

– Конечно, можно, – вмешалась Бесс. – Все-таки чем-то займешься, надо что-то делать, чтоб немного отвлечься.

– Спасибо. Я скоро вернусь.

Гаутер оказался прав. Бикон ни с чем нельзя было спутать. Это был гладкий холм, явно насыпанный искусственно. Он поднимался на самой высокой части Эджа и напоминал могильный курган. Деревья на нем не росли.

Колин несколько раз обошел курган, поднялся на него. Единственная видневшаяся с него дорога была вполне современной. Колин пошел дальше по прямой, дошел до края леса. Отсюда была видна цепь Пеннинских гор, и в одном месте, прямо перед ним, над цепью выдавалась не очень высокая, но все-таки вершина.

«По-видимому, это и есть Сияющая Вершина», – подумал Колин.

Но нигде не было и намека на старую прямую дорогу.

«По крайней мере в записях священника все сходится, – с надеждой подумал Колин. – Лучше сказать про это Альба-

науку. Есть смысл продолжать поиски. А может быть, ему тоже что-нибудь удалось выяснить?»»

Сияющая вершина

– Все может быть, – сказал Альбанак. – Все может быть. Хотя мы считаем, что Золотой Камень происходит от эльфов. Я помню, говорилось, что эльфы нашли его здесь, как раз, когда прокладывалась дорога.

– Может быть! – передразнил его Утекар. – «Может быть». Ты стал бы сомневаться, есть ли у волка зубы, пока он не начал бы рвать тебе глотку! Не «может быть», а так и есть! Старое Волшебство само поспешило нам на помощь! Оно подсказало тебе путь к его сердцу – прямую дорогу от холма Бикон.

– Это-то мне как раз и не нравится, – сказал Альбанак.

– Странные воспоминания роятся вокруг Бикона.

– Ну и что? – возразил Утекар. – Я пойду с тобой, Колин. Мой меч будет тебя оберегать.

Для Колина остаток дня тянулся тяжело и медленно. Он проверил по календарю и по газетам восход луны. Потом его поразила мысль: а что, если будет облачно? Что тогда? Он перечитал все прогнозы погоды, три раза взбирался на Риддингс и смотрел на небо. Но ему нечего было опасаться: стояла ясная-ясная ночь. Когда Колин, наконец, выбрался из дома, он направился в сторону леса.

Он встретился с Утекаром возле Золотого Камня, и даль-

ше они пошли рядом. Было темно и тихо.

– А луна появится над дорогой? – спросил Колин.

– Должна. В этом наш огромный шанс. А если нет – тогда мы мало что сможем сделать.

– А как я узнаю Мотан, если я его увижу?

– Он растет одиноко среди камней. Каждый его листок – пятиугольный, а в самой цветке луна отражается как в зеркале. Ты сразу догадаешься, стоит только на него взглянуть.

Они поднялись вверх по насыпи, на которой высился холм Бикон. Там, на самой вершине, была небольшая площадка, покрытая песком и заваленная каменными глыбами. Они устроились между камней и принялись ждать. Гном вытащил меч из ножен, и тот лежал у него поперек колен.

– Что мне делать с цветком, если я найду его? – спросил Колин.

– Сорви цветок и несколько листочков. Сюзен должна будет их проглотить. Смотри, не повреди корень и не обрывай все листья.

Долго они сидели молча. Колину не хотелось говорить, он знал, что не в силах сдержать дрожь в голосе. Он без конца глядел на часы.

Через некоторое время Колин вскочил и стал вышагивать взад и вперед по насыпи, вглядываясь в темноту. Ничего не было видно. Наконец, Колин опустился на камень и обхватил голову руками.

– Ничего не выйдет, – сказал он твердо. – Луна должна

была взойти пять минут назад.

– Подожди отчаиваться, – произнес Утекар. – Ведь ей требуется какое-то время, чтобы подняться из-за холмов. Встань и приготовься.

Гном отошел на некоторое расстояние, оставив Колина одного на вершине холма. Они помолчали. Затем Колин сказал:

– Слышишь? Что это?

– Слышу обычные ночные звуки. Больше ничего.

– Слушай! Музыка! И какие-то голоса! И точно звенят ледяные колокольчики! Смотри! Вон она – дорога!

Вдруг среди деревьев, через самую вершину Бикона пролегла мерцающая полоса, точно сплетенная из серебристых, словно живых, нитей. Колина довелось видеть нечто подобное однажды утром, когда солнышко пробилось сквозь ковер покрытых росинками паутин, застеливших поле. Но это было ничто по сравнению с той красотой, которая сейчас представилась его глазам. Дорога трепетала у него под ногами, и он стоял как зачарованный.

– Беги! – крикнул ему Утекар. – Не теряй времени!

– В какую сторону? – закричал Колин. – Она идет и вправо, и влево, сколько хватает глаз!

– На восток! В горы! Быстро! Ты потеряешь дорогу, как только луна сдвинется! Беги! Удачи тебе!

Колин помчался с холма, и казалось, что к ногам его приделаны серебряные крылышки. Деревья мешали ему бежать,

но вот он вырвался из леса, оставив позади себя Золотой Камень. А перед ним старая прямая дорога лилась через поля, точно река, а еще дальше она поднималась в горы серебряной нитью, напоминая далекий сверкающий водопад, и уходила вверх к Сияющей Вершине. А над дорогой стоял широкий диск луны, белый, как щит эльфа.

Вперед, вперед, вперед, быстрее, быстрее влекла его дорога, она точно протекала через него самого, наполняя его мозг, его сердце серебряным пламенем. И колокольчики, и голоса, и музыка тоже звучали как будто в нем самом. Это Старое Волшебство пело для него из самых глубин земли и неба.

Дорога направилась вверх, и Колин оказался в горах. Луна была как раз над Сияющей Вершиной. И когда он поднялся к самому пику, дорога вдруг растаяла, как дымка. И сразу тело ощутило свой вес, и Колина потянуло вниз. Но он спустил отчаянный вопль и сделал последний рывок. Колокольчики умолкли, в ушах барабанило его собственное сердце, из легких вырывалось хриплое дыхание. Колин открыл глаза: рядом были камни, серые в лунном освещении. А между пальцами, которые впились в скалу, оказался цветок с пятиугольными листьями, и что-то снизу освещало ладонь мальчика серебристым лунным светом.

Колин шел назад, не замечая ничего вокруг. Его взгляд и все его существо были сосредоточены на нежном цветке, ко-

торый звали Мотан и который он нес сейчас в своих ладонях.

Он сорвал цветок и два листочка. Лепестки поблескивали нежным, как у светлячка, светом, а тонюсенькие волоски, покрывавшие листья, серебрились. Минута шла за минутой. Колин вспомнил: он осторожно свернул и положил Мотан в кожаный мешочек, который Утекар дал ему с собой как раз для этой цели. Колин огляделся.

Старая прямая дорога исчезла, но как раз под Сияющей Вершиной дорога из Бакстона начинала свой извилистый спуск к Макклесфилду. Колин пошел вдоль каменного гребня до конца вершины и направился напрямик по склону к Маккпесфилдской дороге.

Дорога казалась странной, холодной и неестественно гладкой под ногами после валунов и кочек Сияющей Вершины. Теперь, когда напряжение и возбуждение спали, он почувствовал себя уставшим, и ему сделалось как-то не по себе. Ночь была такая тихая, а дорога – такая пустынная... Но Колин подумал о Сьюзен, которая лежит там, в Хаймост Рэдмэнхей, о Мотане в кожаном мешочке и зашагал легким шагом.

Легкие шаги. Они слышались за спиной. Он остановился и прислушался. Ничего. Оглянулся – никого. Дорога была пуста. Колину подумалось, что это, наверное, эхо. Он пошел дальше. Но теперь шаги слышались отчетливо. Колин покрылся испариной. Он слышал звук своих твердых шагов по дороге, потом эхо, отражавшее звук его шагов от холма,

а следом за этим – топ, топ, топ. При этом казалось, что кто-то идет босиком.

Мальчик остановился – ничего. Опять оглянулся, снова – никого. Дорога пуста. На ней только – лунные тени.

Колин стиснул зубы и пошел быстрее. Шаг. Эхо. Шаг. Эхо. Шаг. Эхо.

«Нервы! – подумал Колин. – Ничто иное, как...»

Топ, топ, топ.

Колин резко обернулся. Шевельнулась ли какая-нибудь из теней?

– Есть тут кто-нибудь? – крикнул Колин.

– Будь! Будь! Будь! – отозвался холм.

– Давай, выходи!

– Иди! Иди! Иди!

То, что Колин не побежал, очень многое говорит в его пользу. Паника уже готова была схватить его за горло, но он подавил ее и призвал на помощь рассудок. Сколько до Мак-клесфилда? Мили четыре? Никакого смысла бежать. Колин медленно повернулся и пошел дальше. И несмотря на то, что через каждые десять шагов он оглядывался, все-таки, мало-помалу, он удалялся от Сияющей Вершины. И хоть ему так ничего и не удалось разглядеть, шаги, которые не были эхом, следовали за ним неуклонно.

Через полчаса Колин подумал, что он, может, и доберется до города, потому что то, что за ним топало, ни разу не попыталось приблизиться к нему и удовлетворялось лишь тем,

что производило звук преследования.

Но некоторое время спустя, подходя к повороту, мальчик услышал нечто, отчего остановился как вкопанный, обмерев от страха. Это было цоканье копыт. И оно доносилось спереди. Кто-то ехал ему навстречу!

Колин резко обернулся. Нет, там, сзади по-прежнему ничего не было. Но в любом случае не мог же он идти назад! Вбок тоже не было пути. Слишком много там за обочинами таилось неизведанного.

Бедный Колин был в таком состоянии, что даже не мог объяснить себе: а почему он, собственно, должен пугаться цокота копыт, он мог испугаться даже собственного голоса.

В оцепенении глядел он на дорогу, которая выгибалась и скрывалась за поворотом холма, как черный язык. Казалось, этот мерный стук копыт так и будет бесконечно звучать, а дорога так и останется пустой на веки вечные...

Но показалась вороная лошадь, на ней – всадник, а на всаднике – плащ и широкополая шляпа.

– Альбанак!

Колин качнулся и засмеялся. Легкое соприкосновение с реальностью – даже такой! – и все сразу же изменилось. Колин поглядел на себя как бы со стороны. Получилось, что стояла прекрасная ночь полнолуния среди мирных холмов, а дома Сюзен ждала, когда он принесет ей волшебный цветок. С того времени, как он оставил Бикон, и до этой минуты Колин находился в каком-то ином плане существования. И

это, конечно, перегрузило его психику.

– Альбанак!

– Колин! Я так и думал, что встречу тебя где-нибудь здесь.

Мотан у тебя?

– Да!

– Тогда давай садись. И – к Сьюзен!

Альбанак наклонился, поднял Колина в седло и, усадив его перед собою, развернул коня в сторону Макклесфилда.

– Что с тобой, Колин, ты весь в испарине и тебя бьет дрожь! Что-нибудь случилось?

– Нет. Но было как-то не по себе. Жутковато.

– Да, кажется, я понимаю.

Не успел Альбанак это произнести, как лошадь повернула голову и поглядела назад. Она всхрапнула и прижала уши.

Альбанак заерзал в седле. Колин, наполовину завернутый в его плащ, не видел, что делается сзади, но он почувствовал, как тело Альбанака напряглось, и услышал, как тот дышит сквозь стиснутые зубы. Тогда поводья натянулись, и лошадь понеслась во всю бушевавшую в ней волшебную мочь. И скорость ее бега была такой, что все вопросы, которые Колин хотел задать, улетали к нему назад, в горло, ночь шумела в ушах, плащ потрескивал на ветру.

Альбанак ни разу не остановился, пока они не достигли холма Риддингс. Оттуда при свете луны их взглядам открылась черно-белая сорочья расцветка построек Хаймост Рэдмэнхей, состоящих из почерневшего дерева и белой штука-

турки. А еще они увидели зажженную лампу в комнате, где спала Сьюзен.

– Почему там горит свет? – с тревогой спросил Колин.

– Все в порядке, – успокоил его Альбанак. – Каделлин ждет нас.

Маленькая комнатка была полна народу.

– Ох, где же тебя носило? Как можно было... – воскликнула Бесс.

– Ладно, барышня, – ласково перебил ее Гаутер. – Ты достал то, ради чего ходил, Колин?

– Да.

– И ты цел и невредим?

– Да.

– Хорошо. Остальное не имеет значения. Давай посмотрим, что делать дальше.

Колин вынул цветок и листья из мешочка.

– Ты здорово сработал, – сказал Утекар. – Это действительно Мотан. Дай его проглотить сестре.

– Вот, – сказал Колин, протягивая цветок Каделлину.

Но чародей покачал головой.

– Нет, Колин. Это Старое Волшебство, и меня оно не слушается. Пусть лучше Утекар, он более просвещен в этом искусстве.

– Нет, Каделлин Сребролобый, – отозвался гном. – Меня оно тоже не слушается. Потому что печаль эта не моя. Оно

может сработать только через Колина. Давай, Колин, оберни цветок листьями и положи ей в рот.

Колин подошел к кровати. Он туго свернул листья, положив в них цветок, затем пальцем разжал Сьюзен зубы и пропихнул катышек в рот. Потом он отступил на шаг, и воцарилось тягостное молчание. У всех точно стальным обручем стянуло голову. Прошло минуты три. Ничего не происходило.

– Психопатство какое-то, – сказала Бесс.

– Тихо! – прохрипел Утекар.

И опять – долгое молчание. Колину показалось, что он сейчас лишится чувств, ноги у него дрожали и подгибались в коленках.

– Слушайте! – сказал Альбанак.

Откуда-то издали издали, совсем неизвестно откуда, вдруг донесся слабый-слабый звук собачьего лая и едва уловимый призыв охотничьего рожка. Лай становился все ближе, было слышно позвякивание лошадиной сбруи. Потом опять послышался звук рога, на этот раз он раздался под самым окном. Сьюзен открыла глаза. Она дико озиралась, как будто ее разбудили, когда ей снился какой-то сон. Потом она села на постели, лицо ее исказила гримаса, и она поднесла руку ко рту.

Утекар, как молния, метнулся через всю комнату и ударил ее ладонью между лопаток.

– Проглоти!

Сьюзен ничего другого не оставалось. Она икнула от удара, и Мотан проскочил благополучно. Вслед за этим Сьюзен вскочила с постели. Она резко распахнула окно, так что лампа полетела вниз, разбилась о булыжник, охваченная парафиновым пламенем. Сьюзен далеко высунулась в окно, так что Колин в темноте оставшейся без освещения комнаты кое-как добрался до окна и схватил ее за плечи. Она так была чем-то озабочена, что нисколько не думала об опасности.

– Селемон! Селемон! – кричала она. – Остайся со мной!

Колин сволок сестру с подоконника и тут же захлопнул оконную раму, чтобы самому не выпасть из окна, потому что то, что он увидел в небе, потрясло его и лишило сил.

Он не смог бы сказать, были это звезды или что-то другое. Все небо затянуло лунной дымкой, и, казалось, что в этой дымке звезды образовали какие-то новые созвездия, и эти созвездия перемещались и в конце концов приняли сверкающие очертания девяти юных всадниц. Огромных, заполнивших все небо. Они покружили над домом. У каждой на руке сидело по соколу, а под ногами у лошадей скакали собаки с мерцающими глазами и в ошейниках, осыпанных драгоценными камнями. На всадницах были коротенькие туники, их волосы развевались и сверкали по всему небу. Затем рог протрубил снова, и кони встали на дыбы, рванулись вперед, вспыхнули над равниной, исчезли, а ночь пролила звездный дождь над морем на востоке.

Только Колин видел это. Когда он отвернулся от окна,

Бесс входила в комнату с другой лампой. Сьюзен стояла лицом к окну, по щекам у нее катились слезы. Но когда свет наполнил комнату, ее будто бы отпустило, и она глубоко вздохнула.

– Как ты себя чувствуешь, Сьюзен? – спросил Каделлин.

Сьюзен взглянула на него.

– Каделлин. Бесс. Гаутер. Утекар. Колин. Альбанак. Ох! Что это было со мной? Я вас всех забыла.

– Сядь на кровать, – сказал Каделлин. – Расскажи, что ты помнишь об этих днях. Только сначала, пожалуйста, мистрисс Моссок, принесите Сьюзен еды и питья. Это единственное, что ей нужно теперь для поддержания сил.

Распоряжение было вскорости выполнено, и Сьюзен, подкрепившись, начала рассказывать свою историю.

Она говорила медленно, сбивчиво, точно стараясь описать все события не только им, но и себе самой.

– Я помню, что свалилась в воду, и все сразу перед глазами почернело. Я попыталась не дышать, но когда уже было невозможно сдерживать дыхание, вода куда-то отхлынула. Было по-прежнему темно, и я оказалась непонятно где. Я стала плавать взад и вперед неизвестно в чем – в пустоте. Знаете, как иногда бывает ночью: кажется, что кровать покачивается или комната слегка кружится? Очень похоже.

Это бы еще ничего, но вокруг раздавался какой-то неприятный шум. Какие-то свинячие повизгивания, какие-то скрипучие голоса, даже, может быть, и не голоса, а какие-то

непонятные звуки. Но производили их все-таки чьи-то глотки. Некоторые звуки слышались близко, какие-то звуки в отдалении. И это продолжалось долго-долго. Мне не было страшно, и я не думала о том, что может со мной случиться. Хотя сейчас, когда я рассказываю, – меня оторопь берет. Там, где я оказалась, мне не понравилось, но я никак не могла сообразить, где я хотела бы оказаться. Вдруг я почувствовала, что чья-то рука вцепилась в мою руку и рванула вверх. Наверху было светло, и мне почудилось, что кто-то крикнул, вроде бы Альбанак. Но рука, которая меня тащила, заставляла меня двигаться с такой быстротой, что у меня закружилась голова. Свет становился ярче и ярче. Он ослеплял меня, даже если я закрывала глаза. Потом я стала двигаться медленнее, глаза перестали болеть от света, и я могла уже разглядеть руку, которая меня держала.

И вдруг я вроде бы прорвала пелену света и оказалось, что я лежу у берега моря, а надо мной склонилась женщина, и одета она в красное и белое, и выяснилось, что мы держим друг друга за руки, и ее браслет продет в мой. И, Каделлин! Я вдруг поняла, что у нее точно такой же браслет, как мне подарила Ангарад! Точно такой же!

– Да, так и должно быть, – сказал Каделлин. – Все в порядке. Продолжай.

– Она отцепила свой браслет от моего, и мы пошли с ней вдоль берега. Женщина сказала, что ее зовут Селемон и что мы с ней направляемся в Цэр Ригор. Я ни о чем ее не спра-

шивала. Я относилась ко всему как к должному, как это бывает во сне.

Мы присоединились к другим девушкам, которые ждали нас на скалистой возвышенности, и все вместе понесли над морем в Цэр Ригор, и все они радовались и говорили о доме.

И вдруг у меня появился этот горький вкус во рту, и у всех остальных тоже. Лошади стали, и как мы ни старались, не могли сдвинуться с места. Селемон сказала – нужно ехать обратно, и мы повернули и потом у меня закружилась голова. Горечь во рту была такая, что я подумала: меня сейчас стошнит. Я не могла удержаться на лошади и свалилась то ли в море, то ли в туман, не знаю. И я все падала, и падала, и падала, а потом наткнулась на что-то твердое. Я закрыла глаза, чтобы голова меньше кружилась, а когда открыла их, оказалась здесь. Но только где же Селемон? Разве я ее больше не увижу?

– Не сомневаюсь, что увидишь, – сказал Каделлин. – Когда-нибудь ты встретишься с ней и помчишься над морем в Цэр Ригор, и тогда не появится никакой горечи во рту, которая вернула бы тебя назад. Но все это будет в свое время. А теперь тебе надо отдохнуть.

Все оставили Сюзен на попечение Бесс, а сами спустились вниз, в кухню.

От переутомления и переживаний у Колина была совсем пустая голова, и все его попытки описать, что он увидел, когда оттолкнул Сюзен от окна, провалились. Только Кадел-

лин, казалось, воспринял его сбивчивую речь как подтверждение своих собственных мыслей.

– Цэр Ригор, – сказал Чародей. – Цэр Ригор. Да, в глубокие воды мы попали. Хорошо, что ты успел отыскать цветок Мотан, Колин, потому что, попади она туда, ни Старое, ни Высокое Волшебство ничего не смогли бы сделать.

– И трижды всем Прайдейном они входили туда. Опричь семерых из Цэр Ригора никто не вернулся назад... Так это, помнится, в песне. Да, не так часто Старое Волшебство оказывается столь полезным!

– Что ты хочешь сказать? – спросил Колин. – Это все ведь не относится к черной магии, правда? И объясни, пожалуйста, что же случилось со Сью?

– Это нелегко сделать, – сказал Каделлин. – Я бы предпочел продолжить свой рассказ после того, как мы отдохнем. Но если тебя это мучает, я попытаюсь кое-что объяснить, хотя в результате ты, может быть, станешь понимать еще меньше, чем сейчас. Так вот, Колин, Старое Волшебство вовсе не имеет отношения ко злу. Но оно своевольное. Оно может откликнуться на твою нужду, но никогда не будет слушать твоих приказаний. И возле Старого Волшебства, когда оно приходит в движение, начинают роиться воспоминания. Они тоже не несут в себе зла, но они непостоянны, переменчивы и совершенно не нужны этому времени.

– Да, это точно, – сказал Альбанак. – Там, на дороге был Охотник.

– Ты видел его? – спросил Каделлин с тревогой.

– Видел. Он шел вслед за Колином, покинув свое ложе на Сияющей Вершине. Он хотел выяснить, кто его разбудил.

– Что? – спросил Колин. – А кто это был? Там, на дороге? Я слышал, что кто-то идет следом, или это мне показалось, но когда мы с тобой встретились, Альбанак, это мне представилось сплошной чепухой.

– Может, так оно и было.

– Да. Но о чем вы только что говорили?

– Так, одно старое воспоминание, – сказал Чародей. – Ничего плохого не произошло, так что и говорить больше не о чем. Давай я лучше попробую объяснить, что рассказывала Сьюзен. Это может коснуться нас всех.

– Надо думать, ты не собираешься придавать этому значение? Это же был только сон! Она ведь сама сказала! – взорвался Гаутер.

– Она сказала «как во сне», – заметил Каделлин. – Я бы сам с удовольствием счел это только сном. Но то, что она рассказала – правда, и я даже думаю, что кое-что она просто забыла.

Броллачан уволок девочку с того уровня мироздания, на котором люди рождаются для жизни на земле. Он вверг ее в темноту, на тот бесформенный уровень существования, который чародеи называют Абрад. Оттуда она была поднята до Порога Летних Звезд. Он настолько же выше вашего человеческого мира, насколько Абрад – ниже. Мало кто из лю-

дей попадал в эти миры, еще меньше – вернулись назад, и ни один не вернулся, не испытав на себе перемен.

Ей довелось скакать верхом с Блистающими, с дочерьми Луны. Они побывали с ней за северным ветром, и вынуждены были оттуда вернуться. Но они не оставят ее совсем, потому что с ее помощью они смогут оживить свою силу в человеческом мире – Старое Волшебство, которое никому не подчиняется, потому что это Волшебство чувств, а не разума. Его можно почувствовать, но его нельзя познать. И в этом я не вижу ничего хорошего. И Сьюзен не случайно оказалась жертвой Броллачана. В этом заключалась еще и его месть. Она спасена и сейчас охраняема только браслетом, называемым Знаки Фохлы, – это ее благословение и ее проклятие. Потому что, с одной стороны, браслет охраняет ее против зла, которое иначе сокрушило бы ее. Но он же уводит ее все дальше и дальше от человеческих путей. Чем дольше он у нее на руке, тем больше она будет нуждаться в защите. Но сейчас уже слишком поздно его снимать. Уже одного этого хватило бы для тревог. А тут еще пришлось разбудить Старое Волшебство. Мне было бы легче жить, если бы я был уверен, что то, что сегодняшней ночью разбужено, может так же быстро снова заснуть.

Колин лежал без сна. Прошедшие ночь и день – все кружились у него в голове. Чародей уже давно ушел. Многие остались невыясненным, многое не было понято. Но многое

и было достигнуто – независимо от него. Поэтому он чувствовал себя не сознательным участником событий, а только чьим-то орудием. Зато Сьюзен была в безопасности, Сьюзен была. . . Колин сел в постели. Под открытым окном он услышал мягкий знакомый звук: топ, топ, топ, топ. . . Он выско-чил из постели и подкрался к окну.

Двор прятался в тени дома. Колин прислушался. Было ти-хо. Он пригляделся и не смог сдержать крика, который вы-рвался у него из горла. Тень от крыши дома шла прямой чер-той по двору, и над этой чертой высилась пара рогов, вели-чественных гордых рогов королевского оленя.

Услышав крик Колина, тень шевельнулась и исчезла. Топ, топ, топ. Ночь опять наполнилась тишиной, как только шаги замерли вдали.

Всадники из Донна

На следующее утро оказалось, что происшествия минувшей ночи совершенно не повредили Сьюзен. Она хорошо выглядела и хорошо себя чувствовала. Однако Бесс настояла, чтобы девочка оставалась в постели и чтобы ее осмотрел доктор. Бесс была совершенно сбита с толку, когда доктор сказал, что решительно ничего не находит у Сьюзен.

Дни проходили. Ребята много времени проводили, обсуждая, что каждый из них видел или делал в те трудные дни. Сьюзен обнаружила, что в ее памяти невероятно быстро стираются события происходившие между ее падением в карьер и тем мигом, когда она проглотила Мотан. Это было как сон: ясный и вполне реальный по пробуждении, он скоро стал бледнеть и выцветать под наплывом событий, происходящих в действительной жизни. Она ничего не могла прибавить к тому, что рассказала сразу же после своего возвращения.

Сьюзен больше волновало то, что пережил Колин, и хотя он обо всем рассказал ей только вкратце, она после этого не спала несколько ночей.

Колин старался поподробнее обрисовать сестре увиденное им на небе после того, как он отшвырнул ее от окна, но ему это никак не удавалось. Самое большое, что он мог, это напомнить ей карты звездного неба, которые имелись у него в энциклопедии, где звезды и созвездия были частью рисун-

ка, изображенного художником, например, Кассиопея в виде женщины, сидящей на стуле. Но эти описания никак не совпадали с представлениями о всадниках самой Сьюзен. Для Сьюзен Селемон была вполне реальной, во плоти, ну вот как Колин. Поэтому она никак не могла взять в толк, о чем он говорил.

И обоим было неясно, что же обозначают шаги, которые Колин слышал на дороге. Гаутер тоже не смог пролить свет на этот таинственный случай. Когда Колин спросил его, водятся ли на Эдже олени, тот ответил:

– Да нет! Были когда-то в парке Олдерли во времена лорда Стэнли, да уже все давным-давно повымерли.

Но что вызывало наибольший интерес у Сьюзен, так это рассказ, как Колин отыскал старую прямую дорогу и как он добрался до вершины и нашел там Мотан. И как-то однажды вечером, поднимаясь вверх от Холиуэлла, ребята увидели Бикон, высившийся перед ними в сиянии звезд. Сьюзен просто не в силах была пройти мимо.

Они побывали в Фундиндельве по просьбе Альбанака, чтобы выяснить, что Атлендор сумел сделать с помощью браслета. Он коротко ответил, что ничего. Сила браслета не стала служить Атлендору. Потом они долго и нудно обсуждали, надо ли Сьюзен двинуться вместе с эльфами на север, и вообще говорили то об эльфах, то о Броллачане, потому что это были две главные тревоги Альбанака.

– Не знаю, как быть, – сказал он. – Мне не хотелось бы по-

кидать эти места, пока Броллачан на свободе. Он сейчас далеко, но необходимо его обнаружить. Хотя в данный момент даже на мизинчик нет шансов найти дорогу к тому месту, где он прячется. Но скоро лайос-альфары должны отправиться на север. И я обязан быть с ними. У меня нет выбора.

Это была какая-то утомительная и ни к чему не приведшая беседа.

Но вот перед ними – Бикон.

– Давай поднимемся к нему, – попросила Сьюзен.

– Давай. Но там особенно не на что смотреть.

– Я знаю. Но мне хотелось бы увидеть, как взойдет луна.

Старую прямую дорогу мы вряд ли разглядим, но мне хочется оказаться там, чтобы ощутить, что ты пережил тогда.

– погоди, – сказал Колин. – А как же Бесс и Гаутер? Уже поздно, а уйдет еще по крайней мере полчаса, пока мы дождемся луны.

– Они же знают, куда мы пошли, – бросила Сьюзен через плечо. – Я не думаю, что Гаутер станет тревожиться. Пошли!

Колин последовал за ней вверх по голому склону Бикона, и вскоре ребята уселись на камнях на самой его вершине. Колин показал сестре, где проходила дорога. Он старался сделать это настолько точно, насколько помнил сам. Теперь надо было ждать луны. Ребятам сделалось скучно, и они начали мерзнуть.

– У тебя есть спичка? – спросила Сьюзен.

– Откуда?

– Ты все-таки поищи.

Колин вывернул карманы и на дне одного из них среди пыли, шариков серебряной бумажки и мусора обнаружил одну-единственную спичку.

– Ты думаешь, это не опасно – разводить здесь костер? – спросил Колин.

– Конечно, нет. Тут поблизости не растут деревья и столько песку, что он не даст огню расползтись.

Ребята, немного спустившись с холма, набрали для растопки сухих рябиновых веток и еще наломали сучков с поваленной голой сосны.

– Не накладывай ветки слишком плотно, а то не загорится, – сказала Сьюзен. Но от спички огонь побежал по сухим сучкам, и скоро вся куча гудела, охваченная пламенем. Колин и Сьюзен кинули в огонь все, что успели собрать, но чем больше они подбрасывали веток, тем скорее они сгорали.

– Подожди, – сказал Колин. – Огонь может слишком разбушеваться. Ветки чересчур смолистые.

Но Сьюзен увлеклась. Она побежала к сосне и стала отламывать более толстые сучья.

– Иди, помоги мне, Колин. Эти ветки будут здорово гореть!

– Нет! – остановил ее Колин твердым голосом, – Хватит. Что-то происходит не то. Мне холодно.

– Это от ветра. Иди же, а то огонь погаснет. Сьюзен навалилась на сук и упала, когда ей удалось его сломать. Потом

она потащила ветку наверх. Колин подбежал к ней и схватил ее за руку.

– Сью! Неужели ты не чувствуешь: этот огонь не дает тепла!

– Интересно, кто это решился разжечь огонь в канун Гомрата? – произнес жесткий и тонкий голос позади них.

Колин и Сюзен обернулись. Языки пламени образовали багровую завесу между вершиной холма и небом. И за ней, а может быть, прямо в пламени объявились трое всадников. Сначала они виднелись неясно и напоминали картины, которые возникают перед глазами человека, смотрящего на огонь.

Но потом они обрисовались яснее. Всадники были одеты во все красное: красные туники, красные плащи. Красными были их глаза, красными – густые, как гривы, волосы, которые со лба придерживались золотыми обручами. За спинами у них висели красные щиты, в руках они держали красные копья. Кони, на которых сидели всадники, были тоже красными, красной была и конская сбруя. Но пока дети смотрели на них, один из всадников уплотнился и отделился от пламени. Теперь он был вполне реальным и выглядел устрашающе.

– Кто... кто ты? – запинаясь, прошептал Колин. – Что тебе надо?

Всадник привстал на стременах и поднял мерцавшее копье над головой.

– Смотри и слушай, сын мой! Великие новости! Пробуди-

лись наши кони – кони из древнего кургана. Бодрствуем мы, Всадники из Донна, Эйнхейриары, что значит – дружинники Херлатинга... Смотри и слушай, сын мой!

И он подбросил свое копьё высоко в небо. Оно сверкнуло четырежды, и он поймал его и стал размахивать перед собой.

Тогда и два оставшихся всадника медленно выехали на своих лошадях из пламени, и огонь летел с них на землю, как шарики красной ртути.

– Беги! – крикнул Колин сестре.

Они не пробежали и полпути до леса, как за ними послышался цокот копыт, и стальные руки подхватили их и перекинули через коней, и кони понеслись сквозь ночную тьму с такой скоростью, точно вся погибель мира гналась за ними по пятам.

Когда Ангарад Златорукая подарила Сьюзен свой браслет, она не посвятила девочку во все его секреты, но сказала, что браслет никогда не оставит ее в минуту опасности. Через какое-то время Сьюзен, несмотря на то, что кровь стучала у нее в висках, а в ушах был неумолкаемый конский топот, слегка собралась с мыслями. Она взглянула на браслет. Он поблескивал в лучах восходящей луны. Тогда она принялась хлестать и коня, и всадника рукой с браслетом. Но и это не возымело действия. Всадник схватил ее за руку и равнодушно посмотрел на браслет. Потом поднял ее одной рукой и усадил перед собой верхом. Он не опасался, что она соскочит с лошади: скорость была такой огромной, что Сьюзен

вынуждена была обеими руками вцепиться в гриву. Они неслись на юг от Бикона мимо знакомых Сьюзен мест. Миля две кони неслись сквозь ночную тьму, в сторону самого длинного склона Эджа. Потом всадники пробирались мелколесьем. Вдруг перед ними очутился еще один курган, поменьше Бикона, на вершине которого тесно стояли несколько сосен.

Всадники натянули поводья, умили бег коней, и те двое, что держали Сьюзен и Колина, поравнялись с предводителем. Затем тот, подъехав к самому кургану, поднял копьё и метнул его в деревья. Копьё взвилось в воздух, по всей линии его полета деревья вспыхивали, подожженные пламенем, стекавшим с наконечника. Коснувшись ствола последнего дерева, копьё описало плавную дугу и вернулось назад, к метнувшей его руке. Пламени не было больше ни на древке, ни на металлическом конце копья, но сосны все стояли, объятые огнем. Пламя гудело и вздымалось, как это было на Биконе, и также, как там, не давало тепла. Более того – огонь не сжигал деревья.

Голос всадника, точно лезвие меча, прорезал ритмичные вспышки пламени:

– Пробудитесь, сыны Аргатрона! Пробудитесь, Ульмиг, Ульмор, Ульмбег. Скорей на коней – и скачите, эйнхейриары Херлатинга!

Ветерок разорвал ночную дымку на узкие танцующие полоски, языки пламени трепетали, и, казалось, что-то в них движется, и оттуда доносятся голоса:

– Мы скачем! Мы скачем!

И тут же из пламени появились трое. На этих плащи были белые, перехваченные золотыми пряжками. В руках каждый держал по хлысту. Волосы их были желтые, все в завитушках как у барана. А кони – белее первого снега, лежащего на черной скале.

Как только они появились, красные всадники повернули коней и поскакали в ночь. Колин, который лежал перекинутый через шею последнего коня, увидел, что белые всадники последовали за ними.

Скакали они недолго, всего с полмили, и остановились возле холма Фернхилл, на вершине которого росли пять крепких сосен. И снова взвилось копьё, и снова запылали деревья, и снова раздался голос:

– Пробудись, сын Дунарта, король с севера, король, спящий в кургане! Проснись, Фьюрн, во глубине своего холма! Скачите на своих конях, эйнхейриары Херлатинга!

– Я скачу! Я скачу!

Одинокий всадник появился из-за деревьев. Его лицо с высоким тяжелым лбом выглядело сурово. Борода была раздвоена и заплетена в косицы. Его торс облегла грубая волосяная накидка, а плаща не было вовсе. И он держал круглый щит с пятью золотыми кругами на нем. Картину дополняла железная палка, напоминающая цепь, к которой были приделаны семь втрое скрученных трехгранных цепочек, каждая из них заканчивалась шаром с семью шипами. Конь его

был черный с золотой гривой.

И они поскакали дальше – и красные и белые всадники, а за ними – этот, дикого вида, король. Они миновали Мо-нахову Пустошь и доскакали до одинокого холма Солджерс Хамп, который раньше назывался Солджерс Хамп, что означает Солдатов Гроб. Сосны на его вершине располагались кругом. Говорят, там время от времени зимними ночами блуждают странные бледные огоньки. Но сейчас никакого другого огня, кроме красного, не было видно.

– Пробудись, Фоллоумэн, сын Мелимбора! Пробудись, Багда, сын Тора! Скачите, эйнхейриары Херлатинга!

– Мы скачем! Мы скачем!

У новых воинов были круглые черноволосые головы, в глазах поблескивала чернота.

Их обтягивали черные сутаны с глубокими капюшонами, в руках они держали черные с широкими желобами мечи, хорошо приспособленные для битвы. Кони были сплошь черные, вплоть до языков.

Леса и долины, поля, живые изгороди, деревни, селенья – все это мелькало мимо, мимо, мимо. И вот перед ними оказался холм под названием Широкий, а древнее его название было Тунстэд, и растущие на нем сосны тут же занялись красным пламенем.

– Пробудитесь, сыны Ормара! Пробудитесь, Мэдок, Мидхир, Матрамил! На коней! Скачите, эйнхейриары Херлатинга!

– Мы скачем! Мы скачем!

Плащи вновь прибывших отливали голубизной, как вымытое дождем небо, их густые золотистые волосы покрывали плечи, в руках они держали дротики с семью шипами. На их серебряных щитах было по пятьдесят золотых кнопок и шишаков, украшенных драгоценными камнями. Копыта их коней выглядели бронзовыми, а шкура казалась сотканной из золота.

Теперь все эйнхейриары – дружина Херлатинга – были полностью в сборе. Они повернули в сторону Олдерли и Бикона. И там, где проскакала эта бешеная кавалькада, в воздухе долго еще носились и не гасли мерцающие искры.

Властитель Херлатинга

Колин чувствовал, что умирает. По нему прокатывались волны холода, и он уже переставал ощущать ноющую боль в голове и во всем теле. Он даже крикнуть от боли не мог; и нервы, и мышцы – все уже переставало функционировать, и он только открывал рот и молча ловил воздух как рыба.

Сьюзен легче перенесла скачку, правда, в голове у нее все путалось от нервного напряжения и от бешеной езды. Вскоре показался огонь, он все еще горел на Биконе.

Всадники приблизились к Бикону, не снижая скорости, объехали вокруг кургана и, дернув за поводья, резко остановили коней. Их предводитель медленно поднялся на самую вершину и вошел в костер. Он опустил копье и наконец тронул землю, и тут исполнилось то, о чем раньше мечтала Сьюзен. Старая прямая дорога потекла от его копья словно река расплавленной стали из плавильной печи. Но теперь дорога не была лунно-серебристой, какой увидел ее Колин; теперь она была похожа на бурливую огненную реку, которая проносилась через лес и исчезала вдали. Всадник поднял обе руки и откинул голову. Он запел:

– Пробудись,
Ты, кто внутри рассветного холма!
Пробудись,

Ты, от пламени Голоринга.
От солнечного жара, от лунной прохлады,
Прийди, Гаранхир! Горлассар!
Властитель Херлатинга!

И все смолкло. Никто не шевелился. Потом издалека слабо послышался голос, ясный и чистый, точно смешались ветер и шелест деревьев, речной плеск и звездное сияние. Все ближе и ближе, слышнее слышалась странная, дикая песня:

– Разве я не тот, кого зовут Горлассар?
Разве я не принц в этой тьме?
Гаранхир, рождающий битву!
Где мои Жнецы, что поют о войне!
Мечущие пики в трепетной битве,
И звоны щитов, и крики клинков,
И синеголовые копыя, грызущие плоть,
И стрелы, утоляющие жажду кровью,
И вороны с красными клювами?

И в отдалении между деревьями показалась фигура мужчины. Он продвигался в сторону Бикона, делая длинные скачки, вдоль старой прямой дороги, и огонь играл на его крепких мышцах, бросая то красные, то черные отсветы. Он был высок, крепок и при этом грациозен. Однако его грация была грацией зверя. На продолговатом и тонком лице выделялся острый нос с подрагивающими ноздрями. Над глазами нависли черные, как ночь, брови, а зрачки сверкали, словно

темные рубины. На голове вились красные кудри, а над кудрями возвышались... ветвистые рога королевского оленя!

Всадники ответили ему:

– Копыта быстры и ветер свободен,
Мы пробудились от пламени Голоринга,
От солнечного жара, от лунной прохлады,
Привет тебе, Гаранхир! Горлассар!
Властитель Херлатинга!

Все слегка попятнулись от огня и, когда бегущий достиг кургана, кони разом опустились на колени, а всадники молча подняли вверх оружие.

Сюзен взглянула на того, кого всадники называли Властителем Херлатинга, но почему-то не испытала страха. Ее ум просто отказывался в него верить, но что-то глубоко внутри верило и принимало его. Она понимала, почему кони преклонили колена. Он представлял собой само сердце дикой природы. В нем были заключены молнии и громы, и бури. В нем бились тихие волны приливов и менялись времена года, в нем была жизнь и смерть. И жажда убивать и жажда созидать. Он смотрел на нее, и все равно ей не было страшно.

Он стоял одиноко среди языков холодного пламени, они обтекали его и постепенно стали принимать его очертания, точно контур его был обведен кровью. Пламя поднималось и отлетало ввысь с кончиков его оленьих рогов. Он точно впитывал в себя огонь и свет и приобретал от этого силу.

Вскоре единственным освещением остался лунный свет, и мужчина стал казаться черным на фоне луны.

И тогда он заговорил.

– Давно уже пришлый огонь не разжигал холодный огонь – Голоринг. Что за люди вспомнили вдруг о полнолунии в канун Гомрата?

Двое всадников, державшие Колина и Сьюзен, двинулись вперед. Колин почувствовал, как темные глаза пронзили его насквозь. И какое-то захватывающее дух веселье, сродни захватывающему дух страху, вдруг избавило от боли его тело.

– Хорошо бодрствовать, когда луна стоит над холмом, – скрытый смех слышался в голосе говорившего, и он, наклонившись, поднял Колина и посадил верхом. Потом повернулся к Сьюзен и собирался что-то сказать, но всадник поднял ее руку и показал Знаки Фохлы – браслет на ее руке. Браслет светился сам по себе, а не только отражал лунный свет, и письмена на нем шевелились, точно живые.

Легко и не произнося ни звука, его темное величество опустился на колени и приложил руку Сьюзен к своему лбу. Потом он встал, снял Колина и Сьюзен с коней, перенес на вершину кургана и отвернулся.

– Скачите, эйнхейриары Херлатинга!

– Мы скачем! Мы скачем!

Торф из-под копыт засыпал ребят, ночь тут же превратилась в сплошной шум быстро несущейся темноты, и ребята остались одни.

Они опустились на камни и уставились друг на друга.

– Это... это... – бормотал Колин. – Это тот, кого я видел у нас во дворе, на ферме! Это тот, что бежал за мной по дороге!

– Между прочим, им наплевать, что с нами будет, мы им совершенно неинтересны, – заметила Сьюзен.

– Это он шел за мной до самой фермы.

– Может, это и к лучшему, – сказала Сьюзен, продолжая свою мысль. – Я не дала бы за нашу жизнь и гроша, если бы они подумали, что мы как-то собираемся им мешать.

– Ничего себе история, а?

Колин и Сьюзен подскочили от ворвавшегося в их разговор голоса. Они посмотрели туда, откуда донесся голос, и увидели стоящего под деревьями гнома.

– Утекар! – закричали они и помчались с холма ему навстречу. – Утекар? Это был не Утекар.

– Кто ты? – спросила Сьюзен. Гном посмотрел на них.

– Ну и как же мы будем выпутываться из всей этой ситуации? – сказал он.

Гном был одет в черное, на боку у него висел меч с золотой рукояткой. Его волосы и борода были аккуратно подстрижены. Он держался с достоинством, говорил твердо, в его словах не звучало никакой угрозы.

– Я... Я прошу прощения. Но что мы сделали неправильного? Разве все это случилось по нашей вине? – спросила Сьюзен.

– Еще бы не по вашей! Только дураки стали бы разжигать костры на кургане в любое время. А уж в сегодняшнюю ночь – из всех ночей года особенно не следует это делать, да еще жечь зовущее в путь дерево! О чем Каделлин думает, с вас же нельзя спускать глаз! Но пошли, надо посмотреть, что ваши друзья смогут сделать. Может быть, еще не поздно вернуть их назад, в курганы.

– Но их невозможно найти! – сказала Сьюзен. – Они унеслись как ветер!

– Я думаю, далеко они не ускакали, – сказал гном. – Давайте выясним это.

Он быстро пошел вниз с холма, и ребята побежали за ним, чтобы не отстать.

– Но что это вообще все такое? – спросил Колин у гнома. – Кто такие они? И кто такой – он?

– Дикая охота. Херлатинг. Вот, что вы наслали на всех нас! Хватило бы и того, что разбужен Охотник. Но теперь его сопровождает дружина – эйнхейриары. Поэтому нам надо действовать быстро, иначе многие из нас уснут, не дождавшись ночи, и только ворону будет пожива. А теперь – тихо! Мне кажется, мы напали на след.

Им пришлось пройти по долине до скалы. Гном дополз до самого края и глянул вниз. Колин и Сьюзен присоединились к нему. И хотя было слышно, как что-то движется у подножья, они ничего не могли разглядеть, потому что скала нависла над землей. Они отползли в то место, где скала пере-

ходила в склон, и отсюда все ясно увидели.

Всадники находились возле Холиуэлла, второго входа в Фундиндельв. Вдоль тропы, которая шла мимо Святого Колодца, выстроились в ряд эйнхейриары. А возле самого колодца стоял Охотник, Гаранхир, и его рога чуть не касались ребячьих лиц. В его руках была чаша из какого-то белого металла. Он протягивал ее всадникам. Каждый всадник выпивал воду, затем, высоко подняв чашу, выливал оставшиеся капли себе на голову и после этого отъезжал в сторону.

Для каждого последующего всадника Гаранхир наклонялся к колодцу, наполнял чашу, и вода в чаше загоралась также, как загорелась старая прямая дорога от прикосновения копья, и болотистая равнина внизу, под холмом, тоже светилась красным.

Гном отодвинулся от края и поманил ребят за собой. Он проводил их назад по долине, завел за край противоположной скалы, откуда им были видны силуэты эйнхейриаров на фоне красноватой дымки.

– Мы опоздали, – сказал гном. – Теперь, когда они напились воды из Святого Колодца, ими должен заняться Каделлин. Клянусь бородой Дагды! Не будем же мы тут стоять и разглагольствовать, пока все, что почивает – проснется? И это, кстати, может случиться, потому что когда Старое Волшебство оживает, оно проникает глубоко, даже без помощи зовущих в путь костров! Слушайте меня. Вы знаете, где мы находимся? За краем скалы позади нас – железные ворота.

Они открываются вам?

– Да, кажется, – сказала Сьюзен.

– Тогда ты пойди и скажи Каделлину, что эйнхейриары скачут на конях, а мы вдвоем останемся здесь на страже.

– Хорошо.

Сьюзен скрылась из виду, и через несколько минут дрогнула у них под ногами земля, а по небу над скалой пробежал голубой луч.

Колин обернулся и посмотрел на Холлиуэлл. Хотя освещение было слабым, ему показалось, что всадники стали друг к другу теснее. Он слышал, как кони нетерпеливо переступают ногами и бьют копытами.

– По-моему, они собираются трогаться, – сказал Колин. – Что мы будем делать?

Сухой скрежет металла прозвучал в ответ. Колин обернулся и увидел, как луна отразилась на появившемся из ножен лезвии меча с золотой рукояткой и еще в глазах, которые смотрели из-за меча.

– Пойдем следом за ними, – сказал гном.

Когда Сьюзен вступила в туннель, ей показалось, что Колин что-то крикнул, но грохот скалы и звон закрывающихся ворот заглушил его голос, если это действительно кричал он. Когда умолкло эхо, ее обступила тишина. Сьюзен заколебалась. Ее рука протянулась было к воротам. Потом она сказала себе, что если там, наверху, что-то начало твориться, то

самое лучшее, что можно предпринять – это поскорее найти Каделлина. Она повернулась и побежала вдоль туннеля.

Отсюда было далеко до пещеры Чародея, весь лабиринт Фундиндельва отделял девочку от него. Скоро Сьюзен поняла, что не помнит, куда идти. В туннелях эхо шагов накатывало волнами и пугало ее. Но голубая бесконечность пещер пугала еще больше.

Силы были на исходе, и ей пришлось присесть и отдохнуть. Девочка прислонилась к стене пещеры и снова попыталась взять себя в руки. Но все-таки целый час прошел с тех пор, как Сьюзен рассталась с братом, прежде чем она нашла знакомый туннель, и еще минут через десять достигла пещеры Каделлина.

У него в этот момент были Утекар и Альбанак.

– Что случилось, Сьюзен? – воскликнул Альбанак, вскакивая со стула.

– Эйнхейриары!... Эйнхейриары!... и Охотник!

– Эйнхейриары? – спросил Каделлин. – Откуда ты знаешь?

Он резко повернулся и бросился в туннель, ведущий к Холиуэллу.

– Постой! – вскричала Сьюзен. – Они там, у колодца!

Чародей не обратил внимания на ее слова, за ним мчался Альбанак, чуть поотстав – бежал Утекар. К тому времени, когда Сьюзен добежала до колодца, все трое уже стояли на тропе. Утекар присматривался к следам, Каделлин смотрел

вдаль на равнину. Вода больше не блестела, леса стояли в молчании.

Утекар сказал:

– Они были здесь. Это наверняка.

– И они пили из колодца, – добавил Альбанак.

– Мы должны найти их, – сказал Каделлин. – Но я сомневаюсь, что их удастся заставить вернуться в курганы. Плохо.

– И еще хуже, – заметил Утекар, – боюсь, что сегодня канун Гомрата. И я чувствую запах призывающего в путь ко-стра.

– Не может быть! – воскликнул Чародей.

– Я... я боюсь, что это все из-за нас, – сказала Сюзен. – Мы разожгли костер на вершине Бикона. С этого началось. Они появились из огня.

– Зачем вам понадобилось разжигать костер? – спросил Каделлин таким голосом, что Сюзен захотелось убежать.

– Мы ждали восхода луны и... и мы замерзли. Чародей покачал головой.

– Это моя вина, – сказал он Альбанaku. – Я должен был быть тверже в своих намерениях. Пошли. Нам надо отыскать их.

– Колин будет знать, каким путем они отправились, – сказала Сюзен. – Они остались сторожить там, за долиной.

– Они? – переспросил Чародей.

– Ну, да, – сказала Сюзен. – Колин с гномом. Они должны быть здесь – недалеко, возле железных ворот.

– Какой гном? – удивился Утекар, – сейчас здесь не должно быть других гномов.

– Нет, есть, – настаивала Сьюзен. – Он одет в черное и...

– Скорее веди нас! – воскликнул Утекар. – И не теряй времени, чтобы хоть раз вздохнуть!

У Сьюзен захолонуло сердце. Не говоря ни слова, она молча устремилась по тропе и молчала до тех пор, пока они не дошли до того места, где должен был поджидать ее Колин.

– Где же он?

Сьюзен понимала, что это пустой вопрос.

– Что с ними случилось?

– Гном был одет в черное? – переспросил Утекар. – И у его меча золотая рукоятка?

– Да, и его пояс, и подвязки под коленями тоже золотые.

– Ты знаешь его? – спросил Каделлин.

– Знаю ли я его? Ха! Знаю ли я эту змею? Знаю! Но что привело его сюда, на юг, из Минит Баннога, это мне неизвестно. Несомненно только, что это дело нехорошее. И вот, что я вам скажу, если бы вы даже взялись искать, то хоть обыщите все земли и моря, не найдете гнома поганее, чем Пелис Вероломный.

Долина Гойта

– Чья-то мысль упорно трудится, чтобы специально вредить этим детям, – сказал Каделлин. – Хотя бы это мне совершенно ясно.

Они вернулись в пещеру Чародея и сидели за длинным столом. Вскоре к ним присоединился Атлендор.

– Так что же нам делать? – спросила Сюзен.

– Ждать и надеяться, – ответил Каделлин.

– Я бы предпочел искать и найти, – сказал Утекар. – Ты займись своим волшебством, Каделлин Сребролобый. Но полагаю, что сейчас больше пользы будет от наших глаз и клинков. Пелис пока здесь нету, но где бы он ни был, я должен оказаться там же. Мне думается, его смерть заключена в моем мече.

– Тогда иди, – сказал Каделлин. – Но будь осторожен – на дворе ночь.

Гном встал из-за стола, оправил меч на бедре и уже соби-рался войти в туннель, когда заговорил Атлендор.

– Утекар Хорнский, один ты не пойдешь. На мне обязан-ность идти за тобой.

– Как найдешь нужным, – сказал Утекар. И гном вместе с эльфом покинули пещеру.

– Они отсекут друг другу уши, если, конечно, их не объ-единит общая опасность, – заметил Каделлин. – А теперь,

Сьюзен, ты отдохни здесь. Я должен оставить тебя на некоторое время. Альбанак побудет с тобой.

– Как же это вдруг стану отдыхать? – воскликнула Сьюзен. – Я должна что-то сделать, чтобы разыскать Колина!

– Если Атлендор и Утекар не найдут его, – сказал Чародей, – то ты и подавно. Тогда нам останется только волшебство.

– Но не могу же я тут сидеть сложа руки!

– Сьюзен! Тебе опасно быть вне стен Фундиндельва. Ты обязана остаться.

– Но Бесс может просто сойти с ума!

– Я рад, что ты о ней подумала, – заметил Каделлин.

– Ты видишь, сколько бед приносят твои попытки проникнуть в наш мир! Мне придется переговорить с фермером Моссоком и объяснить ему, что ты не придешь домой, пока все не утрясется. Не думаю, чтобы мне удалось его хоть в чем-нибудь убедить, но ты не оставила мне выбора!

И хотя Сьюзен пыталась спорить, Каделлин был непреклонен. В конце концов оба рассердились друг на друга. Чародей покинул пещеру.

– Не могу я сидеть здесь взаперти! – сказала Сьюзен. – Я должна пойти и отыскать Колина!

Альбанак провел ладонью по лицу. Он казался измученным.

– Пока мы с тобой ничего не можем сделать, Сьюзен. В дальнейшем нам еще могут понадобиться все наши силы.

Так что попробуй поспать. Я сам уже дошел до предела.

– Но мне нужно выйти отсюда!

– Давно ли ты жизнь готова была положить, чтобы войти сюда? – сказал Альбанак. – Если не можешь спать, то просто сиди и – разговаривай.

Сьюзен кинулась на постель из шкур и несколько минут не могла произнести ни слова от душившего ее отчаянья. Но в голове у нее теснилось слишком много вопросов, поэтому долго молчать она тоже не могла.

– Альбанак, – начала она, – кто такой Охотник? И что мы такого сделали?

– Он – часть Старого Волшебства, – сказал Альбанак.

– И чтобы Каделлин ни говорил, то, что вы сделали, произошло не случайно. Старое Волшебство разбужено, и оно вселилось в тебя. Оно-то и повлекло тебя на Бикон.

До того, как Старое Волшебство принудили заснуть, оно бывало особенно сильным в эту ночь – в Канун Гомрата. Это одна из четырех ночей в году, когда смешиваются Время и Вечность. А вы в эту ночь разожгли на Голоринге, по-теперешнему – Бикон, зовущий в путь огонь, который вызвал эйнхейриаров из кургана, а Охотника – с Сияющей Вершины. Потому что Старое Волшебство – это лунное волшебство, а также солнечное волшебство, и к тому же кровавое волшебство. В этом сила Охотника. Он был создан в один из жестоких дней мира. Надо заметить, люди очень изменились с тех времен, как они поклонялись ему.

– Вот ты все говоришь, что Старое Волшебство разбужено, – продолжала задавать вопросы Сюзен, – но раз оно такое могущественное, как же так получилось, что его заставили заснуть?

– Это работа Каделлина, – сказал Альбанак. – Для чародеев, для их Высокого Волшебства, заклинаний и чар Старое Волшебство – а это сила без четких форм и порядка – было только помехой. Тогда они пытались эту силу разрушить. Но не сумели. Самое большее, что им удалось, это заставить Старое Волшебство заснуть. Но сейчас, в ближайшие семь дней, называемые «Гомрат», сон Старого Волшебства особенно чуток, вот почему сейчас, в канун Гомрата, его легко разбудить.

– А что плохого в этом Волшебстве? – сказала Сюзен. – Ну оно просто мешало им, и все.

– Правильно. Можно было бы даже сказать, что чародеи поступили не по праву. Но дело в том, что века проходят, мир меняется, и это верно, что Старое Волшебство не годится для теперешних времен. Оно не совпадает с современными представлениями о добре и зле.

– Но оно естественнее, чем все эти чары! – заметила Сюзен. – Я понимаю его лучше, чем все остальное здесь. Альбанак взглянул на нее.

– Ничего удивительного, что ты так говоришь. Это еще и женское волшебство. К тому же, чем больше я смотрю, тем больше убеждаюсь, что Знак Фохлы тоже относится к Ста-

рому Волшебству.

– А что делает Охотник? Для чего он?

– Делает? Он просто есть, Сьюзен, И этого достаточно. Тут ты можешь заметить разницу между Старым и Высоким. Высокое Волшебство было создано на основе разума, а Старое – просто в природе вещей, у него нет цели.

Сьюзен больше чувствовала, чем понимала, что сказанное Альбанаком – правда. Девочка снова подумала о Колине. И почему она не догадалась вернуться, когда услышала его крик? Пелис Вероломный...

– Альбанак?

– М-м-м?

Она перевернулась на живот и взглянула на него. Альбанак сидел, опустив голову на руки.

– Ничего. Просто так.

Сьюзен прислушалась. Дыхание Альбанака сделалось глубже. Он спал.

– И никого тут больше нет, – подумала Сьюзен. – А этот туннель выходит прямо к Холиуэллу. Как звучит это слово? Эмалагра?

Она на цыпочках, пробуя каждый свой шаг, обошла стол и стала тихонечко продвигаться к стене, отделявшей ее от колодца. Приблизившись, она приложила руку к трещине в скале и произнесла обладавшее волшебной силой слово.

Скрежет камня эхом прокатился по туннелю. Сьюзен протиснулась в образовавшийся проход, едва тот сделался до-

статочно широк для ее плеч. Выбравшись, она побежала.

Утекар и Атлендор сидели в сиянии луны на деревянной скамье на высившемся над деревьями каменном уступе Касл Рок.

– Его нет в лесу, – сказал Утекар. – А дальше уже – мир широк.

– Если его нет в лесу, ты не думаешь, что он может оказаться под лесом?

– Ого, оказывается и лайос-альфары могут проявить сообразительность, – засмеялся Утекар. – Пожалуй, это именно так, как Пелис Вероломный решил бы поступить. Он знает, что мы будем его искать. Знает, что будем искать как вблизи, так и вдали. Где же еще лучше спрятаться, как не там, где его видели в последний раз? Там есть места близко от Сэдделбола, над железными воротами, где легко укрыться! Быстро!

Они помчались через лес мимо Холиуэлла, мимо того места, откуда исчезли Колин и гном, к углублению в поросшем буками склоне. Здесь, в скале, было много пещерок, туннелей, всяких других потайных мест. Атлендор выхватил меч и подошел ко входу в один из туннелей.

Вход был так завален, что даже ему пришлось туда протискиваться с трудом.

– Но это не для твоих глаз! – сказал Утекар. – Если он там, то твоя участь – мгновенная смерть!

– Но зато у меня для этого есть нос! – парировал Атлен-

дор. – Пещеру, в которой сидит гном, ни с чем не спутаешь!
– Тогда – вперед! – сказал Утекар. Он отступил на шаг, глаза его сердито поблескивали. Тем временем эльф исчез в туннеле.

– Здесь шахта поднимается наверх, – крикнул Атлендор. – И так тесно, что с мечом не справишься. Тут достаточно воюет, но я думаю, что гнома здесь нет.

Утекар ругнулся и в ярости отвернулся. Тут только он с ужасом увидел рычащую, клыкастую, красную пасть, широко расставленные, полыхающие зеленым огнем глаза и короткие уши, прижатые к плоскому затылку. А загнутые когти уже приготовились вцепиться в него. Утекар не успел ничего подумать, как его руки инстинктивно подлетели вверх, чтобы защитить лицо, и тут же он покатился по земле, сбитый молниеносным и сильным ударом. Когда, шатаясь, он поднялся на ноги, то увидел, что не он был основным объектом нападения. Нечто мохнатое оказалось уже на полпути к выходу в туннель, в котором скрылся Атлендор. Гному некогда было даже вынуть меч из ножен. Скачок – и он успел уцепиться за пушистый хвост уже почти успевшего скрыться в туннеле зверя.

Ощущение было такое, что он держит в руках свободный конец пружины необычайной силы. Утекар расставил ноги, уперся ступнями по обеим сторонам входа и резко откинулся назад. Задние ноги зверя брыкнули его, но ему удалось увернуться. Раскачиваясь из стороны в сторону, он сумел не

дать им обрести опору. Это уравнило силы, но Утекар знал, что долго не продержится. Приглушенный голос эльфа, выдававшего какие-то ироничные комментарии, дал ему понять, что Атлендор и не догадывается о происходящем снаружи.

– Эй, одноглазый Хорнскин, что там заткнуло вход?

– Если этот огузок оборвется, твое горло быстро узнает, что это такое!

Утекару казалось, что руки его скоро выскочат из суставов, а ладони – вот-вот разожмутся. Никакого ответа от Атлендора не последовало.

Вдруг тело зверя дрогнуло и осело, и раньше, чем Утекар смог собраться с мыслями, он полетел на спину, увлекая за собой мертвое животное.

Утекар поднялся и посмотрел на то, что лежало у его ног. Это была дикая кошка, длиной в целых три фута, и на горле у нее зияла сквозная рана. Атлендор стоял у входа в туннель и вытирал меч пучком травы.

– Это палуг, – сказал Утекар. – Сдается, в этих лесах слишком много такого, что явилось из-под Баннога.

Каждый раз, как только Колин спотыкался, меч колол его под ребра. Было трудно двигаться с такой скоростью, какую требовал гном, по такой неровной земле да еще в полной темноте. И говорить ему гном тоже не позволял. Каждый раз, как только Колин пытался раскрыть рот, он получал толчок

под ребра.

Они дошли до Грозовой Вершины, и тут гном остановился и тихонечко посвистел. Чей-то голос отозвался откуда-то из-за скал, и Колина мороз продрал по коже, потому что это был голос странно-холодный, высокий, и непонятно – звериный или чей-нибудь еще.

Потом от опушки что-то отделилось и стало двигаться, приближаясь к ним. Это была дикая кошка. За ней шли другие кошки. Они выходили и выходили из-под деревьев, и скоро заполнили все вокруг. Казалось, вся земля была покрыта шевелящейся шерстью.

Кошки окружили Колина и не сводили с него глаз. Точно вокруг него тускло светились блеклые зеленые пусто-породные камни. Гном вложил меч в ножны. Большое количество кошек выстроилось позади Колина на манер эскорта. Они подошли близко, но не трогали его. Остальные рассыпались по лесу, чтобы перехватить возможную погоню.

От Грозовой Вершины кошки погнали Колина бегом. У него не было выбора, потому что каждый раз, как он замедлял шаг, за спиной поднималось угрожающее шипение, и зеленые глаза сверлили ему спину. Когда они окончательно выбрались из леса и двинулись полями, гном пошел шагом, и кошачий бег вприпрыжку перешел в плавное движение, точно по дороге плыл мягкий пушистый ковер.

Всю ночь двигались они в восточном направлении. Луна постепенно выцветала. Они шли и шли, мимо Аддерс Мосс,

мимо Уитенли, и Хейрхилла, в сторону Титерингтона, затем свернули к холмам Суонскоу, вверх и вниз через гребни холмов, вздымавшиеся как волны, и шли все дальше и дальше, пока не пришли в Долину Гойта. Она тянулась на многие мили, сухая, бесплодная земля, на которой даже деревья не вырастали. Затем, пройдя торфянистую, покрытую вереском местность, они подошли к невысокому круглому холму, густо поросшему кустами рододендрона. Вверх по холму вилась дорога. Они пошли по этой дороге через заросли рододендрона. Где-то внизу справа журчал ручеек. Казалось, что когда-то на этом холме был террасами разбит сад. Но сейчас он был заброшен, запущен. У Колина усталость притупила страх, но что-то в этом странном саду его ужасно смущало. В нем таилось что-то недоброе.

Дорога привела к развилке, и кошки погнали Колина налево. Какое-то время путь шел прямо, затем круто повернул, и Колин замер, несмотря на подступивших к нему кошек.

Перед ним, на лужайке, которая тоже шла террасами, стоял большой, уродливый, тяжелый каменный дом. Луна освещала его. Но свет, исходивший от построенных арками окон и от распахнутой двери, оказался тоже ничем иным, как светом луны.

– Мы дома, – сказал гном.

Он заговорил впервые за несколько часов. Кошки направились было к дому, но в этот момент облачко закрыло луну, и гном гаркнул:

– Стойте!

Но Колин и так уж сам по себе замер на месте. Как только луна скрылась, свет в окнах потух. Теперь дом был отчетливо виден на фоне холма. Но Колин открыл рот от того, что представилось его глазам. Может, это какой-то обман зрения из-за темноты? Дело в том, что дом вдруг изменил свой вид, начал расползаться и разваливаться!

А сквозь одно из окон было отчетливо видно небо. Колин даже заметил звездочку. Но тут облачко проплыло, луна опять осветила дом, а свет из окон снова упал на траву.

Гном выхватил меч.

– Теперь беги, – сказал он, подтолкнув Колина в сторону дома. Кошачья волна двинулась в том же направлении и пре-проводила Колина через парадную дверь.

Колин оказался в огромном холле, наполненном холодным, не отбрасывающим тени светом. Перед ним шла вверх широкая каменная лестница. С верхней площадки раздался противный голос:

– Добро пожаловать. Наши зубы давно жаждали впиться в твою плоть!

Колин узнал этот голос. Ему даже не надо было смотреть на женщину, которая спускалась по лестнице. И так было ясно: это – Морриган.

На ее тяжелом туловище сидела широкая голова с огромным омерзительным ртом. Маленькие глазки также выражали злобу и жестокость. На ней было платье такого глубокого

синего цвета, что казалось почти что черным, а на нем ярко выделялась красная тесьма, служившая поясом. Кошки раступились перед главной ведьмой, а затем, когда она направилась к Колину, раболепно за ней последовали.

– Не беспокойся. Мы заплатим тебе долг. Ты отсюда ни одной своей частичкой не вырвешься. Разве что только то, что птицы сумеют унести в клювах.

Она протянула руку, чтобы погладить одну из кошек, и Колин увидел у нее на руке браслет. По виду он выглядел в точности таким, как у Сьюзен, но краски все были наоборот: письмена серебряные, а весь браслет черный.

То самое озеро

Утекар и Атлендор расположились в пещере Чародея. Они промывали свои раны.

– Не то, чтобы я собирался еще раз выйти этой ночью! – сказал гном. – Если Сюзен действительно выбралась за ворота, тогда то, что от нее осталось, не стоит и искать. На каждом дереве сидит по палугу! Нам пришлось штук двадцать ухлопать, чтобы добраться всего лишь от Сэддлбока до ворот!

Оба они с Атлендором были покрыты глубокими царапинами, а их платье превратилось в лоскуты.

– У нее Знак, может, это сохранит ее, – сказал Альбанак. – Я пойду посмотрю, где она.

– Но у тебя-то нет Знака! – заметил Утекар. – Если Сюзен выжила до этой минуты, то значит, мы ей не нужны. Если ты считаешь, что должен ее отыскать, займись этим поутру. Если пойдешь сейчас, то зубы палуга, как пить дать, сомкнутся на твоём горле.

Звук закрывающихся ворот напугал Сюзен. Она-то думала, что Альбанак через секунду ее догонит! Не зная, где искать Колина, девочка понеслась наугад, не разбирая, в каком направлении бежит и много ли уже пробежала. Где-то, посреди леса, она остановилась, чтобы перевести дух. Все

время, пока Сьюзен бежала, ей казалось, что с каждым шагом она только на долю секунды, только на дюйм успевает опередить готовую схватить ее невидимую руку. Но вот она остановилась, и воздух вокруг нее как бы успокоился, Сьюзен почти что слышала, как он потоптался на месте и замер. Но это вовсе не было плодом ее воображения. Действительно какое-то движение замерло, когда она остановилась. И тут Сьюзен почувствовала, что вся ночь устремилась в одну точку, и этой точкой была она сама.

Девочка попыталась воззвать к своему разуму, но он говорил только одно: ей не найти Колина. Сьюзен показалось, что воздух вокруг – точно натянутые веревки, и что кто-то за эти веревки дергает. Она стала так пристально вглядываться в темноту, что разглядела в крошечной тьме какие-то огоньки – маленькие, зеленые пятнышки. Но вот что странно: когда обычно так пристально смотришь на свет, он начинает радужной расплываться у тебя в глазах. Сейчас этого не происходило. Огоньки не меняли цвета, они находились низко возле земли и группировались парами. Это были... глаза! Сьюзен была окружена целым морем немигающих жестоких глаз, и они все уставились на нее!

Кошки подошли ближе. Теперь девочка могла разглядеть каждую в отдельности. Их было две или три дюжины, и они, ощетинившись, подбирались к ней на негнущихся лапах. Сьюзен так испугалась, что не могла пошевелиться, пока одна из них не зашипела и не замахнулась на нее когти-

стой лапой. Сьюзен отскочила, и кошки расступились, давая ей дорогу. Она поняла, почему: они позволяли ей двигаться в том направлении, в каком они хотели, но стоило ей только ступить в сторону, как тут же когти были наготове.

Ей стало ясно, что эти кошки были частью той опасности, против которой предупреждал Каделлин. Они слишком обдуманно действовали, чтобы оказаться простыми кошками.

Таким же образом, как это прежде происходило с Колином, кошки вели ее через лес. Они не трогали ее, но двигались по пятам и вынуждали бежать бегом. Они явно куда-то спешили, и это обстоятельство навело Сьюзен на счастливую догадку.

Она начала нарочно оступаться на каждом шагу и, сделав вид, что споткнулась, упала на землю. Падая, она вытянула руку вперед, и кошки отскочили от нее, как от горячей головы. Сьюзен поднялась на четвереньки и огляделась. В ту же минуту она внезапно осознала происходящее. Она снова протянула руку, и кошки опять отскочили, шипя и отплевываясь. Они же боятся Знака! Сьюзен поднялась на ноги, сняла браслет с запястья и стала размахивать им, делая дугообразные движения. Кошки отступили, хотя при этом и фыркали и вертели головами из стороны в сторону, а глаза их сверкали ненавистью.

Сьюзен понятия не имела, где находится, но сочла за благо вернуться тем же путем, каким попала сюда. Она медленно повернулась и пошла. Кошки неотступно следовали за ней.

Разница была только в том, что теперь Сьюзен сама выбирала направление.

Теперь ей приходилось бороться за каждый шаг: кошки весьма неохотно расступались перед ней. Если бы Сьюзен смогла душевно противостоять своему окружению, она, безусловно, добралась бы до Фундиндельва невредимой. Физически кошки уже не могли с ней ничего поделаться. Но кошачья злоба проникла ей в душу, и Сьюзен чувствовала себя подавленной. Ей стало страшно. Первое ощущение победы скоро исчезло. Теперь Каделлин больше не казался ей неразумным в своих опасениях, как она считала совсем недавно.

Сьюзен пробиралась назад уже примерно полчаса. За это время она преодолела расстояние не длиннее, чем в полмили. Девочка почувствовала, что больше ей не выдержать. Напряжение было слишком велико. Выбросив руку с браслетом вперед, она рванулась, сама не зная куда, просто, чтобы избавиться от этих зеленых, невыносимо злобных глаз. Но избавление не пришло. Кошки поскакали следом. Они уже больше не окружали ее, а шли сплошным потоком с обеих сторон, почти что гнали ее, все равно куда, просто в ожидании своего часа. И он – наступил!

Сьюзен неслась, как бешеная, и только по счастливой случайности ни разу не упала. Но вот она добежала до того места, где после подъема земля обрывалась вниз примерно на ее рост или чуть больше. Сьюзен полетела, сохраняя инерцию бега, и растянулась во весь рост. Браслет вырвался у нее

из рук и покатился по песку. Сьюзен кинулась за ним, но... опоздала. Там дальше холм круто шел вниз каменной осыпью, браслет уже набирал скорость, катясь вниз по склону.

Сьюзен оглянулась и не стала медлить. Кошки были ярдах в десяти от нее. Не обратив внимания на крутизну, она кинулась вниз по осыпи. Через несколько шагов ноги понесли ее со страшной скоростью, один шаг становился шире другого, ноги казались тяжелыми, как маятник огромных часов. Она пыталась удерживать равновесие, откинувшись назад, однако совершенно потеряла контроль над своим телом. А браслет, подсакивая на камнях, катился все дальше и дальше, гораздо быстрее, чем она бежала. Наконец он наткнулся на большой булыжник, подскочил и на излете повис в воздухе, вращаясь, но не падая на землю.

Сначала он был как обычно – серебряный и, вращаясь, отражал лунный свет. Затем он стал расти и разбрасывать огонь, как кольцо во время фейерверка. Огонь разрастался, и вот уже перед Сьюзен был не браслет, но светлый диск с черным кругом в центре. Диск становился все больше и больше, он постепенно заполнял все поле зрения девочки и, когда уже полностью заслонил ночную тьму, его огненные края приблизились к Сьюзен, а черный круг стал удаляться, при этом не уменьшаясь в размерах. И вот, наконец, перед ней образовался вращающийся туннель. И она в отчаянии кинулась туда. Земля уже больше не была у нее под ногами, и она бежала, все еще плохо управляя своим телом, ноги утрати-

ли качающуюся тяжесть маятника. Туннель продолжал вращаться так, что она чувствовала, что бежит то по потолку, то по стенам, даже чаще, чем по полу. Сюзен не знала, сколько времени она уже бежит, но черный круг перед ней как бы обозначал конец туннеля. Круг начал увеличиваться в размерах, и он был уже не сплошь черный, на нем появились серые пятна. И он все увеличивался и увеличивался, на нем можно было уже различить цвета. И Сюзен увидела деревья, цветы, солнечный свет. Теперь круг разросся настолько, что заслонил огонь по краям. Скоро все затянулось серебристой дымкой, потом дымка рассеялась, как утренний туман, и Сюзен выбежала из туннеля на зеленую траву. У нее захватило дух. Она остановилась и стала оглядываться.

Сюзен мгновенно поняла, где она очутилась. Она стояла на острове, густо поросшем деревьями, и остров этот был посреди озера Радсмир, находившегося в четырех милях к югу от Олдерли. Сейчас здесь был день. И судя по теплоте воздуха, солнечным бликам на воде, пению птиц и зеленым листьям – стояло лето.

Почти такое же по странности происшествие уже привело ее однажды на этот остров. И здесь она впервые надела браслет – Знаки Фохлы.

Сюзен стала искать глазами ту, которую она здесь обязательно должна была встретить – Ангарад Златорукую. Хозяйку Озера.

И в самом деле – Ангарад стояла под деревьями, высокая,

тонкая, одетая в длинное платье. Ее волосы золотились, ее кожа блистала белизной свежеснежавшего снега, щеки были румяны. В руке она держала браслет.

Бодак

Ангарад улыбнулась.

– Пора тебе поподробнее узнать, какое место ты занимаешь во всем этом, – сказала она, застегивая браслет на запястье Сьюзен. – Пойдем со мной.

Она взяла Сьюзен за руку, и они пошли лесочком на полянку и там опустились на траву. Сьюзен ощутила, как тяжесть одиночества постепенно оставляет ее. Ей ничего не пришлось объяснять, Ангарад знала все, что с ней происходило.

– Все это не случайность, – сказала она, – и очень многое ложится на твои плечи.

– На мои? – удивилась Сьюзен. – Но почему?

– Во-первых, потому что именно тебе угрожает огромная опасность со стороны Морриган.

– Морриган?

– Да. Она здесь. И сердце ее кипит жадой мести. Ее прежнее могущество вернется к ней полностью еще не скоро, и в данный момент вся ее воля сконцентрирована на тебе. Колин находится в ее власти, и она постарается использовать это, чтобы разделаться с тобой. Хотя браслет Знаки Фохлы и защищает тебя, но это не всегда будет так.

– Но при чем тут я? Какое я могу иметь значение для нее? Я ничего не смыслю в волшебстве. Разве ты и Каделлин ни-

чего не можете с ней поделаться?

– Когда ты получила браслет, ты вместе с ним получила и свою судьбу, – сказала Ангарад. – Этого Каделлин и опасался. И теперь мы с ним можем действовать только через тебя. Потому что в браслете заключено лунное волшебство, и мы – как бы его часть.

Она протянула руку, и Сьюзен увидела на руке Ангарад светлый браслет.

– Наша сила сейчас идет на убыль, сила моего браслета в полнолунии, ее – в ущербной луне. Сейчас луна идет в ущерб, так что она пока что сильна.

– Я не понимаю, я-то какое к этому имею отношение?

– Ты молода, и твой браслет – браслет молодой луны. Если тебе достанет мужества, ты способна оказаться сильнее Морриган. Я могу вывести тебя на дорогу и немного оберечь тебя против Морриган, пока луна на ущербе. Но не более того. Что ты скажешь? Готова ли ты действовать?

– Конечно. Да мне ничего другого и не остается, не правда ли? Она же все равно будет бороться со мной, а так у Колина будет хоть какой-то шанс спастись.

– Это верно, – сказала Ангарад. – Эту ведьму все время сжигала жажда мести. Но теперь она проведает, что у тебя на руке Знак. Если еще не успела пронюхать. Народившаяся луна всегда угроза для нее. Тем более, что на этот раз будет луна Гомрата, а в это время наше волшебство бывало в своей самой большой силе. Может быть, так случится и на этот раз.

Морриган постарается уничтожить тебя, пока ты не войдешь в силу. Тебе придется вести с ней войну и победить ее. Если тебе это удастся, возможно, она уже в дальнейшем не будет представлять угрозы ни для кого. Если ты проиграешь, она может забрать неограниченную власть. А теперь возьми вот это.

Ангарад протянула Сьюзен кожаный поясок. К нему был прикреплен маленький изогнутый рожок, белый, как слоновая кость, оправленный в золото, с насечкой.

– Она в своей злобе призовет себе на помощь и другие злые силы, ты мало что сможешь им противопоставить. Это бесценная вещь, и зовут его – рог Ангалак. Мориат дал его Финну, тот – Камхе, а Камха – мне. Подуй в него, если ты поймешь, что все потеряно. Но ни в коем случае не раньше. Если Ангалак прозвучит не вовремя, то тогда тебе не будет покоя никогда, ни при свете солнца, ни во тьме. Запомни хорошенько: только когда все будет потеряно...

– Я... я запомню, – прошептала Сьюзен.

Волшебство подходило к концу. Остров отодвинулся от нее, превратился в сон. Последние слова Ангарад долетели до девочки издалека. Сьюзен не могла побороть сонливость. Ее мысли погрузились в тишину и темноту. Туда, куда даже сновидения не достягают.

Девочка некоторое время прислушивалась к плеску воды, потом открыла глаза. Вода плескалась и потихонечку ее будила. Сьюзен повернулась на спину и поглядела на звезды.

Она лежала на берегу реки, протекавшей по дну глубокой долины среди высоких и голых холмов. Совсем рядом с ней два каменных столба и между ними железные ворота обозначали въезд в аллею, по-видимому, ведущую к какому-то дому. Вдоль реки шла широкая дорога, но Сьюзен почему-то потянуло проникнуть за ворота. Она присмотрелась к ним повнимательнее. На воротах висела цепь с замком. Все было изъедено ржавчиной.

Сьюзен перелезла через ворота и пошла вдоль аллеи. Слева от нее бежал к реке ручеек, возле самой дорожки теснились кусты рододендрона. Аллея была прямой, и, по-видимому, некогда широкой, но рододендроны разрослись так буйно, что дорожка, посыпанная желтым песком, была узенькой-преузенькой, и едва освещалась кособокой луной. Ручей журчал где-то в кустах, чем дальше она шла, тем громче. Повсюду рододендроны просто-таки душили окружающее пространство. Неведомой угрозой они нависали над Сьюзен. У нее было такое чувство, что все эти миллионы листьев – кожистые, остро пахнущие, дышащие, живые, – вместе как бы образуют единое чудовищное тело, наделенное враждебным, звериным сознанием.

Может, это было только игрой воображения, но все чувства у нее были обострены. Сьюзен двигалась мягко, как движется пантера или барс, почти бессознательно обходя веточки и камешки, попадавшие под ноги. У нее не было никакого сомнения в том, что Колин где-то близко.

Дважды дорогу пересекал ручей, через который были перекинута каменные мостики с обваливающимися перилами. Второй из этих мостиков располагался примерно в полумиле от ворот. Глаза Сюзен к этому времени уже попривыкли к темноте. Она отчетливо различала все, что делается на дороге и по сторонам настолько отчетливо, насколько позволяли заросли рододендрона. Вторым мостик находился у развилки. На развилке возвышался небольшой холмик. С обеих сторон его обтекали ручей и узенький приток, сливаясь как раз у моста. Основная дорога уходила влево. А возле моста в тени рододендронов стоял некто. Вроде бы человек. Он стоял совершенно неподвижно.

В руках у него было копьё и маленький круглый щит. Свет падал только на его макушку и слегка касался груди и плеча, все остальное оставалось в тени. Он ни разу не шелохнулся, и Сюзен даже подумала, не поставил ли здесь кто-нибудь этакую эксцентричную статую.

Она стала приглядываться. Но фигура не подавала признаков жизни, так что Сюзен не удалось прийти ни к какому заключению.

Мысль о том, чтобы вернуться, не приходила ей в голову. Она знала, что должна идти вперед любой ценой. Но пройти мимо фигуры возле моста тоже было бы очень рискованно.

Нечего было и думать продирааться через кусты. Единственным выходом казался ручей, который в этом месте протекал довольно близко от дороги.

Ручей был мелкий, но каменистый, а иногда на дне образовывались ямы, куда Сюзен проваливалась по пояс. Со всем бесшумно двигаться она не могла, но журчание ручья заглушало ее шаги. Она шла близко от берега, где тень особенно сгущалась. Хуже всего было пробираться под мостом. Мост был низкий, под ним противно воняло плесенью, в темноте девочка натыкалась на что-то, что уплывало от нее вниз по ручью.

Выбравшись из-под моста, Сюзен увидела, что берега стали выше и круче. Но она продолжала идти по ручью еще сотню-другую ярдов. Берег сделался почти что вертикальным, землю густо покрывали прелые листья. Восемь или девять раз Сюзен делала попытку выбраться на дорогу, цепляясь за землю, и каждый раз, когда казалось, что она вот-вот ухватится за сломанный плетень на краю дороги, Сюзен скатывалась вниз по своему следу. Наконец ей удалось ухватиться за край обрыва и подтянуться.

Дорожка была все такой же ширины, но через несколько ярдов образовалось ответвление, уходившее от нее вправо. Сюзен остановилась в нерешительности, не зная, продолжать ли идти прямо или посмотреть, куда ведет дорога, уходящая вбок. Потом она решила хотя бы взглянуть, что там, за поворотом.

Хотя Сюзен и продолжала двигаться так же тихо, однако, заглянув за поворот, она не смогла сдержать крика.

Там, за поворотом дорога шла по краю лужайки, устроен-

ной в виде террасы, между уступами были ступеньки, а на лужайке стоял каменный дом, построенный в тяжелом итальянском стиле прошлого века. Все окна дома были освещены. Этот свет казался ярче лунного, но каким-то безжизненным, и создавалось впечатление, что он тоже представлял собой ничто иное, как свет луны.

Сьюзен сразу поняла, что именно это место она и искала. Здесь находилось самое сердце зла. Морриган была здесь. И Колин тоже. Сьюзен направилась было к дому, но потом остановилась.

«Нет, – подумала она. – Я не знаю, куда идти или что делать. Я должна сообщить Каделлину, что Морриган здесь, он будет знать, как с ней обойтись».

Над дверью дома высилась квадратная башенка. И как бы в подтверждение догадки Сьюзен в одном из арочных окон башни показалась фигура. Это была Морриган. Она уставилась на лужайку. И несмотря на то, что Сьюзен стояла в тени, девочке показалось, что ее пронзил яркий свет. Ей понадобилась вся воля, чтобы оставаться неподвижной, пока Морриган вглядывалась в темноту. Когда она скрылась, Сьюзен на цыпочках вернулась на дорогу.

Вид этого дома напугал ее. «Ну почему – я? – подумала она. – Почему Ангарад не могла обратиться к Каделлину? „И очень многое ложится на твои плечи“, – сказала Ангарад. Она могла бы мне рассказать поподробнее. Я-то не знаю никакого волшебства, а те, кто знают, сами боятся Морриган.

Будет ли от меня какой-нибудь прок, если я появлюсь там одна? Нет, я должна разыскать Каделлина».

Сьюзен вернулась назад, к перекрестку. Она могла пойти налево, по краю долины, или продолжать путь по дороге. Ей не очень-то хотелось снова иметь дело с мостом. Теперь-то Сьюзен была уверена, что тот, которого она там увидела, кем бы он ни был, не представлял собою парковую скульптуру. Но где она находится? В какой стороне Олдерли? Девочка немного сориентировалась, глядя на знакомую вершину. Дорога шла на запад. «Это то, что нужно, – думала Сьюзен, – если я нахожусь в Пеннинах. А что, если это уже Уэлс? Тогда я оказываюсь в сорока милях от Олдерли! Нет, лучше думать, что это Пеннины». Она пошла по дороге, ведущей вверх по холму. Дорога вскоре привела ее к проходу в каменной стене. Здесь заросли рододендрона кончились. Дальше было открытое пространство, а за ним, похожая на спину кита, вершина высоченной горы, рядом с которой все казалось микроскопическим. У Сьюзен голова закружилась от одного взгляда на эту гору. Но она надеялась, что там, под горой, окажется Олдерли.

«Хорошо, хоть рододендроны отвязались», – подумала она.

Сьюзен ступила в проход в стене, и в это время кто-то вышел из тени. То ли это был тот, что стерег ее у моста, то ли кто-то другой охранял проход, этого она не знала. Он был чуть пониже ее ростом, с лысой и гладкой головой, остро-

конечными ушами и тонким крючковатым носом. Миндалевидные глаза мерцали странным блеском. Наконечник копья напоминал лист. А тело его было все покрыто густой курчавой шерстью.

Сюзен остолбенела. Она не смогла пошевелиться даже тогда, когда это существо приблизилось к ней и схватило за руку. Но вопль, который вырвался из его огромного рта, точно разбудил ее. Как только существо дотронулось до Знаков Фохлы, оно извергло из себя белое пламя. Нападавший отлетел к стене, упал и больше не шевелился.

Сюзен ринулась в сторону открытого пространства, но она едва добежала до подножья горы, как услышала крик. Обернувшись, девочка увидела, что такое же существо перепрыгнуло стену и кинулось за ней в погоню.

Кто они? Такие люди? Или не люди? Преследователь бежал как-то очень странно. Что-то было в его движениях от ящерицы: колени как-то вывернуты назад, ноги ниже колен тонюсенькие, а на пальцах – когти.

У Сюзен было примерно ярдов пятьдесят форы, но она сейчас взбиралась на гору, а тот все еще бежал по равнине. Девочка с трудом продвигалась вверх. Копье просвистело мимо ее плеча и воткнулось в землю. Этот второй не рисковал приблизиться к ней. Сюзен подумала было кинуть копье обратно в своего преследователя, но почувствовала, что не сможет даже взглянуть на него, да и дотронуться до древка ей было противно.

Она все взбиралась и взбиралась в гору, используя свое преимущество, а странное существо, добравшись до подножья горы, снова прицелилось.

Сюзен поравнялась с купой мертвых искривленных деревьев, стоявших на склоне. Она, пригнувшись, перебежала от ствола к стволу, радуясь хотя бы этой слабой защите. Но девочка до того вымоталась, что, споткнувшись, упала и не смогла встать. Она инстинктивно повернулась лицом к опасности и попыталась подняться, опираясь о древесный ствол. Преследователь был уже у края деревьев и несся прямо на нее, высоко подняв копьё. Затем он минуту помедлил, пока глаза не привыкли к полумраку, царившему под деревьями, и рванулся вперед. Но как только он успел миновать первое дерево, часть перекривленного ствола странным образом отделилась от дерева, что-то ярко сверкнуло и исчезло у преследователя под ребрами. Он завизжал и рухнул на землю.

– Ну вот, теперь еще и бодаки! – произнес полный отворачивания голос. – Никогда, что ли, не переведется здесь вся эта шваль из Миннит Баннога?

Дикая охота

Утекар поглядел на Сьюзен.

– До сих пор Каделлин считал тебя мертвой, – сказал он. –

И это едва не подтвердилось.

– Утекар! – воскликнула Сьюзен. – Как ты сюда попал?

– Тебе не достаточно того, что я здесь? – отозвался гном.

Он помог Сьюзен подняться на ноги.

– Бодак любит крутые подъемы не меньше, чем горный заяц. Смерть от его копыа чуть не настигла тебя. И еще пока не конец. Мертвый бодак может привлечь других. Лучше бы, конечно, снести ему голову. Но попробуй проткни его глотку: она жесткая, как воловья шея.

Утекар и Сьюзен стали подниматься на гору. Они шли шагом. Там, наверху простиралась обширная вересковая пустошь. Утекар понимал, что если за ними будет погоня, то беги-не беги, все равно не спасешься. От пустоши дом не был виден. По мере того, как они поднимались, заросли рододендрона превратились просто в темную полосу, а потом совсем исчезли за поворотом.

Прежде чем объяснить, как он оказался среди мертвых деревьев, Утекар заставил Сьюзен подробно рассказать о том, что она успела повидать.

– Но как же ты так быстро разузнал, где находится Морриган? – спросила Сьюзен.

– Не так уж быстро, – откликнулся Утекар. – Они забрали Колина прошлой ночью.

– Этого не может быть! – удивилась Сьюзен. – Всего-то прошло часов пять, не больше!

– Ты ошибаешься, – сказал Утекар. – Ты просто находилась под действием чар на острове Ангарад Златорукой. Там нет земного времени. Даже если пройдут годы, чары хозяйки Острова могут превратить их всего лишь в один день и одну ночь.

А что касается меня, то тут все просто. После того, как взошла луна, Пелис Вероломный явился в Фундиндельв. Стоя за воротами, он заявил, что если ты не согласна идти с ним и к тому же передать в его ведение свой браслет, тогда он будет посылать нам Колина по кусочкам!

Сначала я было решил, что мне стоит размазать Пелиса Вероломного вместе с его проклятой заносчивостью по скале. Но потом подумал: это от меня не уйдет. Сначала надо узнать, кто за ним стоит. Альбанак удерживал его разговорами, а я вышел у Холиуэлла, и когда Пелис ушел, последовал за ним. Так я оказался здесь. Но вижу, что эта долина полна опасностей, и не каждая из них покорится мечу. Так что нам надо привести сюда Каделлина и, пока он будет торговаться с Морриган, я попробую разобраться с Пелисом Вероломным, хотя бы мне пришлось уложить целое море бодаков, чтобы пронзить его сердце.

Теперь они взобрались довольно высоко. Мир вокруг был

– сплошная пустота. Они шли через вересковые заросли: два движущихся пятнышка в бледнеющем свете луны.

– А кто такие бодаки? – спросила Сьюзен.

– Подонки из Минит Баннога, – сказал Утекар. – Они в родстве с гоблинами, но только, может, чуть похрабрее. Не то чтобы они были отважны. Этого нет. Скрежет металла – вот все, что им любо. Но если они снюхались с Морриган, нам не легко будет спасти Колина. Ты не можешь идти быстрее?

Холодок закрался в его голос.

– Почему? Что случилось? – удивилась Сьюзен.

– Оглянись, – сказал гном.

Но Сьюзен ничего не увидела, кроме холма и пустоши вокруг Долины Гойта.

– Я ничего не вижу. Куда смотреть?

– И туда, и туда, и еще туда. Всюду. В вереске. И она увидела – легкое движение, точно языки пламени, взад-вперед, туда-сюда и еще – зеленые глаза.

– Разведчики, – сказал Утекар. – Но нам не так страшны палуги как бодаки, которые следуют за ними. Хорошо бы между нами и ими разразился бы, например, ураган!

Сьюзен и Утекар ускорили шаги. Кошки теперь шли за ними уже в открытую, раз уж их все равно обнаружили. Они переговаривались с теми, кто находился под горой, жуткими голосами, которые напоминали крики больных и стоны душевного томления.

Количество кошек пугало Утекара. Он не предполагал, что их окажется так много. Такой массой они могли бы засосать его как болото и даже, сорвав браслет, покончить со Сьюзен, если это только входит в их намеренья.

Но палуги не атаковали. Сьюзен и Утекару удалось добраться до вершины горного хребта. Расположенная там каменная стена слева от них постепенно поднималась вверх. А справа она спускалась в седловину. Затем стена устремлялась к самой вершине. Впереди простиралась долина, а за ней высилось еще несколько холмов. Они находились в девяти милях от Олдерли.

Сьюзен и Утекар перелезли через стену и собирались уже начать спуск в долину, как увидели целую цепь бодаков, шедших по дну седловины, чтобы отрезать им путь. Единственно, куда друзья могли сейчас двинуться, – это налево, в гору. Они держались поближе к стене, там было легче идти, потому что земля была утоптана проходившими здесь овечьими отарами. Палуги шли за ними по пятам, а те, которые оказались на горе выше стены, шли впереди. Вскоре девочка и гном добрались до верха. Дальше идти было некуда, потому что дальше начинался обрыв. Они обернулись и увидели, что палуги и те, которые их преследовали, и те, что шли впереди, образовали полукруг, отрезав возможность вернуться назад. Обрыв был не очень высок, но там, внизу, землю сплошь покрывали острые камни. А много ниже между холмами виднелась дорога.

– Не вздумай прыгать, – сказал Утекар. – Все кости переломаешь. Тут, по крайней мере, ни один бодак не сидит у нас на хвосте. Хотя это нам вряд ли поможет. Смотри.

Теперь можно было насчитать десятка с два бодаков, а трое из них, опередив остальных примерно на полмили, приблизились уже вплотную к тому месту, где находились Сюзен и Утекар. Бодаки остановились возле кошачьего полукруга, наперед злорадствуя и яростно споря, кому достанется удовольствие расправиться с девочкой, кому – с одноглазым гномом, который и вооружен всего лишь только мечом и поэтому совершенно не страшен.

– Давай – прячься за мою спину и присядь пониже, – прошептал Утекар. – Если меня убьют, тогда беги изо всех сил и надейся на Хозяйку Острова.

– У меня есть вот это, – сказала Сюзен. – Дуть?

– Боюсь, что этот рожок предназначается для худшего, – ответил Утекар.

Но прежде, чем гном успел что-либо добавить, один из бодаков в два прыжка проскочил кошачьи ряды, высоко подняв щит и нацелив копьё. Но когда он прыгнул в третий раз, оказавшись между палугами и Утекаром, Утекар сделал неожиданный для нападавшего выпад и метнул в него меч. Меч воткнулся бодаку в живот, и тот рухнул и покатился по земле. Затем гном так стремительно кинулся за своим мечом, что поравнялся с бодаком, когда тот все еще катился.

Одним движением он схватил меч и, вырвав щит из рук

бодака, быстро побежал назад, пригибаясь, потому что копья двух других бодаков уже были нацелены на него. Они пробили щит, но не причинили вреда Утекару. Прихватив копье умирающего бодака, Утекар рванулся наверх, раньше чем палуги успели сообразить, в чем дело. Минуту спустя палугам уже не хватило храбрости наброситься на него. Каждый из них усматривал свою смерть на острие меча отважного воина. Их кошачьи мозги шевелились медленно, связываться с гномом представлялось опасным: им было не сообразить, какую стратегию выберет гном.

Утекар сунул оцетинившийся наконечниками угодивших в него копий щит и копье Сьюзен. Потом поскакал назад, прорвался невредимым через кошачий кордон и в четыре прыжка оказался перед незащищенными бодаками. Дважды сверкнул меч, и Утекар показался с двумя щитами в руках. Но в следующий миг храбрый гном очутился в окружении палугов. Утекар продирался сквозь кошачий строй точно через черный клей, кошки бились о щиты, которыми он защищал свою голову, а меч сверкал понизу, как молния. Но все-таки гном благополучно выбрался из этой переделки и присоединился к Сьюзен, ожидавшей его у скалы.

Когда основные силы бодаков подтянулись, они обнаружили на скале отлично вооруженных девочку и гнома. Эти двое со всех сторон были окружены скалой. Напасть на них можно было только спереди, и то сначала – на одного, потом на другого – а не сразу на двоих. Возможно ли сражаться в

таком положении? Какое-то время бодаки бродили вокруг скалы, чтобы найти более удобную позицию для нападения. Не найдя, они в отчаянии метнули несколько копий, но когда поняли, что их копья, скорее всего, полетят обратно в них же самих, они прекратили их швырять и попробовали броситься на гнома. Однако пять мгновенных смертей быстренько охладили пыл остальных. И они стали отступать, тряся головами от ярости.

И палуги мало чем могли тут способствовать: им было свойственно сражаться всей стаей, вести сражения один на один им было просто не дано.

Они в кровь изодрали бодаков, когда те попытались направить их против меча гнома.

Так что патовая ситуация была вроде достигнута.

– Если бы нам продержаться до рассвета, – сказал Утекар. – Тогда мы одержим победу без потерь. Никто из них – ни палуги, ни бодаки – терпеть не могут солнце. Но интересно, что к этому времени успела разнюхать Морриган? Коли она собственной персоной сюда явится, ну тогда уж, действительно, – суши весла!

Утекар заметил, что палуги повернули в сторону Долины Гойта. Ему было ясно, что это могло обозначать.

– Мы на самом деле не увидим рассвета, если застрянем здесь, – сказал он. – Но с другой стороны, что же нам еще остается?

– Ты знаешь, где мы находимся? – спросила Сьюзен. –

Там, внизу какая-то дорога.

– Да, это-то мне известно. Мы – на Сияющей Вершине. Там, где ты стоишь, рос Мотан. И здесь, под нами, внутри кургана, спал Охотник.

– Что? Здесь? Ты говоришь – прямо здесь? Сьюзен так удивилась, что даже отвернулась от бодаков и стала изучать зубчатую вершину, вспоминая тот взгляд, который был обращен на нее из пламени Бикона. И вдруг острая, как бритва, боль обожгла ее и что-то пронзило руку прямо до кости.

– Ой, в меня попали! – закричала она. Сьюзен схватилась за руку, там, где был браслет. Но боль мгновенно исчезла, на руке не было ни раны, ни крови, и только белое пламя струилось от Знаков Фохлы, и черные письмена, нанесенные на браслет, как бы ожили. И девочке стало понятно слово, заключавшее в себе огромную силу.

– Утекар! Я могу прочесть, что написано на моем браслете!

– Давай скорее!

Утекар придвинулся, чтобы прикрыть Сьюзен в тот момент, когда копьё выпало у нее из рук. При этом он не сводил глаз с бодаков, которые подходили все ближе, ожидая первой же возможности напасть.

– Тут написано «ТРОМАДОР».

Гора дрогнула, как только слово было произнесено. Воздух начал пульсировать, точно отзываясь на какую-то команду, подаваемую недоступными смертному уху звуками, звезд

ды заплясали в небе, и их сияние как бы повторяло эхом «трмадор, трмадор». И вот это слово породило ветер. Причем такой ветер, какой и вообразить себе невозможно. Он прыгнул Сьюзен на спину и прилепил ее к скале. Ее пальцы точно вросли в каждую трещину. Это был такой ветер, который мог сдуть гриву с коня и снести траву с земли, он мог унести вереск с холма и оторвать иву от корней, он мог даже сдуть орла с гнезда, где находились его птенцы. Он налетел из-за каменных вершин, он завывал и бесновался, и разбрасывал искры. Ветер смел всех палугов и бодаков в кучу и прилепил к скале, так, что они не могли шелохнуться. Траву сдуло так, будто с холма сняли скальп.

После этого ветер замер. Сьюзен и Утекар осмелились поднять глаза и стали шарить вокруг, чтобы найти копья. Щиты унесло, как осенние листья. Но девочка и гном не притронулись к оружию. Потому что возле них стояли двенадцать всадников. Они стояли неподвижно, как неживые. И перед ними на фоне неба был виден человек с устрашающими ветвистыми рогами на голове.

Всадник, который стоял первым, был одет во все красное и в руках держал копьё. Он поднял его и заговорил. Голос у него был острый, как клинок:

– Слышен зов в долине.

Не Он ли это, пронзающий?

Слышен зов на вершине.

Не Он ли это, наносящий раны?

Слышен зов в лесной чаще.
Не Он ли зовет, побеждающий?
Призыв к скачке верхом на конях.
Рощи и доли слышат его!

Все трое красных мужчин на красных лошадях, Всадники из Донна, подняли копыта на одинаковую высоту. Белые плащи сынов Аргатрона распахнулись, и можно было видеть три плетеных хлыста у них на боку. Темный Фьорн, король из кургана, закинул свой цеп за плечо, и все семь прикрепленных к нему цепочек позванивали.

Фоллоумен, сын Мелибора, выхватил из ножен свой черный меч, и тот зашипел, как змея, покидая ножны. Сыны Ормара взяли свои копыта наперевес, и в бронзовых копытах их коней отразилась луна.

Гаранхир, Охотник, вскинул голову, и голос его напомнил рев оленя.

– Скачите, эйнхейриары Херлатинга!

– Мы скачем! Мы скачем!

Палуги начали потихоньку пятиться, уши их были прижаты, глаза от страха сузились в щелочки. А когда Гаранхир заговорил, они совсем потеряли голову и ударились в бегство через вересковую пустошь. Бодаки же, выпроставшись из кучи, в какую их свалил ветер, встали на одно колено, и загордившись щитами, прицелились копьями в грудь коням. Но копыта всадников, и кнуты, и цеп, и мечи пошли гулять по ним, прежде чем хоть один из бодаков успел метнуть свое

копье. Эйнхейриары смели их, как морская волна, и головы бодаков стукались друг о друга, словно прибрежная галька.

Гаранхир прошел по вражьи́м рядам, попарно хватая бодаков за шиворот и сталкивая головами.

– Скачите, эйнхейриары Херлатинга!

– Мы скачем, мы скачем!

Сломавшиеся ряды бодаков рассеялись, а Дикая Охота понеслась вслед за ними, кроша и кромсая, и сгоняя оставшихся в долину.

Сьюзен стояла, объятая ужасом от дикого кровопролития, которое устроили всадники. Но Утекар резко взял ее за руку и повел со скалы.

– Пошли, – сказал он. – Дикая Охота спасла нас. Или ты хочешь дожидаться Морриган?

– Но посмотри, – ужаснулась Сьюзен. – Все это доставляет им удовольствие!

– Удовольствие? О чем ты говоришь? Ты вызвала Дикую Охоту, а это не игрушечное волшебство. Благодарю судьбу, что не твоя голова катится сейчас в долину!

Они выбрались из окружения скал и стали спускаться к дороге. Но Утекару не захотелось по ней идти. Он пошел напрямик на Олдерли, избегая открытых мест, насколько это было возможно. Друзья старались не замедлять шагов, надеясь попасть на место еще до рассвета. Шум битвы, доносившийся до них, вскоре умолк.

Когда стало светать, Утекар и Сьюзен оказались на по-

ле близ вершины Эджа возле леса, языком выдававшегося в поле. Луна была уже совсем низко. Сьюзен едва дышала от усталости, а Утекар чувствовал себя чуть поспокойнее, чем ночью.

– Ну вот, – сказал Утекар. – Мы почти что добрались. Тут неподалеку в лесу от Золотого Камня начинается дорога эльфов, которая ведет к Фундиндельву. Она послужит нам некоторой защитой, потому что даже Морриган не может ходить по дороге эльфов, не говоря уже о прочей шушере.

– Тогда что же мы? – воскликнула Сьюзен. – Бежим скорее туда!

И вдруг краем глаза она заметила, как на востоке мелькнула какая-то тень. И прежде, чем они успели ступить еще хоть шаг, за их спиной прозвучал резкий голос:

– Иморад! Иморад! Суратер!

И в ответ на эти слова точно лед сковал все их члены. Утекар что-то крикнул и после этого оцепенел. А Сьюзен, хотя ей казалось, что в каждом ее суставе образовались кристаллы льда, все-таки могла шевелиться. Она повернула голову и увидела Морриган под деревьями на опушке. Ведьма держала длинный меч, правая рука ее простиралась в сторону Утекара и Сьюзен. Кулак был сжат, а мизинец и указательный палец торчали вперед.

– Надо... бежать, – прошептала Сьюзен. Она еще могла двигаться, но каждый шаг давался ей невероятно тяжело. Все тело казалось скованным. Это было похоже на попытку

бежать во сне, когда снятся кошмары. Но Утекар был в состоянии только вращать глазами.

– Попробуй – беги! – молила Сьюзен. Горло ее тоже сковал холод. Она протянула руку к гному и схватила его возле запястья, пытаясь потащить за собой. И в тот самый момент, когда она до него дотронулась, Утекар почувствовал, что кости его оживают. Сделав невероятное усилие, он смог сдвинуться. Потом начал переступать ногами. В то время, как руки гнома выделяли произвольные взмахи, словно он плыл в воде. Так, пересиливая себя, они двинулись в сторону леса. В этом месте лес представлял узенькую полоску деревьев всего в несколько ярдов. Морриган гналась за ними, нацелив на них свой длинный меч.

– Дорога... дорога... там, – проговорил Утекар. Он повернул голову налево, и Сьюзен увидела дорогу, с обеих сторон огороженную земляным валом, идущую как раз по другую сторону леса.

Девочка и гном шли, собрав всю свою волю, потому что Морриган была уже близко. Уже слышалось ее шумное дыхание. Они с трудом перевалились через земляную насыпь, и сковавший их холод тут же отступил.

– Теперь отпусти мою руку и, наоборот, дай мне руку сама, – сказал Утекар. – Сила против Морриган исходит от тебя. Но я все-таки хочу вынуть меч из ножен.

Сьюзен и Утекар бежали по дороге, а Морриган старалась не отставать от них по другую сторону земляного вала. Она

двигалась легко, несмотря на свою толщину. Но друзья заметили, что ведьма все время с беспокойством поглядывает на небо. Они были уже недалеко от Золотого Камня, когда Морриган споткнулась и остановилась.

– Подожди, – сказал Утекар. – Она чего-то задумала. Остерегайся!

Морриган стояла, тяжело дыша, ярдах в двадцати от них.

– От всего сердца желаю тебе, гном! – крикнула она, замахнувшись мечом.

– Пусть твои пожелания воткнутся вон в тот серый камень, ведьма, – ответил гном, падая на землю и увлекая за собой Сьюзен.

Что-то, прозвучавшее как удар птичьего крыла, пронеслось над головой Сьюзен, и Золотой Камень дал трещину от вершины до самого низа. Отлетевшие осколки ужалили кожу Сьюзен, но когда она снова обернулась, Морриган исчезла.

Эррвуд

– Если бы я разыскал их до того, как они выпили воды из колодца, – сказал Каделлин, – я мог бы их заставить вернуться в курганы. Но вода утвердила пребывание здесь Дикой Охоты. И это будет продолжаться семь ночей, а за это время, кто может знать, чего только они не натворят?

– Я бы меньше беспокоился о Херлатинге, – заметил Утекар. – Морриган – вот главная опасность. С Дикой Охотой приятно было встретиться, а вот эта... Я чувствую, там, где она, недалеко и моя смерть. Спроси у Золотого Камня, если не веришь.

– Я все-таки не понимаю, – сказала Сьюзен, – Морриган ведь была на валу, совсем рядом с нами. А потом вдруг посмотрела на небо, разбила Золотой Камень и исчезла.

– А где в это время находилась луна? – поинтересовался Каделлин.

– Она уже почти зашла. Думаешь, Морриган боялась именно этого?

– Возможно, – ответил Каделлин. – Ее сила как раз в ущербной луне. Но она не так уж беспомощна, и без луны. Интересно, что ее заставило отказаться от своих намерений?

– Послушайте меня, – обратилась к ним Сьюзен. – Если она сейчас возвращается в тот самый дом, то Альбанак мог бы догнать ее на лошади. Она, наверное, сейчас где-нибудь

на полпути. Мы легко можем выяснить, что случилось.

– Она может превратиться и в птицу, если надо, и прибыть туда раньше моей лошади, – сказал Альбанак. – Но я готов ехать с условием, что Утекар поедет со мной и покажет дорогу.

– Нет уж, – откликнулся Утекар. – Я предпочитаю противника, имеющего такую голову, которую раз отрубишь – она так и останется отрубленной. Или не надо мне никакого! И вообще два меча – это еще не защита. Возьми лучше Сьюзен. Тогда меч, копыта и Знаки Фохлы могут еще продлить вашу возможность любоваться белым светом.

– Неужели ты бы отправился без меня? – спросила Сьюзен и взглянула на Каделлина.

– Я полагаю, Ангарад Златорукая ошибается, – промолвил он. – Но сейчас ты далека от своего мира, так что я думаю, больше вреда будет, если я стану тебя удерживать. Поезжай с Альбанакom. Но я прошу вас не рисковать.

Сьюзен и Альбанак направились к одной из нижних пещер, где вместе с лошадьми лайос-альфаров стояла лошадь Альбанака. Они покинули Фундиндельв через железные ворота и направились к Золотому Камню, осматривая каждое дерево, но нигде не было видно ни одной кошки. Как только они выехали в поле, Альбанак пустил лошадь во весь опор. Друзья мчались к Сияющей Вершине. Фермерские собаки заходились в лае, люди таращили на них глаза, но Альбанаку

было не до осторожности, и скоро земля опустела, потому что они поднялись в горы.

В зарослях возле Сияющей Вершины вороны дрались друг с другом. Птицы взмыли к небу черным облаком, когда Сьюзен и Альбанак направили коня прямо на них. Лошадь пошла шагом. Альбанак был все время начеку, оглядывая то небосклон, то вересковую пустошь. Его правая рука уже не раз вынимала меч из ножен.

Почти до самой седловины друзья двигались вдоль стены, затем повернули коня направо и стали спускаться в долину. День стоял тихий. Все кругом было неподвижно.

Они остановились возле мертвых деревьев, но там не было и следа бодаков. Долину скрывали от их взглядов заросли рододендрона.

– Дом с этого места все равно не виден, – сказала Сьюзен. – Он по другую сторону этого круглого холма.

– Значит, надо подобраться поближе, – рассудил Альбанак. – Но мне, признаться, не очень нравится и то, что перед глазами.

Когда они приблизились к проходу в стене, конь вдруг прижал уши, но тем не менее уверенно двинулся вперед.

И при дневном свете место было отталкивающим. Оди-чавшие кусты, осыпающиеся, покрытые плесенью каменные мосты, ручей, заглушающий другие звуки, так что мурашки бегали по телу от мысли о том, что может быть кто-нибудь неслышно подбирается к ним.

У развилки Сюзен сделала знак сворачивать налево.

– Это тут, за поворотом, – прошептала она. Альбанак кивнул. Они осторожно двинулись вперед. Альбанак обнажил меч, и они завернули за угол. И тут Сюзен испустила такой вопль, что птицы, задевая ветки, вылетели из кустов. Терраса, на которой располагалась лужайка, теперь явилась в виде разбросанных на дороге камней; красивый пруд, который Сюзен заметила вчерашней ночью, оказался просто большой поросшей рогозом кочкой, а дом с башней теперь существовал в виде груды камней и остатков стен. Папоротник и вереск пробивались между камнями.

– Этот дом давно мертвый, – сказал Альбанак.

– Но здесь же прошлой ночью был нормальный дом! – воскликнула Сюзен. – И в нем находилась Морриган, я же сама ее видела!

– Я нисколько не сомневаюсь, – сказал Альбанак. – Это ведьмино колдовство. Пошли отсюда.

Он повернул лошадь назад и пустил галопом. Было необходимо выбраться из этой долины. Казалось, что опасность притаилась у них прямо под ногами и вот-вот разверзнет свою зияющую пасть. Они инстинктивно спешили от нее удалиться, а их мысли лихорадочно решали одну и ту же задачу: как эту опасность избежать. Когда друзья достигли открытого склона холма, страх как бы соскользнул с них, Альбанак замедлил ход лошади, пустив ее шагом.

– Почему же дом развалился? – спросила Сюзен. Голос

ее прерывался.

– Нет, Сьюзен, не развалился, – объяснил Альбанак. – То, что ты видела вчера – это работа Морриган. Мы должны найти Каделлина. Мне кажется, я вижу некоторый шанс. В этой ситуации у нас может появиться известное преимущество.

– Как так?

– Давай сначала поговорим с Каделлином, он – более надежный судья в этих делах... Но я думаю, что Колин сейчас находится в большей безопасности, чем раньше. И что добраться до него мы смогли бы раньше, чем Морриган.

– Ты уверен?

– Не совсем. Давай лучше посоветуемся с Каделлином.

Альбанак тронул поводья, и конь понесся по склону Сияющей Вершины, как ветер. Потому что это был Мелинлас, рожденный от Касвалон, одного из ретивых коней Прайдейна.

Друзья направлялись в сторону Турсбитча у подножья Кошачьей вершины, когда навстречу им попался пастух, с собакой,двигающийся вдоль овечьей тропы. Собака кинулась было на них с лаем, но пастух призвал ее к ноге коротким свистом. Альбанак повернул Мелинласа в сторону и остановился.

– Там, за холмом, есть дом, – обратился он к пастуху, – весь развалившийся и заросший бурьяном. Вы не можете сказать, что это за строение?

Пастух поглядел на Сьюзен и Альбанака с явным любо-

ПЫТСТВОМ.

– Да, – сказал он. – Это Эрвуд-холл.

– И давно там никто не живет?

– Он разрушился, когда я был еще мальчишкой.

– Я так и думал, – заметил Альбанак. – Спасибо большое.

– Не стоит, – сказал пастух. – Вроде неподходящее время года сейчас для карнавала, а? Вы так разрядились сэр...

– Карнавала? – переспросила Сьюзен. – Какого карнавала?

– Счастливо оставаться, – сказал Альбанак, трогая поводья.

– Да как же, – продолжал пастух. – Не каждую неделю увидишь в этих местах двоих людей, наряженных в карнавалы-ные платья. Я вот как раз и подумал: наверняка здесь что-то происходит, вроде карнавала.

– Но я не... – начала было Сьюзен.

– Двоих? – резко переспросил Альбанак. – Почему двоих? Кого ты еще видел?

– Какая-то женщина прошла с полчаса назад, – объяснил пастух, – вон там, возле Турсбитча. Она направлялась к Эрвуду. Никогда не видел, чтобы так бежали! И разодета же она была! Длиннющие юбки и все такое. Но мне до нее было не докричаться.

– Полчаса? Вы не ошибаетесь?

– Ну, может, минут двадцать.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил Альбанак, и Мелин-

лас помчался к Олдерли, и торф летел у него из-под копыт и кружился, как ласточки перед дождем.

– Я думаю, наша возьмет, – сказал Альбанак. – Она побывала там до нас, но было уже поздно. Луна зашла. Она не могла нас не видеть, но не напала. Значит не посмела. Нет, наша возьмет!

Они так неслись к Олдерли, что Сьюзен не могла себе и представить, что бывает такая скорость. Быстрее даже, чем всадники Херлатинга в ту озаренную огнем костра ночь. Не заводя Мелинласа в стойло, они бросились в пещеру Чародея, через вход у Холиуэлла.

– Теперь вам надо действовать, – сказал Каделлин, когда они ему поведали обо всем. – Сдается, что Морриган еще недостаточно сильна, чтобы самой на вас напасть. Ей нужна поддержка луны. В этом и состоит лунное волшебство. Она прибегла к нему, чтобы воскресить в памяти дом и потом воплотить возникший образ в камне. Дом стоит там только тогда, когда на него падает свет ущербной луны. Если ведьма не попала в дом до захода луны, тогда она весь день до ночи не сможет в него проникнуть. И какое-то время Колин будет в безопасности. Вы должны занять позиции между ней и домом сейчас, пока светло. А как только луна взойдет, надо не пропустить ее в дом, пока оттуда Колина не вызволим.

– Но тогда нам потребуется помощь, – сказал Альбанак. – Дом не смогут охранить трое или четверо. Я думаю, нам стоит поговорить с Атлендором.

И они вместе направились в самую глубокую пещеру Фундиндельва, где были расквартированы отряды лайос-альфаров, хотя Утекар и ворчал, что на эльфов ни в чем нельзя положиться. Лайос-альфары пребывали в полнейшем молчании. Тишина, которая сразу же встревожила Сьюзен, время от времени нарушалась легким покашливанием в разных углах пещеры.

Они приблизились к Атлендору, сидевшему в самом дальнем углу, и посвятили его в свой план.

– Предоставят ли лайос-альфары помощь в этом деле? – спросил Альбанак. – Это всего лишь на одну ночь, к тому же в горах. Там воздух чистый, и во всяком случае за одну ночь никто не должен заболеть. Атлендор встал. Глаза его блестели.

– Не должен? – переспросил он. – Но не в этом дело! Мы оказали помощь в охоте на Броллачана. Все это лунное волшебство нас совершенно не касается. И ты, Альбанак, обязан выехать отсюда с нами. Однако я чувствую, что ты собираешься нарушить данное тобой слово.

– Властитель Атлендор, – сказал Альбанак, – неужели в будущем кто-нибудь вправе сказать, что лайос-альфары отказались сразиться со злом, когда оно встретилось нам?

– Да. Когда это касается людей. Слишком часто в них кроется причина вымирания моего народа. Мы выступаем через три дня, Альбанак. И ты – с нами.

Атлендор отвернулся, давая понять, что вопрос исчерпан.

Но голос Сьюзен остановил его.

– Если ты не поможешь нам освободить Колина, – то мы еще посмотрим, насколько лунное волшебство вас не касается. Как насчет моего браслета? Ты не подумал?

Мгновенная тревога скользнула по лицу Атлендора.

– Ты ведь тоже обещала разделить с нами наши беды, – сказал он холодно.

– И ты думаешь, я возьмусь помогать вам, пока Колина грозит опасность? – возмутилась Сьюзен.

– Невыполненное обещание – это не обещание, – отрезал Атлендор.

– Пусть так. Так как же мы договоримся? – жестко спросила Сьюзен.

– С вами пойдут пятьдесят всадников. Я сам буду во главе. Если все не решится за три ночи, Альбанак и пятьдесят эльфов останутся, а я поведу остальных в Банног.

Альбанак поторопился заметить:

– Это благородно и вполне выручит нас.

– Это глупо, но я уступаю нажиму, – сказал Атлендор.

Вой Оссара

Сьюзен и Утекар подобрали себе лошадей из имеющихся у лайос-альфаров. Сьюзен также одолжила у них меч и щит. К досаде, ни одна из их кольчуг не пришлась ей в пору. Лошадей отвели в пещеру Чародея.

– А разве для тебя не нашлось коня? – спросила Сьюзен Каделлина.

– Я не иду с вами, – ответил он.

– Как не идешь? – воскликнула Сьюзен. – Но ты должен!

– Я много думал об этом, – ответил Каделлин. – Мой долг – быть здесь, охранять Спящих. Только я один могу их разбудить. Если меня убьют, я погублю доверенное мне дело. А сейчас лишь в Фундиндельве я и могу быть уверен, что останусь жив. И хотя Морриган еще в силе, и при этом Колин находится в ее власти, Спящие ждут того, чья тень может погасить всякую жизнь на земле. Я не имею права предавать их.

– Это верно, – подтвердил Альбанак. – Такая угроза уже нависала над нами. Так что лучше пусть Морриган восторжествует сейчас, чем Спящие никогда не проснутся.

– А как же быть с ее волшебством? – спросила Сьюзен. – Мы – то ведь не владем вообще никаким!

– Сейчас у вас есть шанс, и его надо использовать! Ты не окажешься там беспомощной, Сьюзен, а если бы это даже и случилось, тебе не на кого пенять. Ты сама рвалась сюда. Я

сделал все, что мог, чтобы оградить тебя от этого чуждого тебе мира.

– Я не вижу смысла продолжать разговоры, – сказал Утекар. – День уже частично потрачен. Давайте делать то, что должно делать, иначе мы окажемся просто подарком для Морриган.

– Да, давайте поспешим, – согласилась Сьюзен. Это было какое-то странное расставание. Сьюзен и Утекар, хоть умом и принимали всю разумность рассуждений Каделлина, но сами были по натуре чересчур эмоциональны, чтобы такое решение могло прийти в голову. Когда они покидали Фундиндельв, Альбанак взял Каделлина за руку. Он единственный чувствовал его печаль и видел грустный свет в его глазах.

Они скакали быстро, но не слишком.

– Меч и щит предназначены для палугов, – наставлял Утекар. – Не вздумай сражаться с ними копьём бодака. Это будет нашим делом.

– Но разве Дикая Охота не покончила с ними? – спросила Сьюзен.

– Я не смею на это надеяться, – сказал Утекар. – Кое-кто наверняка удрал. Вопрос лишь в том, сколько их там осталось? Дай только солнцу закатиться, мы это тут же выясним.

Была уже середина дня, когда грозная процессия достигла Эррвуда. В этот раз они подъехали с меньшими предосторожностями. Утекар объехал вокруг дома и направил коня

в самую середину руин. Ему надо было решить, как лучше подготовиться к предстоящей ночи.

– Нам будет не просто охранять дом, – сказал гном. – С трех сторон он открыт, и земля тут на одном уровне. А вот позади дома нас может подстеречь опасность. Расстояние между стеной дома и холмом очень мало. В холме полно карьеров с совершенно отвесными стенами, и заросли кустов просто непроходимы. Морриган может подобраться совсем близко, а мы даже и не узнаем. Думается, начинать надо с этого.

Он зашел за дом и принялся срубать кусты со склона. Альбанак тоже взялся за дело, выбрав себе позицию чуть поодаль от него. Они двигались друг к другу навстречу, расчищая холм, освобождая полосу ярдов в десять шириной.

Сюзен сносила срубленные кусты в кучи, складывая их между двумя рукавами ручья.

Все это заняло часа четыре. Остаток светлого дня времени был потрачен на то, чтобы вырубить как можно больше растительности пониже площадки, на которой стоял дом. Последние ветки сложили в большую кучу перед самым домом.

За все это время ничего не предвещало приближающейся опасности. Правда, раз или два Сюзен показалось, что где-то вдали завыла собака. Альбанaku это послышалось тоже. Он прекратил работу и прислушался. Затем снова принялся валить кусты, раскачиваясь всем телом в такт ударам, так, точно сражался с ними за свою жизнь.

– Я полагаю, что нам надо убраться отсюда, пока не появятся лайос-альфары, – сказал он. – Какие там не остались в живых палуги и бодаки, сейчас они повылезают из своих дыр и нор, и могут задать нам жару. На открытом месте будет не так опасно.

– А как же Морриган? – спросила Сьюзен. – Я считала, что затем мы и здесь, чтобы не пустить ее в дом.

– Луне всходить еще рано, а до тех пор мы ее вряд ли увидим, – сказал Утекар. – Но прежде чем уйти отсюда, давайте быстро разожжем костры. Я думаю, тут хватит дров на всю ночь. Ни палугам, ни бодакам огонь не симпатичен.

Альбанак достал из-под плаща кремень и трут, и в конце концов ему удалось раздуть огонь и поджечь сухую траву. Еще немного усилий, и загорелись ветви и листья, занялись кострами все кучи наваленных кустов.

Друзья сели на коней и быстро поскакали к вересковой пустоши. Там можно было ожидать дальнейших событий, не боясь внезапного нападения.

– А когда появятся лайос-альфары? – спросила Сьюзен.

– Скоро, – ответил Альбанак. – Они должны были выехать из Фундиндельва, как только стало смеркаться. Когда есть необходимость, кони эльфов также резвы, как Мелинлас.

Они перебрались через ручей и выехали на луг, где можно было пустить коней погастись. Небо пожелтело, по нему двигались темные сплошные облака, придавая окрестности ощущение покоя. Но покой был внезапно нарушен. Неожиданно

данно кони встали на дыбы от близкого страшного воя собаки.

– Где это? – вскричал Альбанак.

– Там, повыше, на холме, – ответил Утекар.

И в том месте, где у сухих деревьев Утекар накануне убил бодака, показалась черная собака. Она была ростом с теленка, но среди деревьев было трудно ее рассмотреть, в сумерках мерещилось, что она вообще соткана из какого-то черного дыма. Собака повернула голову и снова тоскливо и протяжно завывала. Затем она мелькнула между деревьями и скрылась из виду.

Вой затих. Альбанак сел, уронил голову, и долго-долго молчал. Утекар бросил на него короткий взгляд, но сам не пошевелился. Сюзен почувствовала, что на них обоих навалилась какая-то тяжесть.

Альбанак глубоко вздохнул.

– Вой Оссара, – произнес он наконец. Но не успел он это сказать, как они услышали, что дрогнул воздух, словно от барабанного боя. Звук становился все громче, линия горизонта нарушилась, казалось что из-за вереска выходит целая армия. От Сияющей Вершины к ним скакали лайос-альфары, обнажив свои, точно полыхающие пламенем, мечи.

Они разом беззвучно остановились, несмотря на инерцию, которую набрали, спускаясь с холма.

– Мы здесь, – сказал Атлендор, обращаясь к Альбанаку. – Где Морриган?

– Мы ее не видели, но она должна быть близко. Мы только что оставили дом. Он окружен горящими кострами, и мы расчистили землю вокруг, хотя одна сторона дома все же таит опасность для нас. До сих пор ни палуга, ни бодака мы не встретили.

– Но ими пахнет, – сказал Атлендор. – Они явятся. Однако едем к дому. Надо подготовиться к тому, что ожидает нас здесь. Я чувствую запах крови.

Они ехали по аллее по три всадника в ряд. Лошади шли шагом, щиты были наготове, потому что погасли последние лучи дневного света.

Конечно, в таком количестве трудно было приблизиться к дому в полной тишине, но никто не произносил ни слова. Каждый избегал малейшего шума, какой только можно было не произвести.

Мечи лайос-альфаров поблескивали, и блеск этот холодно отражали кожистые листья рододендронов.

Когда они приблизились к повороту, Альбанак поднял руку, останавливая всю колонну.

Что-то случилось. Они все это сразу почувствовали. Потом эльфы вырвались вперед и галопом ускакали за поворот. Руины были в темноте.

Костры, которые пылали еще несколько минут назад, оказались погашенными. Черные кучи ветвей окружали дом. В воздухе стоял запах гари и еще чего-то, неприятного и едкого.

Ведьино клеймо

Эльфы не стали терять времени. Выстроившись в одну линию, они мгновенно оцепили дом, встав через одного лицом к дому и лицом наружу.

– А теперь – скорее! – крикнул Утекар Альбанаку. – Надо снова разжечь костры.

Он быстро соскочил с лошади, схватил пучок сухой травы, но воздух был напоен такой влагой, что трава не хотела разгораться. И чем больше они спешили, тем меньше им удавалось зажечь траву, и тем сильнее ощущение опасности овладевало ими. Но когда все же удалось раздуть пламя, костер быстро разгорелся, потому что ветки еще не успели остыть.

– Если б это был ветер, – рассуждал Альбанак, – он бы еще больше раздул пламя, а не прикончил бы его. Если бы вода – то дрова дымились бы. Но они совершенно сухие. Пока не появилась луна, Морриган далеко не все удастся.

– И этого достаточно, – заметил Утекар. – Нам надо обязательно запалить все костры, чтоб было светло, не у всех же зрение, как у гномов. Но тем не менее нас могут защитить только собственные руки.

– И все-таки мне кажется, пока что преимущество на нашей стороне. Иначе для чего бы Морриган тушить огонь? Пока луна не появилась на небе, она ничего другого не мо-

жет, кроме как постараться вселить страх в наши души. Из того, что сказал пастух, я заключаю, что даже обличья менять она тоже пока не может. Она сидит где-то там и дожидается луны.

– Ну, что дальше? – спросил подъехавший к ним Атлендор. – Мы должны показать ей свою силу. Тогда, может, нам не придется мериться силами с ней. Пойдем со мной, – сказал он, обращаясь к Сьюзен.

Они отъехали на лошадях на середину лужайки и там остановились. Альбанак взял Сьюзен за руку и поднял ее над головой.

После появления эйнхейриаров на Сияющей Вершине Сьюзен, признаться, забыла о своем браслете. Сейчас она с удивлением обнаружила, что надпись, которая была тогда такой ясной, вновь сделалась совершенно непонятной, как и прежде.

Эльфы один за другим подъезжали к Сьюзен. Они прикладывали к браслету свои мечи и стрелы, а затем возвращались на свое место в боевой цепи. К тому времени, когда к Сьюзен приблизился последний эльф, у нее ломило все кости. Но Атлендор все еще продолжал держать поднятой ее руку. Когда последний эльф вернулся в строй, Атлендор проговорил голосом, взметнувшимся над кострами:

– Здесь погибель твоя! Здесь гибель твоей плоти! Иди, мы готовы!

Он ударил своим мечом по браслету и отпустил руку Сью-

зен. И в тот же самый миг один из эльфов, стоявший у стены карьера, вскрикнул и упал замертво, сраженный копьем, вонзившимся ему между лопаток.

– Заплачено жизнью за спасение человека, – сказал Атлендор. Но прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться, послышался голос:

– Мы идем. Имей терпение. Мы идем.

– Это Морриган! – воскликнула Сьюзен.

– Где она, Хорнскин? – спросил Атлендор.

– За кустами, – сказал Утекар. – Я ее вижу.

– Не лучше ли нам укрыться за стенами дома? – спросила Сьюзен. – Тут мы для них как сидячие мишени.

– Ну и где мы окажемся, как не под обваливающимися камнями? Когда встанет луна, а мы оттуда ее и не заметим? – возразил Альбанак. – Давайте пойдем и расположимся у фасада. Там нас не достанут копья. Враги могут подобраться близко только со стороны холма.

Лайос-альфары стояли уже не через одного, а все повернулись лицом наружу. Все те, кто, как погибший эльф, не успели надеть кольчуги, спешно облачались в них.

Сьюзен, Альбанак и Утекар присели на корточки возле того места, которое раньше служило парадным входом.

– Хорошо, что мы знаем, где она, – заметил Утекар. – Как ты думаешь, если мы прикоснемся мечами к браслету, оградит ли это нас от ее колдовства?

– Ну, это ее не убило бы, – ответил Альбанак. – Но меч

станет тогда наносить более глубокие и незаживающие раны. Я надеюсь, стрелы эльфов не дадут ей подобраться к дому.

– Если дом покажется с восходом луны, – сказал Утекар, – мы со Сьюзен пойдем искать Колина внутри. А ты, Альбанак, пожалуйста, постереги здесь, у двери.

Они долго ждали восхода луны. Атлендор следил за кострами, которые на этот раз никто не делал попыток загасить; напротив, костры разгорались все ярче и ярче. При этом ветки мгновенно сгорали, и запасы топлива быстро истощались. При такой скорости их не хватило бы надолго. Это обеспечило бы победу Морриган! Утекар обежал все костры, сокращая их количество наполовину. После этого оставшиеся костры стали гореть нормально. Видно, Морриган решила ждать. Бодаки больше не метали своих копий.

Луна взошла раньше, чем они ее увидели. Она выкатилась из-за облака уже довольно высоко в небе уродливым желтым обмылком, застав их врасплох. И хотя свет ее был неярок, и не затмевал света от костров, в ту самую минуту, как луч ее коснулся руин, они стали подниматься вверх, точно в струящемся ореоле жаркого пламени, и превратились в дом. Мертвый лунный свет из окон пролился на траву.

– Вперед! – скомандовал Утекар, и они со Сьюзен всем своим весом навалились на входную дверь. Она легко распахнулась, и они попадали, споткнувшись о высокий порог. И в тот самый момент, когда Сьюзен поднималась на ноги, у нее над головой просвистело копьё и пролетело в холл.

Утекар ногой захлопнул дверь, и в то же мгновение дверь загрохотала и ощерилась проткнувшими ее бронзовыми наконечниками копий. Но Утекар быстро запер дверь, и пока по дому еще носилось эхо, друзья уже бежали вверх по лестнице.

– Сомневаюсь, что они держат Колина где-нибудь здесь, близко от земли, – сказал Утекар. – Бежим скорее, они вряд ли оставили его без охраны, и им уже ясно, что мы проникли сюда.

Сюзен и Утекар носились из комнаты в комнату, распахивая двери, но комнаты были пусты.

Они добрались до конца коридора на втором этаже, и Сюзен уже собиралась распахнуть дверь, как Утекар остановил ее.

– Подожди! Мне это не нравится.

Он указал на верхнюю панель двери. На нее был нанесен черным какой-то знак, окруженный странными письменами.

– Это клеймо ведьмы, – сказал Утекар. – Пошли отсюда.

– Ну, нет, – возразила Сюзен. – Наконец-то мы что-то обнаружили. Я хочу посмотреть, что там.

Она осторожно взялась за ручку двери, и та легко отворилась. Сюзен ступила внутрь огромной комнаты. В ней также не было никакой мебели, но посередине был начертан круг, примерно в восемнадцать футов по диагонали, обведенный двойной чертой, вокруг которой шли такие же письмена, как на дверной панели. В центре круга был вычерчен ромб, а по

углам – четыре шестиконечных звезды. Посреди ромба помещалась приземистая с вытянутым горлышком бутылка, в которой булькала и дымилась, точно кипела, какая-то черная жидкость, хотя пробку заливал толстый слой воска. Две красные точки плавали внутри бутылки, все время находясь на одинаковом расстоянии друг от друга.

Сьюзен подошла к кругу, и две красные искорки прекратили свое движение и прильнули к стеклу. Ей вдруг неодолимо захотелось взять эту бутылку, но как только она приблизилась к черте, в комнате раздался звук, напоминающий мушиное зудение, а сам круг задымился по краям. Сьюзен отступила на шаг, а Утекар тут же вцепился ей в плечо и вытолкнул из комнаты. Он судорожно захлопнул дверь.

– Броллаган! Она загнала его сюда!

– Там? В бутылке? – воскликнула Сьюзен. – Но тогда мы ни в коем случае не должны пустить ее сюда, не то она его выпустит!

– Не удивительно, что его нигде не могли найти, – заметил Утекар.

– Прислушайся! – прошептала Сьюзен. – Кто-то идет!

Оставалась еще одна дверь, которую они не успели открыть. Она была меньше размером, чем все остальные, и за ней слышались приближающиеся шаги.

– Назад, – закричал Утекар, – освободи место для меча!

Он широко расставил ноги, приготовившись к атаке или к отступлению. Шаги смолкли, дверь распахнулась, и Утекар

издал громкий вопль изумления, потому что в проеме двери с мечом в руке стоял... Пелис Вероломный! Он застыл от изумления.

Утекар сделал выпад, но Пелис мгновенно среагировал, и меч Утекара проткнул дверь, которую Пелис захлопнул у него перед носом. Утекар в ту же секунду распахнул ее и кинулся по узкому проходу, который оказался за дверью. В конце прохода Пелис огромными скачками удирал по лестнице вверх.

– Не ходи за мной, – крикнул Утекар Сюзен. – Стереди дверь здесь!

Лестница была короткой, и наверху оказалась еще одна единственная дверь. Пелис уже вставлял ключ в замочную скважину, но не успел отомкнуть замок до того, как его настиг Утекар.

Пелис не был трусом, он принял бой, не имея щита. Держа меч обеими руками, он прижался спиной к двери, и не было ни одного удара, который бы он не отбил. Но вскоре стало сказываться преимущество Утекара, оборонявшегося щитом. Он отогнал Пелиса от двери на лестницу, где Пелису хочешь не хочешь пришлось продолжить бой.

Сюзен прислушивалась к скрежету металла и тяжелому дыханию, которое казалось еще громче в лестничном колодце, и пыталась убедить себя пустить в ход свой меч.

Когда Утекар и Пелис появились в поле ее зрения, она прижалась к стене и зачарованно смотрела на сверкающую

игру лезвий, которые то плавно взмывали вверх, то резко подскакивали, то высекали искры, порхавшие вокруг гномов в какой-то жестокой красоте. Битва производила впечатление хорошо разученного танца.

– Беги в комнату наверх, – выдохнул Утекар, когда они достигли нижней ступеньки лестницы.

Сьюзен кивнула и начала боком пробираться мимо сражающихся. Утекар стал нападать на Пелиса еще яростнее, но все-таки тот успел сделать выпад в сторону Сьюзен. Она быстро подняла свой щит. Удар скользнул по краю и пришелся на стену, проделав в ней глубокую борозду.

Сьюзен поглядела на ключ, торчавший в замке. Хотел ли Утекар, чтобы она отперла эту дверь? Сьюзен оглядела дверь снаружи. На ней не было никаких знаков или надписей. Она повернула ключ и распахнула дверь.

Комната была как кладовая или погреб: в ней отсутствовали окна, подобно другим комнатам она была лишена каких-либо признаков жилья. Напротив двери, опираясь о стену, стоял Колин.

Дуновение печали

Пелис Вероломный наносил удары по щиту Утекара. Щит уже был расколот в двух местах. Если бы Пелису удалось сломать его окончательно, то он смог бы прекратить свое медленное отступление вдоль коридора. Он владел мечом не хуже Утекара. Один раз ему удалось обмануть бдительность Утекара, но рана, которую он нанес, была совсем незначительной. Сам Пелис постепенно терял силу из-за глубокой раны в плече. Правда, он все еще не ведал, сколь опасен для него ее браслет. Но ему было необходимо побыстрее разделаться с Утекаром, иначе вся эта битва теряла смысл.

Когда он увидел на верхней площадке Сьюзен, которая, поддерживая, вела под руку Колина, он стал пятиться, отступать к лестнице, шедшей вниз, к холлу. Пелис сознавал, что если он просто повернется и побежит, далеко убежать ему не удастся.

Пелис добрался до верхней площадки и ловко притворился слабеющим и теряющим силы. Утекар решил, что час настал, и он нанес удар, в который вложил всю свою силу.

Но Пелис отскочил в сторону, скатился по перилам и оказался в холле. Пока потерявший равновесие Утекар поднимался на ноги, Пелис кинулся бежать.

Но он побежал не к парадной двери, а к другой, которая тоже вела из холла. Гном перепрыгнул порог и, дверь хлоп-

нулась раньше, чем Утекар пришел в себя. Сьюзен первой добежала до двери, она распахнула ее и увидела Пелиса стоявшим у высокого, от пола до потолка, окна. Через окно виднелись огни горящих на лужайке костров. Гном кинулся на раму окна и исчез, сопровождаемый каскадом осколков.

– Идите назад, – позвал Утекар из холла. – Если лайосальфары не разделяются с ним сейчас, тогда, значит, он заговоренный. Пошли, выйдем через дверь.

– Колин, ты в состоянии бежать?

– Да, – сказал Колин. – Со мной все в порядке. Я только ничего не ел и не пил с тех пор, как попал сюда, и все. У меня немного закружилась голова, когда я вышел из комнаты, но сейчас все прошло.

– Они с тобой ничего не сделали?

– Нет, просто пихнули сюда и оставили. Я думаю, вы знаете, что это все Морриган.

– Да, мы столкнулись с ней. Но об этом поговорим потом. Сьюзен, возьми Колина за руку, и как только я открою дверь, бегите вдоль стены и найдите Альбанака. Он должен быть где-то здесь. Опасайтесь открытых мест. Вы готовы?

Утекар распахнул дверь, но тут же схватил Сьюзен за руку.

– Стойте!!!

– Что случилось? – спросил Колин.

Утекар ничего не ответил. Он кинулся через холл в ту комнату, из которой удрал Пелис. И когда ребята вошли ту-

да, они увидели гнома у разбитого окна, вперившегося в ночь, молчаливую, тихую и непроглядную.

– Луна спряталась, – проговорил Утекар.

– Как же так? – удивилась Сьюзен. – Ведь этого дома здесь не бывает, когда луна прячется. Но вот же он – здесь!

– Да, но что такое «здесь»? Для долины дом бывает «здесь», только когда на него светит ущербная луна, а в другое время – нет. Для дома долина бывает «там» тоже только при луне. Так вот я вас спрашиваю: какое «там» находится теперь за этим окном? И надо признаться, я не хочу знать ответа. Давайте подождем, пока снова не покажется луна. И тогда быстро – через это окно.

Пока они ждали, Утекар приступил с расспросами к Колину. Но тому, действительно, нечего было рассказать. Морриган ничего ему не сделала. Его прямо привели в эту комнату и заперли.

– Твое время еще настало бы, – сказал Утекар. – Их главная цель – Сьюзен. Благодаря тебе они хотели заманить ее сюда. И заманили. Правда, не совсем так, как им представлялось.

– Но почему Пелис не забрал меня вместо Колина? – поинтересовалась Сьюзен.

– Он не знал до конца, как может проявиться заключенная в тебе сила. Не мог же он рассчитывать привести тебя к Морриган с помощью только своего меча.

– А зачем он всем этим занимается? – спросил Колин. –

Мы-то ведь, не задумываясь, поверили ему!

– Хо! Поищи причину, когда дело касается гнома! – сказал Утекар. – А я здесь зачем? А ни зачем! Просто напарываюсь на беду. Это в характере гномов, искать на свою голову приключения. Их приводит в восторг вовсе не результат, а сам процесс!

Но прежде чем он смог хоть что-нибудь добавить, тьма за окном начала вибрировать, появился неясный свет, вскоре уплотнившийся и ставший светом от горящих костров, вместе со светом появились и звуки: конский топот и бряцание оружия.

Утекар выставил свой меч перед собой и прыгнул в окно, ребята последовали за ним, и все трое приземлились на дорожку между домом и лугом. Утекар присел на корточки, загородившись щитом, чтобы оглядеться и сориентироваться.

Эльфы держали оборону против бодаков и кошек. Если кто-нибудь из них пытался прорвать оцепление эльфов, то его никто не преследовал, а просто в него летела стрела эльфа, и тот падал замертво. Количество тел на земле говорило о том, что битва началась не сию минуту.

Число эльфов уменьшилось примерно два к одному. Палугов было несметное количество, они терзали лошадей и тут же набрасывались на эльфа, если копьё бодака выбивало его из седла.

При том, что Сюзен не испытывала особой симпатии к лайос-альфарам, она не могла не восхищаться их мужеством

и искусством вести бой. Они были быстры, как ястребы, стремительны, но не суетливы, и они сражались молча.

«У них и на затылке, что ли, есть глаза?» – с изумлением подумала Сюзен.

– Я не вижу Альбанака, – сказал Утекар. – Давайте разыщем его.

Они забежали за угол дома и нашли там Альбанака, охранявшего дверь.

– Ну, что происходит? – спросил Утекар.

– Они стали наступать, как только появилась луна, – сказал Альбанак. – Но нам пока удастся их сдерживать. А как вы?

– Колин с нами, он не пострадал, – ответил Утекар. – И в доме находится Броллаган. Их надо не допустить туда любой ценой.

– Броллаган?!

– Заперт в комнате с помощью черной магии.

– Потом расскажешь мне поподробнее, – сказал Альбанак, – Сейчас надо позаботиться, чтобы по крайней мере остаться в живых.

И хотя Альбанак не преувеличивал грозившей им опасности, битва начала несколько стихать.

Запас выносливости у палугов стал иссякать, бодаки поняли, что у них не получилось быстрым натиском прорваться к дому. Теперь они только попусту теряли своих.

Они стали отступать, рассчитывая, что лайос-альфары ки-

нутся за ними в погоню. Но никто не двинулся с места.

– Это затишье долго не продлится, – заметил Альбанак.

– Колин, тебе тоже надо вооружиться. Боюсь, что оружия у нас более, чем достаточно.

Он пересек лужайку и прошел между кострами. Когда он вернулся, в руках у него был меч и щит, в точности такие, какие у Сьюзен.

Колин примерился к щиту и взвесил в руках меч.

– Запомни, это против палугов. Не имей никакого дела с бодаками.

– Мы бы лучше управились, если бы у нас были ружья, – сказал Колин.

– Ты так думаешь? – спросил Утекар. – Вот в этом мы расходимся с людьми. Конечно, ты видишь нас сейчас ведущими кровавый бой. Но мы знаем цену каждой смерти, потому что видим глаза того, кого мы отправляем в вечную тьму. Мы видим кровь на собственных руках и убиваем каждый раз, как в первый раз. Тогда жизнь ощущается как нечто действительно существующее, и ясно выступает ее цена. Убивать на расстоянии значит не знать цены жизни. Так убивают люди. И луки лайос-альфаров многое объяснят тебе в их характере, который был далеко не всегда таким, как сейчас.

Последние слова Утекара смешались с шумом, внезапно возникшим возле поворота дороги. Вместо того, чтобы набрасываться с разных сторон, палуги и бодаки сгруппировались в единый отряд. И пока все сообразили, что происходит,

нападавшие прорвали цепь и оказались на полпути к дому. Но эльфы среагировали мгновенно и вновь сомкнули цепь у самой стены дома.

Положение было отчаянное, потому что эльфам не оставалось места для маневра, и они держали цепь, действуя только мечами.

Утекар и Альбанак охраняли дверь. Ребята были рядом с ними. Инструкцию сражаться только с палугами выполнить было совершенно невозможно, потому что и бодаки, и кошки перемешались, и было погибельно разбираться, где кто.

Самый ужасный момент для Сьюзен и Колина настал тогда, когда им ничего не оставалось, как взмахнуть мечами и опустить их на живые существа. Но когда Колин увидел близко перед собой зубы и когти, он нанес удар, потому что сработал инстинкт самосохранения.

Бодаки метали свои копья, подпрыгивали вверх, стараясь цапнуть когтями. Палуги тоже не отставали от них в своей ярости.

Но опять холодная выдержка взяла верх над бешенством злобы. Врагам пришлось отступить, а эльфы восстановили цепь на том же расстоянии от дома, какое было прежде.

Альбанак удерживал ребят возле двери. Они опустились на землю в полном изнеможении. Утекар не покидал поля боя, он даже рисковал приблизиться к кострам. Отбрасывая свой щит, перегруженный воткнувшимися в него копьями, он хватал новый из тех, что грудями лежали на земле.

Через некоторое время показалось, что он как будто бы поостыл и собирается вернуться к ребятам и Альбанаку, как вдруг, взглянув на дорогу, Утекар издал отчаянный вопль.

– Как, ты еще жив и цел? – кричал он. – Я вижу тебя! Мой меч дрожит от нетерпения от кончика до самой рукоятки!

И он ринулся вперед.

– Вернись! – крикнул Альбанак. – Духи гор свели тебя с ума! Неужели ты думаешь, что останешься жив, если сделаешь еще хоть шаг!

Но Утекар уже вращал мечом над головой, готовясь к падению.

– Расступитесь, бодаки! Пропустите меня! Если вы мне даже случайно попадетесь на пути, то ваших срубленных голов окажется столько же, сколько травинок на лугу и звезд на небе, и я разбросаю ваши кости по холмам!

И Утекар рванулся туда, куда не доходил свет костров, где раздавались крики и звенело оружие.

– Он безумен! – воскликнул Альбанак. – Когда его кровь немного поостынет, он пожалеет, да будет поздно!

Шум был сильнее, чем во время осады дома: вопли, ад крошечный!

Альбанак сел на Мелинласа и доскакал до самого конца цепи.

– Утекар!

– Да!

Его голос удалось услышать с трудом.

– Как ты там?

– Копья летят... и ломаются вокруг... Я не знаю... Может... мне придется отступить...

– Я иду к тебе! – крикнул Альбанак.

– Не будь дураком, – ответил гном.

Но Альбанак поскакал назад, к дому, развернул Мелинласа и галопом понесся по дороге. Там, где кончался свет костров, бодаки с поднятыми копьями выстроились в линию. Но Мелинлас смел их с пути, копья воткнулись в гравий. А конь перелетел через головы и в свете луны, который из-за горящих костров не был виден ни эльфам, ни ребятам, скрылся из виду. О дальнейшем ребята могли судить только по доносившимся из темноты звукам.

Прошло какое-то время.

И вот Мелинлас как бы вырос из ночной темноты. Был он весь в мыле и копыта его – в крови. Утекар, сидя позади Альбанака, все еще размахивал мечом, разрезая воздух. Альбанак сидел в седле, низко склонившись на шею коня. В боку у него торчал меч с золотой рукояткой.

Дети Дану

Мелинлас остановился, и Утекар, спрыгнув на землю, ослабил ремень, которым Альбанак был привязан к седлу. Альбанак сполз в объятия гнома, свалив его с ног. К ним подошел Атлендор, и Утекар с Атлендором, закинув руки Альбанака себе на плечи, потащили раненого в безопасное место в конце лужайки.

Альбанак открыл глаза – ясные, голубые.

– Я надеялся, что это произойдет не так скоро, – прошептал он.

– Отдохни, пока закончится битва, – сказал Утекар, – и все будет в порядке.

– Я и так в порядке, – сказал Альбанак. – Здесь... или где-нибудь еще... Вопль Оссара... Ничего нельзя поделать, когда он призывает...

Целая группа эльфов спешила. Они сложили носилки из своих мечей и подняли на них Альбанака.

– Мы позаботимся о нем, – сказал Атлендор, и они понесли его в защищенное место между стеной дома и скалой. Колин и Сьюзен двинулись было следом, но Утекар покачал головой.

– Ему будет лучше с ними, – сказал он. – Они искушены в этих вещах, а мы понадобится здесь.

Едва Утекар кончил говорить, послышалось хихиканье,

доносившееся из-за кустов, глумливые смешки и улюлюканье. Потом последовали язвительные слова:

– А неплохо сработано, а? Недаром говорится, что ни одно железо так не служит своему хозяину, как его шпора! Хорнскин, не принесешь ли ты мне мой меч, а?

На лицо Утекара, искаженное ненавистью, было страшно смотреть. Он выскочил на середину лужайки и воткнул меч в землю.

– А теперь иди, Пелис, сын Аграда, только без своих бодаков, и забери свой меч! – закричал он. – Я разрешу тебе свободно подойти к нему. Но если ты обратно уйдешь живым, и я к тому времени еще буду жив, то стрелы лайос-альфаров споют тебе песенку. Но если ты сумеешь меня убить, тогда ты удалишься спокойно, никто тебя не остановит. Вот твой меч. Получай!

На мгновение воцарилась тишина. А затем на дороге слышались шаги, и при свете костров показалась фигура в черном и золотом. Пелис прошел между двумя лайос-альфарами, они взглянули на него, но луков не вскинули. Он твердо ступал по траве, в руках у него был щит.

Пелис Вероломный схватился за рукоятку меча и выдернул его из земли. Не сказав ни слова, он повернулся лицом к Утекару, и тот тоже ни звука не произнес. Они встретились как два королевских оленя перед битвой. И воздух дрогнул от этой встречи.

Утекар в бешенстве бросился на врага. Его терзала ви-

на за рану Альбанака, и он старался заглушить ее злобой и неистовством. Сначала преимущество было на его стороне, но Утекар сражался больше сердцем, а не рассудком, в то время как Пелис был холоден и силы зря не тратил.

Через некоторое время неистовство Утекара поутихло, и вместо него он почувствовал усталость. Его руки отяжелели, мускулы свела судорога, а Пелис Вероломный продолжал хладнокровно отражать его удары. Теперь уже он наступал, и звенел от ударов меч Утекара, а не его. Утекар отступал, чувствуя, что жизненная сила покидает его. Наконец, Пелису удалось усыпить его бдительность, и лезвие воткнулось Утекару в плечо.

Пронзившая его боль тут же прогнала из головы Утекара всякую мысль о немощи. Утекар отбросил свой щит в сторону, взвился в воздух прыжком лосося⁵, и опустился прямо на Пелиса. Его меч вонзился в тело врага по самую рукоятку, и два гнома повалились на землю – один без чувств, другой – замертво.

Колин и Сюзен, наблюдавшие битву на краю лужайки, подбежали, подняли Утекара, и оттащили его к стене. Колин разодрал подол его туники на узкие полоски, Сюзен, как умела, очистила рану.

– Я убил его? – спросил Утекар.

– Да, ответил Колин.

– Удивительно, что это не я там лежу, – произнес Утекар. –

⁵ Образ, заимствованный из ирландского фольклора.

Все-таки стремительность себя оправдывает! А что Альбанак?

– Я не знаю, – сказала Сьюзен.

– Сходите, посмотрите, как он там. Только будьте осторожны, – попросил Утекар.

Колин и Сьюзен пошли вдоль дома и завернули за угол, куда эльфы отнесли Альбанака, но вскоре остановились, как вкопанные. Совсем рядом с домом раздался вой собаки. Звук поднимались и падали в невероятной тоске. Она наполнила души ребят видениями высоких гор и впадин, заполненных водой, меркнувшего света и дождя, тонкой кисеей спадающего на вершины, и холодным мерцанием моря вдалеке. И в этой дали голос замолк, отозвавшись эхом. Из тени дома вышел Атлендор и подошел к ребятам.

– Альбанака здесь нет, – сказал он.

– Как нет? – переспросил Колин. – Но он же был тяжело ранен. Где же он?

– Он отправился залечивать раны. Он вернется.

– Но почему же он нам ничего не сказал?

– У него не было времени. Его позвали. Так всегда происходит с Детями Дану, это их судьба: никогда не присутствовать при окончании своих предприятий. Они помогают. Но они не могут спасти.

– Когда же он вернется?

– Дети Дану обычно отсутствуют недолго, – сказал Атлендор. – А мы трогаемся в путь. Я сдержал свое слово. А сей-

час – на коней!

– Но мы еще не можем вернуться! – воскликнула Сьюзен. – А как же Морриган! И Броллачан все еще там, в доме! Если она его выпустит, то неизвестно, что может случиться!

– Я знаю только одно. Выполнив свое обещание, мы дорого заплатили. За одну жизнь отдано тридцать. Хватит. Собирайтесь в дорогу.

Атлендор повернулся и пошел назад, к углу дома, где стояли, сгрудившись, эльфы, которые принесли Альбанака.

– Как же он может все бросить! – горячилась Сьюзен. – Это же опасно! И мы не можем допустить, чтобы Морриган пробралась в дом! Неужели он не понимает?

– Но он прав, – сказал Колин. – Ты не можешь требовать, чтобы он и дальше нес потери за дело, которое ему безразлично.

– Безразлично? – переспросила Сьюзен. Когда ребята вернулись к Утекару, они увидели, что Мелинлас стоит рядом, охраняя его. Конь поставил уши торчком при виде ребят и положил свою морду Колину на плечо.

– Ну как он? – спросил Утекар.

– Мы его не видели, – ответил Колин. – Они сказали, что он ушел. И эльфы тоже собираются в дорогу.

– Он знал, что это произойдет сегодняшней ночью, – вздохнул Утекар. – Нам все равно было его не удержать.

– Но как он может идти тяжело раненный? – спросил Колин. – И почему он покинул коня?

– Конь ему больше не нужен, – ответил Утекар. – Он мог казаться вам странным человеком. Но он более, чем странный: он – один из Детей Дану, которые явились на землю, когда все здесь было молодо. Они были лучшими из людей.

– Он умер?

– Не в том смысле, как вы это понимаете, – сказал Утекар. – Скажи лучше, он поменял форму жизни. Дети Дану всегда оказываются поблизости от нас и тратят свои дни, помогая нам в достижении наших целей. Но на них лежит заклятие: они никогда не должны увидеть плодов своего труда. Потому что золото их природы может тогда поблекнуть, победа может вскружить им голову. Их сила не должна служить только им самим и больше никому. Это могло бы их испортить.

Когда приближается минута ухода Детей Дану, появляется Собака, которую вы сегодня видели и слышали. Вой Осара уводит их жизни в тень.

– Мне не верится, – произнес Колин. – Тогда все становится таким бессмысленным.

– Он ничего другого и не ожидал, – сказал Утекар. – И вовсе не грустил по этому поводу. Он еще вернется... Вы упомянули эльфов. Они, что, собираются уезжать?

– Они удирают! – с возмущением констатировала Сюзен.

– Тогда я начинаю лучше о них думать.

– Ты? – изумилась Сюзен. – Что это со всеми случилось?

Но вы же не должны оставить победу за Морриган!

– А что я могу с ней поделаться? – спросил Утекар. – Послушай. Колин с нами, и больше мы ничего не можем достичь, потому что Броллачана охраняет колдовство. Мы убили много бодаков и искоренили орды палугов. Я видел всего дюжину-другую, оставшихся в живых. Когда и этих не станет, Морриган обязательно явится сама. И для меня вовсе не время оставаться тут. Я не стыжусь признаться, что боюсь ее. И вовсе не жажду встречи с бодаками, я ранен и неспособен сражаться.

– Тогда я остаюсь здесь одна, – объявила Сьюзен.

– Ничего подобного, – сказал Утекар и стал пробираться к тому месту, где рухнул Пелис. Он вернулся, неся в руках его меч.

Лайос-альфары возвращались из цепи, строясь в колонну, поместив раненых в середину колонны и привязав их к седлам.

– Откуда они узнали, что надо строиться? – спросил Колин. – Никто не давал никакой команды. И никто из них, кроме Атлендора, ни разу не произнес ни слова.

– Это одна из их странностей, – сказал Утекар. – Они говорят друг с другом мысленно, и по некоторым их взглядам я ощутил, что они слышали то, что ни разу не сорвалось с моих губ.

Сьюзен нехотя села верхом на лошадь. Колин взобрался на Мелинласа, который по-видимому выбрал его к себе в хозяева. Вместе с Утекаром они присоединились к колонне

эльфов.

Костры, в которые больше никто не подбрасывал веток, умирали.

Земля была усеяна телами и изломанным оружием. Дом стоял на прежнем месте. Сюзен бросила взгляд на сцену своего поражения. Так ей теперь представились события уходящей ночи. В начале Колин был ее единственной целью, она совершила все возможное и невозможное ради него. Но сейчас у нее возникло такое чувство, что это было только первым шагом выполнения возложенного на нее долга. И вот теперь ее заставляли бросить все, не доведя до конца.

Лайос-альфары пустили коней в галоп. Если бы не их острые мечи и не менее острое зрение гнома, отступление сопровождалось бы большими потерями, потому что копья летели в них со всех сторон. И так, пока колонна не добралась до открытой местности, трое коней не досчитались всадников.

Последняя скачка

Лайос-альфары неслись в сторону Сияющей Вершины, и эта скачка напоминала разбушевавшуюся в марте бурю. Луна светила, а их глаза к ее свету были привычны. Беспокойство Сьюзен все возрастало. Уже тогда, когда они только начинали подъем, на нее напало тяжелое чувство, что все происходящее неправильно, и так не должно быть.

– Подождите! – закричала она.

Эльфы остановились, все взгляды устремились на нее.

– Мы должны вернуться. Иначе будет беда. Мы не должны позволить Морриган проникнуть в дом!

– Мы больше ничего не должны, – сказал Атлендор. – Вперед!

– Утекар, ты вернешься со мной?

– Моя сила заключена только в моем мече. Но я не могу им пока что владеть, – сказал Утекар. – И я боюсь Морриган больше, чем бесчестья. Поехали.

– Колин, а ты?

– Что с тобой, Сью? – спросил Колин. – Ты же знаешь, мы сделали все, что могли.

– Хорошо же!

Она развернула коня и помчалась в сторону Эррвуда.

– Сьюзен! – закричал Утекар.

– Она вернется, когда поймет, что мы не последовали за

ней, – сказал Колин.

Но Сьюзен даже не оглянулась. Она подъехала к круглому холму в конце долины и, вместо того, чтобы объехать его справа, направилась налево, по узкой пешеходной тропинке.

– Она хочет зайти в дом! – закричал Колин и пришпорил Мелинласа, чтобы броситься вслед. Но Мелинлас не двинулся с места. И чем больше Колин прилагал усилий, тем меньше конь обращал на него внимания. Это не было просто упрямством, как иногда случается с лошадьми. Мелинлас был спокойным и послушным конем. Он просто не двигался, и все.

Колин спрыгнул с коня на вереск и побежал бегом. Утекар попытался последовать за ним, но Мелинлас лягнул его лошадь и оскалил зубы, так что та не осмелилась пошевелиться. А Утекар был слишком слаб, чтобы понадеяться на свои ноги. Лайос-альфары не двигались.

Тропинка заросла травой и была скользкой, ручей бежал по камням где-то там, внизу. Ветки хлестали Сьюзен по лицу, но все это казалось мелочью по сравнению с тем нестерпимым холодом, который опалял ее запястье.

Тропинка кончилась. Сьюзен оказалась перед домом. Там, возле дороги, бесформенная в своих длинных одеждах, окруженная бодаками и палугами, стояла Морриган.

Завидев Сьюзен, палуги и бодаки завизжали. Им она представилась неузнаваемо преобразившейся. Они задрожали от страха и скрылись в темноте. Но сияние браслета никак не

действовало на Морриган. Ведьма подняла руку.

Только тогда, когда Сюзен взглянула ведьме в глаза, светящиеся, как у совы, она осознала настоящую цену опасности. В их глубине дрожало и кружилось что-то черное-черное. Луна сообщила Морриган такую силу, что, когда та подняла руку, даже ручей умолк и воздух дрогнул от страха.

– Веримас! Эслевор! Франгам! Бедлор!

Что-то вроде черной молнии отделилось от ее руки и направилось к Сюзен. Сюзен, защищаясь, подняла руку. И тут она снова увидела могущественное слово на браслете. И хотя на этот раз оно звучало иначе, чем на Сияющей Вершине, девочка произнесла его громко, вкладывая в его звуки всю свою волю.

– ХУРАНДОС!

Браслет испустил язык белого пламени, который встретился с черным пламенем Морриган, и они сцепились, как дерущиеся змеи.

– Салибат! Реттерем!

Черное пламя росло, уплотнялось, стало оттеснять белое пламя назад, в сторону браслета.

Сюзен привстала на стременах. Ей даже не пришлось глядеть на браслет, слова, которых она никогда не знала и не произносила, стали сами срывать с ее губ:

– ...пер седм Балдери эт пер грациам гуам забуисти...

Свет с ее стороны снова разросся, но Морриган ответила ей тоже непонятными словами, и Сюзен почувствовала, что

слабеет и чернота охватывает ее своими щупальцами.

«Ну почему здесь должна была оказаться я? Ну почему именно – я?» – думала Сьюзен.

И тут могущество Морриган настигло Сьюзен. Девочка точно провалилась в какую-то черноту.

Когда Сьюзен очнулась, то увидела, что Морриган стоит к ней спиной и смотрит на дом. Ведьма была слишком уверена в своем искусстве, слишком презирала светлый браслет, и то, что должно было разрушать, только слегка удивило ее. Сьюзен почувствовала, что больше уже ничего не может сделать. Она попыталась, и она проиграла. Теперь нужно предупредить Колина и Ангарад Златорукую. Пусть они что-нибудь предпримут.

– Бестицитиум косолатио вени ад ме вертат Креон, Креон, Креон... – Морриган что-то причитывала бесстрастно, монотонно, поднимая руки.

Сьюзен потихоньку поползла к лошади, которая стояла как замороженная, и добралась как раз в тот момент, когда голос Морриган усилился и та вскрикнула:

– ...принципом да мотем эт инимикос о простантис вобис пассум синцисибус. Фиат! Фиат! Фиат!

В доме раздался раскат грома, и из верхнего окна стал выплывать черный дым. Наружная стена дома рухнула, и из его глубины появилось огромное черное облако, и в этом облаке были два красных пятна.

Сьюзен не стала дожидаться. Она взобралась на лошадь, и

лошадь под ней успокоилась. Они помчались вихрем. Сьюзен слышала, как Морриган что-то кричит вслед, и вот уже Сьюзен завернула за угол и оказалась на дороге за ручьем.

Но Броллачан поднимался над Эррвудом и все разрастался и разрастался, и сам по себе сильный, да еще поддержанный луной и могуществом своей хозяйки. Он заметил и всадницу на дороге, и увидел эльфов на холме. У него возникло намеренье собрать с них дань за долгие столетия плена, состоявшегося по их вине.

Сьюзен почувствовала, как небо чернеет над ней. Она поглядела вверх и увидела только черную ночь. Она подняла над собой Знаки Фохлы, но серебро браслета потускнело, и слова были неясны. Холм исчез. Ей ничего не было видно. Воздух пульсировал в ритме ее сердца, черная ночь проникла в ее мозг, мир уплывал от нее.

И тогда Сьюзен услышала голос Ангарад Златорукой:
– Вспомни про рожок в золотой оправе!

Все потеряно! Сьюзен негнушима пальцами сорвала рожок со своего пояса и поднесла его к губам.

Его звук прозвучал музыкой. Это была музыка ветра, пробежавшего по ледяным пещерам, и откуда-то из-за ветра донесся цокот копыт и голоса:

– Мы скачем! Мы скачем!

И чернота начала таять. Возле стремени Сьюзен стоял человек с высокими гордыми оленьими рогами, росшими из его головы. Он положил руку на шею ее лошади, и вдруг все

запестрело от красных, белых, голубых и черных плащей и развевающихся волос. И они увлекли Сьюзен за собой, как легкую соломинку.

И вдалеке, где-то над полем, она увидела девятерых женщин, с соколом на руке и охотничьих собак, и все они стремились к ней навстречу, и радость овладела Сьюзен, и у нее не осталось других мыслей и других воспоминаний, кроме одного: она помнила Селемон, дочь Цеи, и то, как горечь Мотана разлучила их.

Сьюзен пришпорила коня и сама поскакала им навстречу, навстречу той радости, которая пела в ночи и которая подняла всадников из их темных курганов. Но снова послышался голос Ангарад:

– Оставьте ее! Сила ее еще не созрела. Еще не теперь! И охотник тут же снял руку с лошади Сьюзен и потихоньку удалился. Девочке показалось, что она просыпается ото сна, в невыносимо пустом мире. А ей так хотелось поделиться с кем-нибудь своей победой, своим триумфом.

Эйнхейриары поблекли, их фигуры стали легкими и прозрачными, они устремились прочь.

– Селемон! – позвала Сьюзен. Но ее, как что-то лишнее и ненужное, оставили одну на холме! И тут до нее донесся голос:

– Еще не теперь! Это будет! Но не теперь!

И какой-то огонь погас у нее внутри! Вокруг было пусто, и ночной ветерок дул ей в лицо. Но в сердце перемежались

и печаль и радость.

Колин почти добрался до круглого холма, когда увидел, как Броллачан стал разрастаться над деревьями, и в тот же самый момент появилась Сьюзен, а он глядел в отчаянии от своего бессилия.

Броллачан настиг ее так быстро, что Колину показалось, точно она скачет назад. Облако завертелось, как смерч, который вырос над Сьюзен, и обрушился на нее. Раздался такой грохот, что сбил Колина с ног и обрушил часть холма, а Броллачан парил в воздухе.

Но когда Колин пришел в себя, он услышал звуки другие, необычайной красоты, которые он не мог потом забыть всю свою жизнь. Это были звуки рожка, и были они прекрасны, как лунный свет на снегу, и другой такой же звук отозвался откуда-то от небесных пределов, и Броллачана начали пронзать серебряные молнии. Он слышал топот копыт и крики: «Мы скачем! Мы скачем!» И все облако так ярко засверкало серебром, что стало больно смотреть.

Звук копыт приближался, земля дрожала. Колин открыл глаза. Теперь серебристое облако катилось по земле, разделяясь на отдельные куски света, которые затем превратились в паутины звездных лучей, и вот уже они оформились в скачущих всадников, во главе с его величеством, в короне оленьих рогов, как в солнечных лучах.

Но когда они проносились по долине, один из всадников отстал, и Колин увидел, что это... Сьюзен. Она не могла уже

за ними угнаться, хотя скакала с такой же скоростью. Свет, из которого она казалась сотканной, стал гаснуть, и на место светлой фигуры появилась ее плотная фигурка, которая остановилась там, в долине, одинокая, оставленная унесшейся в небеса светлой кавалькадой.

А всадники с холма поднялись в воздух, разрастаясь в небе, и им навстречу появились девять прекрасных женщин с волосами, развевающимися по ветру.

И они ускакали вместе в ночь, над волнами и островами, и Старое Волшебство стало теперь навеки свободно. И вскоре народилась молодая луна.